
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2018. 9(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)
PhD Shadrina Alla – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)
PhD Grevtsova Tatyana – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation
PhD Grom Oleg – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine
PhD Dobrovolskaya Varvara – State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russian Federation
Dr Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Dr Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
Dr Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation, Volgograd

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 22.06.2018.
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № 23

© Russkaya Starina, 2018

Russkaya Starina

2018

Is. 1

Издается с 2010 г.
 E-ISSN 2409-2118
 2018. 9(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Шадрина Алла – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва, Российская Федерация
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
 Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

2018

Is. **1**

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара
 Вайнорска, г. Братислава – Нове Место,
 Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.06.2018.
 Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
 E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing
 House Researcher s.r.o.

Заказ № 23

CONTENTS

Column by Editor in Chief	4
Memorial Practices and Memorial Culture	
Rostov Regional Branch of VOOPIIK in the System of the Protection of the Historical and Cultural Monuments: Main Stages and Content of Activities O.V. Semenova	5
Heroic Symbols of the Great Patriotic War in the Memorial Space of the Rostov Region V.I. Afanasenko	17
The Origin and Formation of the Reconstruction Movement in the Don Region K.V. Voronin	36
Portraits	
Traditional Folk Culture in the Collecting Activities and Literary Works of Nikolay Ivanovich Bilevich V.E. Dobrovolskaya	53
Articles and Statements	
The House of Living – the House of the Dead. “Transitional” Status of Dwelling in Slavic Funeral and Remembrance Rites M.A. Andrunina	65
Family Group against a Background of the End of the Empire: Gorinovs from Khutor Bokov. Part 2 T.Y. Vlaskina	81
The Role of the Print Media in the Formation of the Soviet Cossacks Image in the 1930s O.V. Rvacheva	88
Love in War. Women and Men in the Red Army (on Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 2 L.L. Smilovitsky	100

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2018, 9(1): 4

www.ejournal15.com

Column by Editor in Chief

Знаменитый китайский мыслитель Конфуций отрицательно относился к переменам в жизни общества, считая, что все предопределено судьбой и каждому надлежит лишь строго выполнять свои обязанности. Однако современная жизнь динамична, и нам приходится постоянно искать ответы на новые вопросы.

Представляя первый номер журнала за 2018 год, в первую очередь обращаю внимание на тематическую рубрику «Мемориальные практики и мемориальная культура». Вопросы сохранения и использования историко-культурного наследия, политика памяти в разных странах и регионах сегодня относятся к наиболее актуальным направлениям исследований. Целый ряд мемориальных конфликтов на юге России свидетельствуют о том, что здесь они стоят особенно остро. В данной рубрике представлены три разные по предмету, способам решения исследовательских задач и использованным источникам статьи Ольги Семеновой, Владимира Афанасенко и Константина Воронина. Но именно благодаря этому они позволяют раскрыть различные направления в институционализации исторической памяти. Авторы рассматривают вопросы создания и деятельности общественных организаций в системе охраны памятников истории и культуры, отражение в мемориальной культуре Дона наиболее ярких событий Великой Отечественной войны, реконструкторское движение в Ростовской области как новую форму представления знаний о прошлом.

Хотя мы не раз публиковали материалы биографического характера, новой для нашего журнала является рубрика «Портреты». Публикуемые в ней материалы призваны раскрыть вопросы взаимоотношений личности и культуры, судьбы отдельных деятелей культуры и искусства, роль носителей культурных традиций в их сохранении. Рубрика задумана членом редакционного совета Варварой Добровольской, и она же будет ее постоянным ведущим. В этом номере публикуется ее статья, посвященная деятельности Николая Билевича по собиранию и изучению традиционной культуры.

Среди других материалов – статьи Марии Андрюниной о статусе жилища в славянской погребальной и поминальной обрядности и Ольги Рвачевой – о роли печатных СМИ в формировании образа советского казачества в 1930-х гг., а также продолжающиеся публикации опирающихся в основном на неопубликованные материалы статей Татьяны Власкиной и Леонида Смиловицкого.

Надеюсь, что широта и разнообразие материалов второго номера не будет уступать в этом отношении первому, а содержание полностью оправдает наши ожидания.

Главный редактор «Русской старины»
Евгений Кринко

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2018, 9(1): 5-16

DOI: 10.13187/rs.2018.1.5
www.ejournal15.com

Memorial Practices and Memorial Culture

Rostov Regional Branch of VOOPIiK in the System of the Protection of the Historical and Cultural Monuments: Main Stages and Content of Activities

Olga V. Semenova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article studies the origin and development of the protection procedures for historical and cultural heritage of the Don region in the 20th century. This process began in the XIX century. The tragedy of the Revolution and the Civil War nearly led to disappearance of the cultural heritage. From the second half of the XX century the Soviet State carried out a set of measures aimed at the formation of people's historical consciousness and the construction of a "new past". For this purpose were used traditional institutions (such as museums, archives, scientific institutions) and new ones were created (VOOPIK society, "Znanie" society). Thanks to the enthusiasm of the scientific and creative intelligentsia and the mass character of social initiatives, many monuments of history and culture were saved. However, the same resource was used for ideological and political propaganda.

Keywords: historical and cultural heritage of the Don, State Archive of the Rostov Region (GARO), VOOPIiK, memorial policy, passportization of monuments, Rostov local historians, propaganda of historical and cultural monuments.

1. Введение

Отношение государства к историко-культурному наследию имеет большое значение для социальной и политической жизни страны. Без поддержки и помощи со стороны власти выявить, сохранить и подержать памятники истории и культуры невозможно, а без широкого общественного участия этот процесс становится бесперспективным. Монументы, памятники, городская скульптура «во многом отражают мировоззрение, систему ценностей и предпочтений людей и одновременно формируют их» (Васильев, 2017: 70). Залог успешного развития современного демократического государства именно в единении государственных и гражданских усилий по сохранению историко-культурного наследия, памяти о прошлом.

История нашей страны богата памятными событиями. Многие из них к началу XX в. были увековечены в памятниках и мемориалах. Однако часть этих памятников была снесена

* Corresponding author
E-mail addresses: oliko_sov@mail.ru (O.V. Semenova)

в первые годы советской власти по идеологическим причинам, другие пострадали во время Великой Отечественной войны. В дальнейшем исторические достопримечательности ветшали и разрушались, так как государство не выделяло средств на их поддержание и реставрацию. В середине XX в. эта тенденция наблюдалась в ст. Старочеркасской, г. Азове, г. Новочеркасске, г. Ростове-на-Дону, других городах и станицах Ростовской области. Не была упорядочена установка новых памятников, а ранее существующие, за редким исключением, оставались «бесхозными».

В данной статье рассматривается деятельность Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИиК), его взаимодействие с органами государственной власти в процессе сохранения историко-культурного наследия и проведения специфической мемориальной политики. Механизм этого взаимодействия представляет несомненный интерес.

В описаниях мемориальной политики Ростовской области в XX–XXI вв. имеется много неточностей, что связано с недостаточным изучением источников. В связи с этим была поставлена задача выявить и ввести в научный оборот документы, связанные с историей и деятельностью Ростовского регионального отделения ВООПИиК и его ролью в системе охраны историко-культурного наследия Ростовской области.

2. Материалы и методы

Работу по сбору и систематизации документов, связанных с сохранением историко-культурного наследия и мемориальной политикой, ведут архивы юга России. В данной статье представлены материалы, полученные в результате работы в ГАРО. Это документы фонда Р-4420 Ростовского регионального отделения ВООПИиК, охватывающие период с 1965 по 1998 гг.; фонда Р-4156 Управления культуры исполнительного комитета Ростовского областного Совета народных депутатов с 1971 по 1991 гг.; фонда Р-4096 Отдела культурно-просветительной работы исполкома Ростовского городского совета депутатов трудящихся (с 1955 г. – городского управления культуры исполкома Ростовского городского совета депутатов трудящихся) с 1943 по 1989 гг.

В ходе исследования были изучены следующие архивные документы: постановления, решения и приказы Совета министров РСФСР (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 1); документы об организации Ростовского отделения ВООПИиК (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 2); решения облисполкома (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп.1. Д. 10); письма и предложения трудящихся (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 18); решения Центрального совета ВООПИиК и его Ростовского отделения (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 19); протоколы заседаний президиума Совета Ростовского отделения ВООПИиК (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп.1. Д. 20); планы работы общества (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 21); штатное расписание и приходно-расходные сметы ВООПИиК (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 22); документы о деятельности городских и районных отделений общества (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 23); документы о проведении общественных смотров по содержанию памятников истории и культуры (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 27); отчеты о деятельности (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 55); документы о пропаганде и популяризации памятников (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 116); списки памятников (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 117); справки о состоянии памятников (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 118); сведения об учете памятников, обелисков, братских могил (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 131). Большая часть изученных документов связана с организацией и обеспечением выполнения директивных документов по учету и охране памятников, популяризации историко-культурного наследия второй половины XX в. в Ростовской области.

Большое значение для изучения данного вопроса имеют работы исследователей мемориальной политики юга России Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко (Хлынина, Кринко, 2014: 256–280; Кринко, 2015: 126–135), В.И. Афанасенко (Афанасенко, 2017: 68–78), И.Ю. Васильева (Васильев, 2017: 69–74), С.М. Маркедонова (Маркедонов, 2004: 83), О.В. Семеновой (Семенова, 2015: 525–530), Л.А. Штавдакер (Штавдакер, 2016: 220–225). Их труды посвящены политике памяти, дореволюционным обществам, занимавшимся охраной памятников, а также памятникам и мемориалам в честь событий и героев войн и революций.

В работе над статьей использованы принципы историзма и объективности, аналитический и историко-генетический методы.

3. Обсуждение и результаты

Охрана историко-культурного наследия в России имеет давнюю историю. В начале XX в. в Одессе, Москве и Санкт-Петербурге существовали общества по изучению и сохранению памятников истории: Московское археологическое общество (1864), Археологическая комиссия (1859), Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909), Одесское общество истории древностей (1839). Благодаря работе этих обществ были запрещены самовольные археологические раскопки и реставрации старинных зданий. В провинции также появились организации, объединяющие любителей и знатоков местной истории. Авторитет подобных обществ был довольно высок. Благодаря их деятельности было в целом остановлено разрушение национального наследия. Однако до революции в России специальные законодательные акты в области памятников искусства и старины не были приняты.

В Ростове-на-Дону Общество истории, древностей и природы возникло в 1907 г. У его истоков стояли М.Б. Краснянский, А.М. Ильин, А.К. Кравченко, М.И. Дмитриевский, В.К. Чириков, И.С. Гурин, В.Ф. Задонский, А.Т. Климентов, А.Т. Стефанов. Общество объединило около 200 человек и впервые провело учет памятников истории и культуры. Результаты исследований публиковались в ученых записках (Маркедонов, 2004).

Трагедия революции и Гражданской войны, уничтожение частной собственности и атеистическая пропаганда чуть было не привели к исчезновению культурного наследия. Для его спасения при Народном комиссариате просвещения была организована система охраны памятников во главе с Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. При губернских отделах народного образования возникли комиссии по делам музеев и охране памятников искусства и старины (1918–1920). Впервые в пореволюционные годы здесь активно работали местные краеведческие общества и архивы. Они сыграли важную роль в изучении историко-культурного наследия.

Можно перечислить целый ряд краеведческих организаций и учреждений, действовавших на Дону в 1920-е гг.: Донское общество археологии и истории искусств (1922, Ростов-на-Дону); Краевое общество археологии, истории и этнографии (1925, Ростов-на-Дону); Северо-Кавказское бюро краеведения (1926, Ростов-на-Дону); Донецкое окружное бюро краеведения (1926, Миллерово); Донское окружное бюро краеведения (1926, Ростов-на-Дону); Таганрогское окружное бюро краеведения (1926, Таганрог); Общество археологии, истории и этнографии (преемник Донского общества археологии и истории искусств, учрежденного в 1922 г. после закрытия Донского государственного археологического института в Ростове-на-Дону); Новочеркасская ассоциация научных работников по краеведению (1924, Новочеркасск) (Ямпольский, 1927: 62–73). Это интереснейшая страница истории донского краеведения. К сожалению, созданная после революции система охраны памятников в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. была уничтожена. Упразднили Музейный отдел Наркомпроса, закрыли губернские отделы охраны памятников, реставрационные мастерские, многие музеи. После разгрома в 1930-е гг. общественные организации по охране памятников не возобновляли работу. Сохранившиеся и способные популяризировать историко-культурное наследие общества, например, Общество пролетарского туризма и экскурсий (1927–1936), сосредоточили свою работу на пропаганде советского образа жизни и военно-патриотической сфере (Полякова, 2005: 143).

После Великой Отечественной войны отношение к историко-культурному наследию меняется. При министерстве культуры было образовано управление музеев и охраны памятников. В послевоенный период на территории Ростовской области, как и во всей стране, Советским государством проводилась активная мемориальная политика. Это был целый комплекс мероприятий, направленный на сохранение историко-культурного наследия, формирование у советских граждан исторического сознания и конструирования «нового прошлого». Масштабы действий были грандиозны. Для сохранения памятников истории и культуры подключили ряд организаций и учреждений, способных прямо или косвенно влиять на этот процесс: музеи, архивы, военкоматы, образовательные учреждения, творческие союзы, учреждения культуры, научные учреждения, средства массовой информации, молодежные и общественные организации

Государство основывало новые учреждения – музеи, картинные галереи, общественные организации и памятники, охраняло их, финансировало их деятельность,

и, конечно, контролировало. Этот ресурс использовался с целью формирования патриотического сознания, а также идеологической и политической пропаганды. Создавалось новое и трансформировалось существующее законодательство по данному вопросу. В этой связи для настоящего исследования важны акты исполнительной и законодательной власти, которые вносили изменения в существующее положение дел, касающихся сохранения историко-культурного наследия.

В СССР после Великой Отечественной войны охрана памятников возлагалась на отделы культуры местных советов. Паспортизацией, взятием на учет и реставрацией занимались музеи, Государственный научно-исследовательский институт реставрации, реставрационные мастерские. Однако средств на ремонт и реставрацию отпускалось мало. Не хватало сотрудников. Решить эту проблему было возможно, лишь сделав учет и охрану историко-культурного наследия делом обычных граждан, равнодушных к прошлому и настоящему своей Родины. Назрел вопрос об организации массовой общественной организации.

ВООПИиК было основано 23 июля 1965 г. У его истоков стояли, с одной стороны, группа выдающихся деятелей науки, образования и искусства, а с другой – Советское государство, осознавшее важность историко-культурного наследия и заинтересованное в пропаганде с использованием этого потенциала. К тому же в постсталинский период страна стала более открыта для посещения иностранными туристами, а многие достопримечательности оказались в плачевном состоянии. Инициаторами создания ВООПИиК выступили заместитель председателя Совета министров РСФСР В.И. Кочемасов, ставший первым председателем ВООПИиК, писатель Л.М. Леонов, художники И.С. Глазунов, П.Д. Корин и Н.А. Пластов, композитор Г.В. Свиридов, директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский, академики АН СССР И.В. Петрянов-Соколов и Б.А. Рыбаков ([Основатели Общества охраны памятников истории и культуры](#)). Дата основания ВООПИиК не случайна. Правительство было обеспокоено состоянием памятников, прежде всего, посвященных В.И. Ленину, героям революции, Гражданской и Великой Отечественной войнам. Приближалось 50-летие Октябрьской революции, 100-летний юбилей В.И. Ленина и круглые даты, связанные с Великой Отечественной войной. Решение о создании общественной организации, названной ВООПИиК, было принято за два года до юбилейной даты ([Постановление Совета министров РСФСР, 1965](#)). Одновременно с Обществом были основаны Благотворительный фонд, а позднее, в 1980 г., печатный орган альманах «Памятники Отечества». В соответствии с постановлениями правительства и Центрального совета ВООПИиК, в регионах создавались отделения Общества. В Ростовской области отделение было учреждено в соответствии с решением № 869 Исполнительного комитета Ростовского областного Совета депутатов трудящихся (облисполкома) от 25 августа 1965 г. ([ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 2. Л. 4](#)). Учредительная конференция Ростовского областного отделения ВООПИиК прошла 8 февраля 1966 г. ([ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 2. Л. 7](#)). С момента основания и по настоящее время Общество оказывает значительное влияние на процесс сохранения историко-культурного наследия, является проводником мемориальной политики государства в жизнь.

Необходимо отметить, что некоторые функции ВООПИиК ранее были возложены на областные и региональные отделы (а позднее управления) культуры ([ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 18. Л. 127](#)). Однако, круг вопросов, которые решали сотрудники этих учреждений, был слишком разнообразен и включал контроль над музеями, библиотеками, парками, театрами и филармониями, домами культуры, профессиональными и самодеятельными коллективами, и даже музыкальными учебными учреждениями (музыкальными школами и училищами). Сотрудники управлений культуры организовывали конкурсы и фестивали различного уровня, оказывали всевозможную методическую поддержку и работали со специалистами учреждений культуры ([ГАРО. Ф. Р-4156. Оп. 1. Л. 1](#)). Два-три инспектора по охране памятников управления культуры в районе или области не могли справиться с задачей, которую поставили перед ВООПИиК, а задачи были крупномасштабными и основывались на добровольном участии граждан в выявлении новых и охране существующих памятников.

В соответствии с уставом, принятым на учредительном съезде ВООПИиК в июле 1966 г., работа общества строилась по принципу обязательности решения вышестоящих

органов для нижестоящих, выборности всех органов и строгой подотчетности их нижестоящим. Съезды собирались один раз в пять лет. Между ними работой Общества руководил Центральный совет. Постоянно действующим органом управления стал президиум, возглавляемый председателем. Вступающие в общество граждане должны были уплачивать вступительные и членские взносы (60 и 30 копеек, соответственно). Членам общества выдавались удостоверения и значки. Членство могло быть индивидуальным и коллективным. Для поступавших средств в госбанках открывались специальные счета отделений Общества. Поступившие деньги шли на установку и реставрацию памятников. Штатными сотрудниками в отделениях общества были только председатель и бухгалтер. Лишь спустя некоторое время руководители ВООПИиК среднего звена смогли решить вопрос о премировании наиболее активных членов общества в размере 20–50 рублей за квартал (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 253. Л. 25). Таким образом, в СССР на государственном уровне началось проведение крупномасштабной, всеохватывающей политики по учету, сохранению и использованию историко-культурного наследия. Различные специалисты – историки, краеведы, музейные сотрудники, архитекторы, скульпторы – были готовы работать на общественных началах.

Ростовские краеведы и историки с воодушевлением подхватили идею организации ВООПИиК. В этом проекте объединялись усилия административно-государственного аппарата (обком и горисполкомы), потенциал научно-творческой интеллигенции и активность неравнодушных граждан. При президиуме совета областного отделения были образованы секции: а) исторических памятников (председатель секции профессор Ростовского государственного университета (далее – РГУ) А.П. Пронштейн, заместитель – преподаватель РГУ В.Н. Королев; б) архитектуры (председатель секции доцент архитектуры Н.А. Александров, заместитель – архитектор Н.Н. Нерсесянц); в) литературы и искусства (председатель – председатель областного отделения Союза художников К.Е. Баланова, заместитель – писатель М.А. Андриасов); г) массово-просветительной работы (председатель – директор «Ростиздата» И.Д. Демченко, заместитель – директор издательства газеты «Молот» В.С. Моложавенко) (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 27. Л. 90–91).

Деятельность Ростовского отделения ВООПИиК строилась в соответствии с директивами правительства РСФСР. Это были приказы, положения и памятки, спускаемые из Москвы. Поскольку членство в ВООПИиК было признано важной государственной задачей, число членов постоянно увеличивалось, а областные власти пристально следили за тем, чтобы эти показатели устойчиво росли. Уже в 1967 г. в Ростовской области числилось 32 702 члена областного отделения Общества. 22 528 человек из них состояли в юношеской секции (молодые люди с 16 лет, учащаяся молодежь). 300 первичных организаций и 93 предприятия вступили в ВООПИиК коллективно (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 10. Л. 34–35).

Реставрацию объектов культурного наследия было решено проводить с помощью реставрационно-строительных отрядов, сформированных из числа студентов РГУ (историков) и Ростовского инженерно-строительного института (архитекторов) (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 10. Л. 28). Организационные и финансовые проблемы исторических и историко-архитектурных музеев в ст. Старочеркасской, г. Азове, Танаисе часто решали административно-командным методом. С согласия облисполкома президиум областного отделения ВООПИиК обращался к руководителям крупных предприятий Ростова, Новочеркаска, Аксая, Азова с просьбой выделить в порядке шефства над историко-культурным объектом транспорт, рабочих и строительные материалы (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 10. Л. 30). Для советского времени это была обычная практика, включавшая субботники, воскресники и месячники трудящихся на предприятиях и в учреждениях по благоустройству и озеленению территорий вокруг памятников.

Деятельность по реставрации старых и установке новых памятников и мемориалов, а также мемориальных досок строго регламентировалась памяткой «О порядке сооружения памятников и монументов, об установлении мемориальных досок и увековечения памяти государственных и общественных деятелей» и письмом Министерства культуры РСФСР от 20 марта 1961 г. № 01-53/22. В соответствии с этими документами, памятники и монументы, имеющие общегосударственный характер, устанавливались с разрешения ЦК КПСС и Совета министров СССР, а также ЦК компартии и Советов министров союзных республик (за исключением вопросов установления бюстов и памятников дважды Героям Советского

Союза и дважды Героям Социалистического Труда). Организация проектирования памятников и монументов производилась Министерствами культуры СССР и союзных республик. Мемориальные доски могли быть установлены учреждениями и организациями на основании решения областных исполкомов по представлению областного управления культуры. Тексты мемориальных досок утверждались облисполкомом по согласованию с местными партийными органами. Эскизные проекты мемориальных досок обсуждались и принимались художественными советами при областном управлении культуры. Установление мемориальных досок производилось за счет средств местного бюджета, предназначенных на охрану памятников культуры, а так же различных организаций и учреждений (ведомств, предприятий). Изготавливать мемориальные доски рекомендовалось только из прочного материала (мрамор, гранит, чугун и бронза) (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–3).

Средства, на которые реставрировали и устанавливали памятники и мемориалы в Ростовской области, привлекались из разных источников. Это были финансовые поступления из министерств культуры СССР и союзных республик; областные и городские бюджеты, средства местных советов и ВООПИиК (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 27. Л. 136–137). Возможны были иные формы финансовой поддержки. Так, в отчетном письме регионального отделения ВООПИиК в облисполком говорится о перечислении неким «советом церквей»¹ 34 тыс. рублей на проведение реставрационных работ исторических объектов ст. Старочеркасской (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 27. Л. 143).

Важным представлялся вопрос пропаганды памятников истории и культуры. Для этого использовались средства массовой информации. В областной газете «Молот», городских и районных газетах публиковались историко-краеведческие статьи, раскрывающие для читателей историческое прошлое Дона. Организовывались экскурсии, читались лекции, проводились беседы и встречи с участниками революции, Гражданской и Великой Отечественной войн (ГАРО. Ф. 4420. Оп. 1. Д. 27. Л. 10–13).

В 1960–1980 гг. по всей стране развернулось движение за сохранение памяти героев, погибших за Родину. Основывались школьные и общественные музеи и поисковые отряды. Устанавливались новые памятники и мемориалы, зажигались Вечные огни. В Ростовской области были созданы крупные мемориалы: «Павшим воинам» (1969), «Первоконникам» (1972), «Жертвам фашизма» (1975), «Тачанка-ростовчанка» (1977), «Памятник Великой Октябрьской революции» (1979), «Самбекские высоты» (1980), «Воинам-освободителям Ростова» (1983), «Штурм» (1983) (Памятники Дона).

К работе по учету и охране культурного наследия Ростовской области подключались шефские организации, музеи, военкоматы, пионеры и школьники, молодежь и комсомольцы (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 55. Л. 142). Благодаря массовому участию граждан проводились общественные смотры памятников в городах и районах области. Невозможно переоценить вклад общественных инспекторов и граждан, которые своими письмами, обращениями и конкретной работой помогали найти, описать, восстановить или спасти тот или иной памятник от разрушения (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–7). Значительные усилия историки, реставраторы и искусствоведы приложили к сохранению и возрождению исторических объектов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника, находившихся к началу 1970-х гг. в удручающем состоянии. Ростовское региональное отделение финансировало реставрационные и археологические работы на территории музея-заповедника «Танаис», реставрацию здания Таможенной заставы (XVIII в.) в Аксае, Торговых рядов в Таганроге, Преображенской церкви в с. Займо-Обрыв, охранные раскопки памятника археологии Каменная балка в хуторе Недвиговка (Краткая информация о деятельности). Продолжалась паспортизация памятников истории и культуры.

¹ Можно предположить, что составитель документа неверно назвал организацию, имея в виду Совет по делам религий при Совете министров СССР, созданный в 1965 г. после слияния Совета по делам Русской православной церкви (существовал с 1943 г.) и Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР (основан в 1944 г.).

Рис. 1. Дом С. Ефремова (кухня), ст. Старочеркасская. 1970-е гг. Фотография из архива Ростовского регионального отделения ВООПИиК

Общий энтузиазм добровольцев нивелировался формализмом некоторых бюрократов. Как отмечалось в отчете о работе ВООПИиК за 1968 г., в большинстве городских и районных отделениях области отсутствовали штатные работники (на 52 городских и районных отделения имелось только 25 штатных ответственных секретарей). Центральному совету не хватало оперативности, он плохо снабжал регионы членскими билетами и марками, а также почетными или похвальными грамотами и не предоставлял право на материальное поощрение активистов общества; не организовал издание и размножение лекций и кинофильмов о памятниках, за которые региональные отделения были готовы заплатить. Ростовский обком КПСС и облисполком возражали против открытия при Обществе бюро по пропаганде памятников (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 55. Л. 144–146). У Общества не было права издания, а «отсутствие права издания равносильно принижению важности печатной пропаганды памятников истории и культуры, которую призвано организовывать и проводить само общество, согласно уставу, утвержденному Советом министров» – отмечал в отчете заместитель председателя президиума Совета Ростовского отделения ВООПИиК Д. Павлов (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 55. Л. 145).

В реализации мемориальной политики областные власти, руководствуясь директивами сверху, отдавали приоритет памятникам героям революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. В справке об учете памятников в 1969 г. в Ростовской области указаны: 7 памятников архитектуры (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 117. Л. 4), 23 памятника искусства (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 117. Л. 16), 1189 братских могил (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 117. Л. 13), 711 памятников археологии (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 117. Л. 19), 3155 памятников и бюстов В.И. Ленина (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 117. Л. 4–5). На грандиозные монументы, посвященные важным политическим событиям, выделялись средства, намного превышавшие финансирование содержания и реставрации памятников архитектуры и искусства в Ростовской области.

И все же 1960–1970 гг. стали временем расцвета работы Общества. К началу 1980-х гг. в Ростовской области в ВООПИиК состояло 603 947 членов, 60 городских и районных организации, 1290 коллективных членов. Работали 3 секции, 46 общественных инспекций. К сотрудничеству с Обществом были привлечены более 3 тысяч специалистов: архитекторов, археологов, историков, краеведов, сотрудников архивов, журналистов (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 370. Л. 38). Главное внимание в ходе реставрационных работ уделялось историко-архитектурному музею-заповеднику в ст. Старочеркасской и музейно-мемориальным

объектам в Таганроге, связанным с жизнью и деятельностью А.П. Чехова. В 1984 г. областное отделение ВООПИиК израсходовало на реставрационные работы 78,8 тыс. рублей. При этом членских взносов было собрано 212 321 рублей. (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 370. Л. 43). Очевидно, что большая часть собранных средств уходила в Москву, и изменить что-либо, например, оставить их в области, не было возможности.

Рис. 2. Памятник истории и архитектуры XVIII в. дом К. Булавина. Ст. Старочеркасская. 1970-е гг. Фотография из архива Ростовского регионального отделения ВООПИиК

С середины 1980-х гг. активность ВООПИиК пошла на спад. Формализм и «кампанейщина» крайне негативно отражались на работе. Отжившая идеология и бюрократизм отталкивали сочувствующих движению охраны памятников от сотрудничества. Например, во время проведения в Ростове-на-Дону в октябре 1985 г. Всероссийского кинофестиваля любительских документальных фильмов, посвященных историко-культурному наследию, у организаторов по непонятным причинам не оказалось средств на призы (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 367. Л. 63). Облисполком обратился с письмами в различные организации области – Союз архитекторов, обком ВЛКСМ, облсовпроф, пытаясь заручиться обещанием организаций предоставить призы для участников (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 367. Л. 65–68.). По всей вероятности, отказать в официальной просьбе облисполкому в условиях административно-командной советской системы организациям было сложно. Однако облсовпроф в официальном письме все же выразил несогласие финансировать покупку призов, сославшись на отсутствие средств (ГАРО. Ф. Р-4420. Оп. 1. Д. 367. Л. 69).

ВООПИиК сыграл большую роль в деле сохранения и реставрации объектов культурного наследия, составления реестра памятников, подготовке Законов СССР (1976) и РСФСР (1978) «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и Закона Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002). В 1990-е гг., с изменением государственного строя и переходом к рыночным отношениям, подверглась трансформации и система охраны памятников. ВООПИиК продолжило работу, хотя многие его региональные отделения прекратили свою деятельность. Так, при участии сотрудников ВООПИиК, в 1993 г. в Новочеркасске был восстановлен памятник М.И. Платову (скульптор А.В. Тарасенко). С 1994 г. Ростовское отделение возглавляет А.О. Кожин. Благодаря ему и его единомышленникам, в Ростовской области продолжается работа по учету и охране памятников истории и культуры, восстанавливаются мемориалы, реставрируются прежние и устанавливаются новые мемориальные доски. Приведен в порядок ряд захоронений на Братском кладбище в г. Ростове-на-Дону. В 2002 г. при участии ВООПИиК, сотрудников музеев, архитекторов и историков была создана городская межведомственная комиссия по

переименованию общественно-значимых мест, установке памятных знаков, увековечению имен выдающихся людей и памятных событий в г. Ростове-на-Дону ([Постановление мэра г. Ростова-на-Дону, 2002](#)). Одна из функций ВООПИиК, по словам А.О. Кожина – «наблюдать, чтобы волна переименований не захлестнула улицы и площади городов области». Переименование всегда должно быть исторически оправдано и разумно, не задевать интересов горожан. И это – тоже часть региональной мемориальной политики ([Кожин, 2017](#)).

Рис. 3. Председатель Ростовского регионального отделения ВООПИиК А.О. Кожин. Фотография из архива автора. 2018 г.

На сегодняшний день ВООПИиК предоставлено право «согласовывать градостроительные проекты городов и населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры, а также проекты, затрагивающие интересы памятников, или их зон охраны (в соответствии со ст.34, 37, 40 Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1978 г.). Эти статьи сохраняются и в новом Федеральном Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)» ([Федеральный закон, 2002](#)).

4. Выводы

От государства всегда зависела степень сохранности историко-культурного наследия. Отношение к прошлому, а оно воплощено в памятниках и мемориалах, определяет уровень политической, экономической и нравственной зрелости власти. Институты мемориальной политики сложились в СССР уже в 1960–1970 гг. вследствие союза государства и общественных организаций. Огромную роль в этом процессе сыграл ВООПИиК, остановив разрушение исторических памятников и подготовив проекты законов, определивших в дальнейшем судьбу историко-культурного наследия в стране.

В Ростовской области, благодаря энтузиазму специалистов, общественников, государственному участию и работе рядовых членов различных общественных организаций были спасены многие памятники истории и культуры, организованы музеи-заповедники (Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник, Археологический музей-заповедник «Танаис», Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник и Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова).

Несмотря на то, что ВООПИиК был общественной организацией, его возникновение, развитие, направления деятельности определялись государственной властью. Ростовское региональное отделение функционировало в соответствии с директивами центральных и местных властей, отчитывалось перед ними и не имело возможности распоряжаться финансовыми ресурсами. Все это не умаляет заслуг активистов и энтузиастов организации. Пройдя в XX–XXI вв. несколько этапов в своем развитии, Общество и сегодня демонстрирует свою востребованность и актуальность.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г. «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ госрегистрации АААА-А16-116012610049-3).

Автор выражает благодарность председателю Ростовского регионального отделения ВОО ВООПИиК А.О. Кожину за предоставленные материалы и помощь в проведении исследования.

Литература

Афанасенко, 2017 – Афанасенко В.И. Практики мемориализации военной истории Дона периода Великой Отечественной войны и послевоенных конфликтов: тенденции и формы // *Русская старина*. 2017. №. 8 (1). С. 68–78.

Васильев, 2017 – Васильев И.Ю. Памятники Великой Отечественной войны в восприятии краснодарцев // *Наследие веков*. 2017. № 2. С. 69–74.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Кожин, 2017 – Интервью с Александром Олеговичем Кожиним, председателем Ростовского регионального отделения Всероссийской общественной организации ВООПИиК. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, О.В. Семенова. 14.11.2017. Продолжительность 129 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, Ростовское региональное отделение Всероссийской общественной организации ВООПИиК // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.

Краткая информация о деятельности – Краткая информация о деятельности республиканских, краевых, областных, городских отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. URL: <http://russist.ru/biblio/sborniky/sz/6/statia.php?statia=10> (дата обращения: 23.04.2018).

Кринко, 2015 – Кринко Е.Ф. Историко-культурное наследие казачества Юга России: практика мемориализации // *Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности*. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции. Краснодар: Парабелум, 2015. С. 126–135.

Маркедонов, 2004 – Маркедонов С.М. Кладезь знаний о Доне. Записки Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы // *Донской временник*. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/3/art.aspx?art_id=516 (дата обращения: 28.11.2017).

Основатели Общества охраны памятников истории и культуры – Основатели Общества охраны памятников истории и культуры. URL: http://old.voopik.ru/?page_id=153 (дата обращения: 28.11.2017).

Памятники Дона – Памятники Дона. URL: <http://voopiik-don.ru/main/index.php> (дата обращения: 28.11.2017).

Полякова, 2005 – Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учебное пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.

Постановление мэра г. Ростова-на-Дону, 2002 – Постановление мэра г. Ростова-на-Дону М.А. Чернышова № 2318 от 10.11.2002 г. URL: <http://old.lawru.info/base64/part5/d64ru5235.htm> (дата обращения: 12.04.2018).

Постановление Совета министров РСФСР, 1965 – Постановление Совета министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского Добровольного Общества охраны памятников истории и культуры» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6273.htm (дата обращения: 28.11.2017).

Семенова, 2015 – Семенова О.В. Школьные музеи и их роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне // *Значение сражений 1941–1945 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, июнь 2015 г.)* / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. С. 525–530.

Федеральный закон, 2002 – Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (Ред. от 29.12.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации». URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15548436/> (дата обращения: 28.11.2017).

Хлынина, Кринко, 2014 – Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

Штавдакер, 2016 – Штавдакер Л.А. Память воинской славы Дона в краеведческой деятельности: о памятниках военной истории в Области войска Донского // *Донской временник*. 2016. № 24. С. 220–225.

Ямпольский, 1927 – Ямпольский М.Л. Краеведческие учреждения на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 1927. 12 с.

References

Afanasenko, 2017 – Afanassenko V.I. (2017). Praktiki memorializatsii voyennoy istorii Dona perioda Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoynennykh konfliktov: tendentsii i formy [Practices of the memorialization of the military history of the Don during the Great Patriotic War and post-war conflicts: trends and forms] // *Russkaya starina*. №. 8 (1). pp. 68–78 [in Russian]

Vasilev, 2017 – Vasilev I.Yu. (2017). Pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny v vospriyatii krasnodartsev [Monuments of the Great Patriotic War in the perception of Krasnodar] // *Nasledie Vekov*. № 2. pp. 69–74 [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State Archive of the Rostov Region].

Kozhin, 2017 – Interview with Alexander Olegovich Kozhin, chairman of the Rostov regional branch of the All-Russian public organization VOOPIK. Interviewers: E.F. Krinko, O.V. Semenova. November 14, 2017. Duration 129 min. Location: Rostov-on-Don, Rostov regional branch of the All-Russian public organization VOOPIK // Archive of the Laboratory of History and Ethnography of the SSC RAS [in Russian]

Kratkaya informatsiya o deyatel'nosti – Kratkaya informatsiya o deyatel'nosti respublikanskikh, krayevykh, oblastnykh, gorodskikh otdeleniy Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury [Brief information on the activities of the republican, boundary, regional, city offices of the all-russian society for the protection of monuments of history and culture]. URL: <http://russist.ru/biblio/sborniky/sz/6/statia.php?statia=10> (accessed on: April 23, 2018) [in Russian]

Krinko, 2015 – Krinko E.F. (2015). Istoriko-kulturnoe nasledie kazachestva Yuga Rossii: praktika memorializatsii [Historical and cultural heritage of the Cossacks of the South of Russia: the practice of memorialization] // *Kulturno-poznavatelnyy turizm Yuga Rossii kak strategicheskij resurs ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Cultural and cognitive tourism in the South of Russia as a strategic resource for strengthening Russian statehood]. Collection of scientific articles on the results of the All-Russian scientific conference. Krasnodar: Parabelum. pp. 126–135 [in Russian]

Markedonov, 2004 – Markedonov S.M. (2004). Kladez' znaniy o Done. Zapiski Rostovskogo-na-Donu Obshchestva istorii, drevnostey i prirody [A well of knowledge about Don. Notes of the Rostov-on-Don Society of History, Antiquities and Nature] // *Donskoy vremennik*. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/3/art.aspx?art_id=516 (accessed on: November 28, 2017) [in Russian]

Osnovateli Obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury – Osnovateli Obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury [Founders of the Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. URL: http://old.voopik.ru/?page_id=153 (accessed on: November 28, 2017) [in Russian]

Pamyatniki Dona – Pamyatniki Dona [Monuments of the Don]. URL: <http://voopiik-don.ru/main/index.php> (accessed on: November 28, 2017) [in Russian]

Polyakova, 2005 – Polyakova M.A. (2005) Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii [Protection of the cultural heritage of Russia]. Textbook for high schools]. Moscow: Drofa. 271 p. [in Russian]

Postanovleniye mera, 2002 – Resolution of the Mayor of Rostov-on-Don M.A. Chernyshov № 2318, November 10, 2002]. URL: <http://old.lawru.info/base64/part5/d64ru5235.htm> (accessed on: April 12, 2018) [in Russian]

Postanovleniye Soveta ministrov RSFSR, 1965 – Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR, July 23, 1965 N 882 “Ob organizatsii Vserossiyskogo Dobrovol'nogo Obshchestva okhrany

pamyatnikov istorii i kul'tury" ["About the organization of the All-Russian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture"] // Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of normative legal acts of the Union of Soviet Socialist Republics]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6273.htm (accessed on: November 28, 2017) [in Russian]

[Semenova, 2015](#) – *Semenova O.V.* (2015). Shkol'nyye muzei i ikh rol' v sokhranении istoricheskoy pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne [School museums and their role in preserving the historical memory of the Great Patriotic War] // Znachenіye srazheniy 1941–1945 gg. na Yuge Rossii v Pobede v Velikoy Otechestvennoy voyne [The Significance of Battles of 1941–1945 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, June 3–6, 2015) / Ed. G.G. Matishov. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. pp. 525–530 [in Russian]

[Federal'nyy zakon, 2002](#) – Federal Law No. 73-FZ, June 25, 2002 (Ed. December 29, 2017) "Ob ob'yektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii ["About Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation"]]. URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15548436/> (accessed on: November 28, 2017) [in Russian]

[Khlynina, Krinko, 2014](#) – *Khlynina T.P., Krinko E.F.* (2014). Istoriya, politika i natsiyestroitel'stvo na Severnom Kavkaze [History, politics and national construction in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 434 p. [in Russian]

[Stavdaker, 2016](#) – *Shtavdaker L.A.* (2016). Pamyat voinskoy slavyi Dona v kraevedcheskoy deyatel'nosti: o pamyatnikakh voennoy istorii v Oblasti voyska Donskogo [Memory of the military glory of the Don in local history activities: about the monuments of military history in the Oblast of the Don Cossack Host] // *Donskoy vremennik*. № 24. pp. 220–225 [in Russian]

[Yampolsky, 1927](#) – *Yampolsky M.L.* (1927). Krayevedcheskiye uchrezhdeniya na Severnom Kavkaze [Local Lore Institutions in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: [s.n.] 12 p. [in Russian]

Ростовское региональное отделение ВООПИиК в системе охраны памятников истории и культуры: основные этапы и содержание деятельности

Ольга Валерьевна Семенова ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена анализу процесса зарождения и развития охраны историко-культурного наследия Дона в XX в. Этот процесс начался еще в XIX в. Трагедия революции и Гражданской войны чуть было не привела к исчезновению культурного наследия. Советским государством со второй половины XX в. проводился комплекс мер, направленный на формирование у граждан исторического сознания и конструирования «нового прошлого». Для этого использовались традиционные институты (музеи, архивы, научные учреждения) и образовывались новые (общества ВООПИиК, «Знание»). Благодаря энтузиазму научно-творческой интеллигенции и массовости общественных движений удалось спасти множество памятников истории и культуры. Однако этот же ресурс использовался для идеологической и политической пропаганды.

Ключевые слова: историко-культурное наследие Дона, ГАРО, ВООПИиК, мемориальная политика, паспортизация памятников, ростовские краеведы, пропаганда памятников истории и культуры.

* Корреспондирующий автор

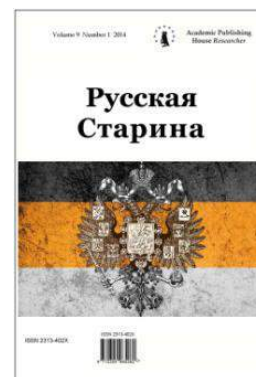
Адреса электронной почты: oliko_sov@mail.ru (О.В. Семенова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 17-35

DOI: 10.13187/rs.2018.1.17
www.ejournal15.com

Heroic Symbols of the Great Patriotic War in the Memorial Space of the Rostov Region

Vladimir I. Afanasenko ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

One of the basic tools for influencing the psychology of the society is the formation of the heroic symbols – a phenomenon of mass, largely mythological, consciousness. Symbols are generalized, purged from particularities, examples of individual or group behavior, to which society, in the person of the state, orientates its members in significant situations at a given historical moment. Becoming “historical”, heroic symbols turn into a value, enter into a stable structure of the people's consciousness – “historical memory”. The heroic symbols of the Great Patriotic War still remain the foundation not only of the people's memory of the war, but also of the value kernel of national consciousness as a whole. The symbols were both real facts and facts that had been processed in order to meet the requirements of the state system. This article studies the most significant military memorials of the Rostov region.

Keywords: Great Patriotic War, Rostov Region, military memorials and monuments, symbols of historical memory.

1. Введение

Ростовская область в годы Великой Отечественной войны стала местом ожесточенных сражений. На фронт ушли 665 000 жителей области. Среди многих соединений, сформированных на донской земле, прославились 339-я Ростовская Таманская Бранденбургская Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия и 5-й гвардейский Донской казачий Будапештский Краснознаменный кавалерийский корпус.

Война нанесла огромный урон жителям и хозяйству области. С полей сражений не вернулось 324 549 наших земляков (Ростовская область, 2007: 51). В целом, война унесла жизни каждого пятого жителя области – более полумиллиона человек. На территории области погибли и захоронены сотни тысяч солдат и командиров из разных регионов СССР.

280 уроженцев Дона стали Героями Советского Союза, пять воинов удостоены этого звания дважды, а маршал С.М. Буденный стал трижды Героем Советского Союза. Пятьдесят семь наших земляков стали полными кавалерами ордена Славы. 25 февраля 1982 г. Ростов-на-Дону был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени за мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы войны, а также успехи, достигнутые в

* Corresponding author
 E-mail addresses: af521735@yandex.ru (V. Afanasenko)

хозяйственном и культурном строительстве. 5 мая 2008 г. Ростову-на-Дону, а 23 февраля 2012 г. Таганрогу были присвоены почетные звания «Города воинской славы».

Для сохранения исторической памяти о всенародном подвиге и ратной славе Дона 1 марта 2017 г. Законодательное собрание Ростовской области приняло областной закон № 1012-ЗС «О почетных званиях Ростовской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести». Первыми этой высокой чести 5 мая 2017 г. были удостоены г. Азов, станица Тагинская, рубеж «Миус-фронта» в Куйбышевском, Матвеево-Курганском и Неклиновском районах Ростовской области.

Память о грозных годах Великой Отечественной войны в Ростовской области запечатлена в мемориальных комплексах, памятниках воинской славы, в названиях улиц, площадей, скверов, носящих имена героев, отстоявших независимость нашей Родины, спасших человечество от коричневой чумы фашизма. Среди наиболее значимых памятников и воинских мемориалов области, ставших символами мужества, массового героизма, самопожертвования советских воинов, проявленных ими при обороне и освобождении Ростовской области, выделяются: «Артиллерийский курган» в Мясниковском районе, 27-метровый «Якорь» на высоте с отметкой 101,0 в Матвеево-Курганском районе, полный экспрессии мемориал «Тагинский рейд», посвященный подвигу героев-танкистов 24-го корпуса генерала В.М. Баданова, мемориальный комплекс «Штурм» в Кумженской роще Ростова-на-Дону, самый большой в области мемориал «Самбекские высоты», посвященный освобождению города Таганрога.

2. Материалы и методы

Источниками для написания статьи послужили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации ([ЦАМО РФ](#)), раздел «Памятники Победы» электронной Книги памяти Ростовской области ([Памятники Победы](#)), материалы официального портала Правительства Ростовской области ([Мемориальные комплексы и памятники на территории Ростовской области](#)) и другие электронные ресурсы, а также мемуары советских и немецких военачальников, исследования советских и современных российских историков, результаты полевых исследований автора данной статьи. Методологической основой статьи стал принцип историзма, который предполагает исследование фактов в контексте изучаемой эпохи, в совокупности всех взаимосвязей и взаимообусловленностей. В статье использованы историко-ситуационный, сравнительный и нарративный методы.

3. Обсуждение и результаты

Подвиг артиллеристов. 9 мая 1972 г. в 2 км к юго-западу от села Большие Салы и в 12 км от северо-западной окраины Ростова-на-Дону был открыт величественный монумент «Артиллерийский курган». На высоком постаменте установили 76-мм пушку ЗИС-3, а на мраморной плите у основания высекли фамилии и имена 14 погибших воинов и текст: «Здесь в ноябре 1941 г. в неравном бою с фашистскими танками совершили бессмертный подвиг артиллеристы 317-й стрелковой дивизии 56-й армии. Командир батареи — Герой Советского Союза Вавилов Сергей Васильевич» ([Каталог памятников истории и культуры Ростовской области, 1988: 24–25](#)). Собранным на открытие монумента было зачитано письмо-обращение Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Строки из его письма: «Бои за Ростов осенью 1941 г. были историческими: здесь наша Красная армия перешла от обороны в наступление» стали классической оценкой событий под Ростовом-на-Дону в ноябре 1941 г. В многочисленных публикациях, телепередачах, фильмах, книгах М. Котова и В. Ляскового «На Южном фронте» ([Котов, Лясковский, 1973](#)), «В ту суровую осень» ([Котов, Лясковский, 1976](#)) воспевался подвиг уже 16 героев-артиллеристов во главе с командиром батареи Сергеем Огановым (Оганяном), уничтоживших в двухдневном бою 30 немецких танков и много живой силы противника.

В кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза» о младшем политруке С.В. Вавилоче сказано: «...отличился в бою 18 ноября 1941 г. в районе села Большие Салы. В неравном шестичасовом бою батарея подбила несколько танков. Многие воины погибли. Вавилов был ранен. С гранатой в руках он бросился к вражескому танку и, жертвуя жизнью,

подорвал его. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.43 г. посмертно» ([Герои Советского Союза, 1987. Т. 1: 233](#)). Во втором томе этого же словаря о подвиге лейтенанта С.М. Оганова напечатано следующее: «Управляя огнем батареи у с. Большие Салы (Мясниковский район, Ростовская обл.), 18.11.41 г. отбил три контратаки танков и пехоты противника. Все воины батареи во главе с командиром погибли, но не пропустили врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.43 г. посмертно» ([Герои Советского Союза, 1988. Т. 2: 189](#)). Налицо существенные разночтения: кто же командир батареи – Вавилов или Оганов (Оганян)? Время боя батареи — 17–18 ноября или на протяжении шести часов 18 ноября? Сколько погибло артиллеристов батареи — 14, 16 или все? А сколько их было всех? Какую цену заплатил враг за попытки преодолеть позиции батареи — 30 или «несколько» танков? Или просто «батарея отбила три контратаки танков и пехоты противника»?

«Артиллерийский курган», где уже 45 лет стоит мемориал с 76-мм орудием – это не то место, где приняла свой последний бой батарея Оганова, утверждает краевед Лусиген Хайгетов. В обоснование своих слов он показывает ксерокопии военных карт с положением частей 56-й армии на 15 и 17 ноября 1941 г. Батарея Оганова защищала подступы к Большим Салам с северного направления, со стороны сел Несветай и Каменный Брод, а курган Бербер-оба расположен в двух километрах юго-западнее села Большие Салы. На скатах высоты Бабай-оба, что севернее села Большие Салы, еще заметны полузасыпанные, заросшие травой ходы сообщения и капониры, где стояли орудия. И эти капониры совпадают с месторасположением позиций батареи Оганова на военной карте. Так было найдено место последнего боя героев-артиллеристов.

Рис. 1. Артиллерийский курган у села Большие Салы. Памятник открыт 8 мая 1972 г., автор и архитектор Э. Калайджан ([Меотида и окрестности](#))

6 ноября 1941 г. по приказу штаба 317-й дивизии 606-й стрелковый полк занял оборону по высотам южного берега реки Тузлов в полосе: Генеральское – высота 120,4 – хутор Несветай. В первом эшелоне были 1-й и 2-й батальоны, а 3-й батальон старшего лейтенанта Трифонова — во втором эшелоне, на высоте 125,9. Здесь же был оборудован наблюдательный пункт командира полка. В боевое охранение в 2–3 км севернее главной полосы обороны, были выдвинуты стрелковые роты: 1-я — на северную окраину села Генеральского, 9-я — на высоту 106,8, что в 1,5 км южнее села Волошино ([ЦАМО РФ. Ф. 1627. Оп. 1. Д. 2. Л. 36–39](#)). На усиление стрелкам был придан второй дивизион 733-го артиллерийского полка 317-й дивизии. Батарея С.М. Оганова заняла огневые позиции в двух километрах севернее села Большие Салы.

И необстрелянный полк, и артиллеристы плохо подготовились к обороне. Проверявший рубежи 317-й Бакинской дивизии командующий 56-й Отдельной армией генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов 14 ноября специальным приказом отметил многочисленные недостатки в обороне: отсутствие противотанковых и противопехотных минных полей; неприкрытые артиллерией танкоопасные направления; незамаскированные окопы. Кроме того, пулеметные гнезда имели «мертвые пространства», т.е. не простреливались нашими пулеметчиками; огневые позиции были завалены ящиками и посторонними предметами, стыки полков не прикрыты и т.п. Ремезов отстранил от командования командира 606-го полка и назначил на его место подполковника Н.А. Матросова. Командиру дивизии полковнику Ивану Владимировичу Середкину дали двое суток на исправление всех недостатков (доложить об исполнении следовало 17 ноября к 18.00 ч.) (ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 2. Л. 103). Однако при отсутствии мин и опытных командиров что-либо существенно изменить было невозможно. Немецкая разведка еще 10 ноября прощупала наше боевое охранение у села Генеральское. Вражескую атаку удалось отбить, но в роте обошлось не без потерь (6 бойцов убитых, 17 раненых) (ЦАМО РФ. Ф. 1627. Оп. 1. Д. 2. Л. 37). В тот же день немецкий бомбардировщик сбросил бомбы на позиции батареи Оганова. Осколочные ранения получили семь бойцов, вышли из строя две лошади из упряжки 3-го орудия (ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10295. Д. 3. Л. 66).

17 ноября 1941 г. 3-й моторизованный корпус генерала танковых войск барона Эберхарда Августа фон Макензена нанес неожиданный удар на Ростов с севера, именно в полосе необстрелянной, слабо сколоченной 317-й Бакинской стрелковой дивизии, силами закаленных в сражениях 13-й и 14-й танковых дивизий и мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» (Макензен, 2004: 270–271). В густом тумане (видимость не превышала 50–100 м) немцы двинулись по трем дорогам: Кирбитово – хутор Буденный – Могила Курнакова – 10–12 танков и батальон пехоты на грузовиках; Волошино – хутор Несветай – Большие Салы – 8 танков и рота пехоты; Генеральское – высота 120,4 – Большие Салы – 25 танков и батальон мотопехоты. Наша рота боевого охранения у села Генеральское в 9.00 была смята танками, а к 11.00 и 1-й батальон капитана Хачатуряна был рассеян, частично пленен. Левый сосед – 571-й стрелковый полк – к полудню лишился орудий, минометов и станковых пулеметов, расстрелянных и раздавленных немецкими танками из-за тумана. Он понес большие потери в личном составе и неорганизованно отошел в полосу 1145-го полка 353-й Новороссийской стрелковой дивизии.

После обеда враг атаковал главные силы 606-го полка. В 15.30 противник вклинился в оборону 3-го батальона старшего лейтенанта Петра Семеновича Трифонова на высоте 125,8, точно зная расположение наблюдательных и командных пунктов батальона и полка. 14 танков с десантом автоматчиков направились прямо на командный пункт (далее – КП) 606-го полка, обороняемый взводом противотанковой обороны (далее – ПТО) (две 45-мм противотанковые пушки) и саперным взводом. 6 танков стали утюжить стрелковые ячейки 7-й роты, а 4 бронированные машины двинулись на ячейку управления Трифонова. Командные пункты были подавлены танками врага, которые в упор расстреливали бойцов из пушек и пулеметов. Военком полка батальонный комиссар Горохов был убит, а начальник штаба полка капитан Мартыненко и старший политрук Комистный сдались в плен. Погибли также командир третьего батальона старший лейтенант Трифонов и политрук 7-й роты Буданов, уничтожившие немцев до последней минуты жизни. Подполковник Матросов был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Остатки 8-й роты с наступлением темноты вывел из окружения лейтенант Лысов. Тогда же отступил 2-й батальон полка под командованием капитана Торосяна. Несмотря на большие потери, его бойцы в течение шести часов удерживали позиции, мужественно отражая атаки танков и пехоты противника.

В сумерках, около 18.30, после массированного двухчасового обстрела, немецкие танки и мотопехота ворвались в Большие Салы, смяв штаб дивизии и охранявшие его подразделения. В бою с танками противника погиб, лично руководя боем роты противотанковых ружей (далее – ПТР) (10 ружей ПТР и взвод истребителей танков), командир 317-й Бакинской дивизии полковник И.В. Середкин. От дивизии уцелело два батальона 761-го полка майора Тарасенко. В течение ночи с 17 на 18 ноября остатки Бакинской дивизии собирали в районе совхоза «Темерницкий» и хутора Щепкин (ЦАМО

РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 2. Л. 104–105). В боях 17–18 ноября 1941 г. потери 317-й Бакинской дивизии составили 8971 человек, в том числе 554 командира, 1289 лиц сержантского состава и 7128 красноармейцев. По донесениям 571, 606, 761-го стрелковых и 733-го артиллерийского полков, 151-го зенитно-артиллерийского дивизиона противовоздушной обороны (далее – ПВО), враг потерял 32 танка, 13 автомашин, 3 мотоцикла и до 500 солдат и офицеров (ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10295. Д. 3. Л. 65).

Что же произошло туманным мгlistым днем 17 ноября 1941 г. у кургана Бабай-Оба? Через полтора часа после прорыва фронта, согласно документам штаба 14-й танковой дивизии вермахта, ее передовые части достигли кургана Бабай-Оба, находящегося в полосе обороны 3-го батальона 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии. Правый фланг 353-й стрелкой дивизии был оттеснен южнее и развернулся фронтом на север. В 16.10 ч. 36-й танковый полк полковника Курта фон Йессера получил приказ атаковать Большие Салы. Расстояние от кургана Бабай-Оба до окраины села Большие Салы – 2,5 км. Два часа понадобилось немцам для преодоления этого расстояния и захвата села (Грамс, 2014: 37). Сильное сопротивление немцам оказал 151-й зенитный дивизион, расположенный в селе. Об этом есть запись в журнале боевых действий немецкой 14-й танковой дивизии. В 16.00 танки 36-го полка достигли кургана Бабай-Оба, который был главной целью первого этапа наступления и точкой поворота на юг. В 16.10 был осуществлен поворот на юг, и после этого упомянута артиллерийская батарея. Таким образом, бой с батареей Оганова произошел между селом Большие-Салы и курганом Бабай-Оба с 16.00 до 18.00 17 ноября (Батарея Оганова – это наши донские 28 панфиловцев). В 18.25 немцы доложили о взятии села Большие Салы и получили приказ захватить плацдарм в районе балки Почтовая, юго-восточнее села. До окончания светового дня плацдарм был захвачен (Я расскажу, как потеряли Ростов). Итак, герои-артиллеристы два часа вели неравный бой, подбили и сожгли 12 вражеских танков, а две бронемашины подорвали связками гранат комсорг батареи Ф.З. Балеста и ездовой 3-го орудия В.С. Ткаченко. В бою погибли 27 воинов героической батареи, были разбиты и повреждены 4 пушки. Таковы документальные данные о подвиге батареи Оганова.

Впервые материал о подвиге батареи Оганова опубликован в передовой статье газеты 56-й армии «Защитник Родины» 26 декабря 1941 г. за подписью старшего политрука Л. Ботвинского под названием «У семи курганов» (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 7555. Д. 98. Л. 117–121). Командованием 56-й армии были представлены к званию Героя Советского Союза лейтенант С.М. Оганов, младший политрук С.В. Вавилов, старший сержант Ф.З. Балеста. К награждению орденами и медалями также представлены 16 воинов – членов ВЛКСМ и 8 артиллеристов – из «несоюзной молодежи» (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 710. Д. 192. Л. 155).

В феврале-марте 1942 г., в связи с подготовкой в Москве Всесоюзной выставки «Комсомол в Великой Отечественной войне», между Главным политическим управлением РККА в Москве и политуправлением Южного фронта в Каменске шла оживленная переписка по сбору материалов и документов о батарее Оганова. Поскольку среди личного состава батареи было 16 членов ВЛКСМ, они вместе с комсоргом Ф. Балестой стояли на учете в комсомольской организации 733-го артиллерийского полка, то имена этих 16 артиллеристов-комсомольцев и были представлены на выставке, которая открылась на ВДНХ 22 июня 1942 г., в годовщину начала войны. Так подвиг шестнадцати артиллеристов получил всенародную известность.

Всего по штату в полковой батарее 606-го стрелкового полка было 52 человека, но перед боем 17 ноября оставалось 43 военнослужащих, из которых 9 были членами и кандидатами в члены ВКП(б), а 16 – членами ВЛКСМ. Погибло в бою 27 воинов. Балеста был ранен и подобран немцами. По архивным документам известно, что замковой 1-го орудия красноармеец Сихашвили воевал и дальше, в конце декабря на Миус-фронте у хутора Дачники обморозил ноги и был эвакуирован в тыловой госпиталь (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 710. Д. 98. Л. 116). Судьбы остальных артиллеристов, уцелевших в бою 17 ноября 1941 г., неизвестны.

Неполный список личного состава полковой батареи 606-го стрелкового полка 317-й Бакинской стрелковой дивизии на 10 ноября 1941 г.:

1. Оганов Сергей Мамбреевич, лейтенант, командир батареи, армянин;
2. Вавилов Сергей Васильевич, младший политрук, военком батареи, русский;

3. Дадашев Рагим, старшина, старшина батареи, осетин;
4. Балеста Федор Захарович, старший сержант, комсорг батареи, белорус;
5. Велиханов Велихан, старший сержант, командир отделения, дагестанец;
6. Велиев Аслан, сержант, разведчик батареи, азербайджанец;
7. Арутюнян Сурен Карапетович, сержант, разведчик батареи, армянин;
8. Бокалов Виктор, старший сержант, вычислитель, русский;
9. Мосашвили Вахтанг, красноармеец, вычислитель, грузин;
10. Урсол Ион, повар батареи, молдаванин.

1-й огневой взвод.

Орудие № 1:

11. Корсунов Григорий Демьянович, старший сержант, командир орудия, русский;
12. Гулян Мовсес Оганезович, красноармеец, наводчик орудия, армянин;
13. Новрузов Дмитрий, красноармеец, заряжающий, русский;
14. Сихашвили, красноармеец, замковой, грузин;
15. Ахмедов Фазлы, красноармеец, ездовой, азербайджанец;

Орудие № 2:

16. Бахищев Денис Григорьевич, старший сержант, командир орудия, русский;
17. Абраменко Федор Константинович, наводчик, украинец;
18. Мамедов Исмаил, красноармеец, замковой, азербайджанец;
19. Брикунов Алексей, красноармеец, заряжающий, русский;
20. Шахвалиев Каро, красноармеец, ездовой, азербайджанец.

2-й огневой взвод.

21. Пузырев Василий Иванович, лейтенант, командир взвода

Орудие № 3:

22. Симонов Максим, старший сержант, командир орудия, русский;
23. Овчаренко Петр, сержант, наводчик орудия, украинец;
24. Орлов Борис, красноармеец, заряжающий, русский;
25. Ткаченко Василий Семенович, красноармеец, ездовой, украинец.

Орудие № 4:

26. Лазарев Стефан Степанович, старший сержант, командир орудия, русский;
27. Трушкин Антон, красноармеец, наводчик орудия, русский;
28. Никитин, красноармеец, замковой, русский;
29. Бабаев, красноармеец, заряжающий, узбек;
30. Саландаев Пулат, красноармеец, ездовой, узбек.

Итого 30 из 52 артиллеристов по штатному составу батареи.

Мартовские 1942 г. бои на Миус-фронте. В 5,5 км на юго-запад от поселка Матвеев Курган, на вершине высоты с отметкой 101,0 сверкает якорь из нержавеющей стали высотой 27 м, установленный в 1973 г. На пьедестале лаконичная надпись: «Проявив отвагу и героизм, моряки захватили этот опорный узел фашистов». Якорь, видный издали, воспринимается как символ мужества и героизма. В Ростовской области традиционными стали военно-исторические реконструкции прорыва Миус-фронта. Первая такая реконструкция состоялась в 2007 г. именно в районе памятника «Якорь» ([Medvedev, 2016: 310](#)). Официальная версия событий изложена Татьяной Суровой: «Это память о подвиге моряков 3-го гвардейского стрелкового корпуса, которые ценой своей жизни отбили у немцев стратегически важную высоту. Март 1942 г. вошел в историю этих мест как кровавая и героическая страница» ([Памятник «Якорь» в поселке Матвеев Курган](#)). Что же на самом деле произошло на высоте 101,0 в «кровавом марте» сорок второго?

Рис. 2. Памятник «Якорь» у поселка Матвеев Курган. 1973 г.
(Достопримечательности России)

Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко 28 февраля 1942 г. издал директиву, в которой говорилось: «В целях лишения противника Таганрогского плацдарма и занятия войсками левого крыла Южного фронта выгодного исходного положения для развития наступления в обход донбасской группировки противника с юга, приказываю: командующему Южным фронтом подготовить и провести силами 56-й армии с приданным 3-м гвардейским стрелковым корпусом операцию по разгрому таганрогской группировки противника» (ЦАМО РФ, Ф. 251. Оп. 646. Д. 159. Л. 11–13). На основе этой директивы в штабе Южного фронта был разработан план операции по разгрому покровско-таганрогской группировки противника. Предусматривалось нанесение главного удара из района Матвеев Курган – Ряженое с последующим поворотом на юг через Покровское и Троицкое на Таганрог.

Поскольку протяженность фронта наступления и его глубина не превышали 35–40 км, то и провести операцию спланировали за двое-трое суток. Времени на подготовку отвели крайне мало – около четырех суток. Начало наступления было назначено на 6.00 6 марта. Наступление готовилось в крайней спешке, без соблюдения необходимых мер маскировки. С господствующих высот правого берега Миуса, с немецких позиций через дейссовскую оптику хорошо просматривалась вся суматоха готовившегося наступления. Это помогло немецкому командованию принять необходимые меры по его отражению.

В полосе от Матвеева Кургана до Самбека оборонялись главные силы 73-й и 125-й пехотных дивизий, 120-й мотопехотный полк 60-й моторизованной дивизии и главные силы мотодивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер Йозефа Дитриха. Наступление четырех дивизий (2-я гвардейская, 30, 339, 347-я стрелковые) и шести отдельных бригад (13-я курсантская, 68, 76, 81-я морские, 102-я стрелковая, 63-я танковая), составивших ударную группу 56-й армии, началось в 5.00 8 марта.

Исходный рубеж для атаки батальоны заняли в два часа ночи. В 5.00 началась артиллерийско-минометная подготовка по переднему краю обороны противника. Невысокая плотность артиллерии, не превышавшая 25 стволов на 1 км линии фронта

прорыва, не обеспечивала подавление огневых точек опорных пунктов противника, имевших десятки дзотов и блиндажей. Артиллерийская подготовка, завершившаяся двумя залпами 12 установок БМ-8 («Катюши») 14-го отдельного гвардейского минометного дивизиона моряков под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Москвина, не смогла подавить и половины огневых точек на переднем крае 73-й и 125-й пехотных дивизий, занимавших хорошо оборудованные в инженерном отношении ротные и батальонные опорные пункты на господствующих высотах и в приморских хуторах и селах. Авиационная поддержка наступления из-за погодных условий и темного времени суток не проводилась.

После артподготовки в небо взмыли десятки ракет, стрелки и моряки пошли в атаку. Ее начало было описано в очерке специального корреспондента газеты «Известия» Петра Никитина «Атака», опубликованного 17 марта 1942 г.: «Атакующие движутся вперед без остановок. Слышно хриплое дыхание бегущих людей. Уже краснофлотцы сбросили полущубки, летят на снег шапки, бушлаты. Моряки на ходу надевают бескозырки с лентами, и в пилотках, тельняшках, с автоматами в руках, с гранатами за поясом мчатся неудержимой лавиной...» (Пужаев, 2006: 29).

Вот свидетельства жителей поселка Матвеев Курган, видевших эту атаку. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «У нас стоял в доме штаб, ко мне хорошо офицеры относились, даже учили стрелять из пистолета. На чердаке сделали наблюдательный пункт – далеко от окопов, правда? Оттуда смотрели в бинокль на атаки. Мне тоже давали в бинокль посмотреть. 8 марта было хорошо видно, как морячки в черных бушлатах по белому снегу бегут на пулеметы. Очень много их погибло. Обещанные танки не пришли. Пойма долго была нейтральной полосой, убрать оттуда всех было нельзя, а когда наши отступали к Сталинграду, те, кто косил там сено, рассказывали, что трупы лежат очень густо». Петр Егорович Журенко вспоминает: «Мы с друзьями видели, как морячки бежали в атаку. Они прорвали фронт, но не смогли до конца удержать. Все поле было черным от погибших морячков. Мы сидели на трубах сгоревших домов и оттуда наблюдали» (Уроки истории).

Отход стрелков 339-й дивизии от Волковой горы (высота 105,7) обнажил фланг 3-го стрелкового батальона 76-й морской стрелковой бригады, которая к 14 часам продвинулась на 4–5 км, овладела хуторами Грунтовским и Степановским и северо-западными скатами высоты 101,0. Действовавшая левее 68-я отдельная морская стрелковая бригада к этому времени захватила хутор Новоселовский и вышла на гребень высоты 101,0. Смешавшиеся в нестройные толпы батальоны моряков 76-й и 68-й бригад, прорвав оборону противника, выдвигались к хуторам Шароны и Раскиты, в балки Паровую и Широкую. В этот момент командир 125-й немецкой пехотной дивизии генерал Вильгельм Шнекенбергер бросил в контратаку по балке Паровой 11 танков и роту автоматчиков. Танки открыли шквальный огонь по высоте 101,0. Их поддержали минометные и артиллерийские батареи 125-й пехотной дивизии. Высота покрылась сплошными фонтанами разрывов. Укрыться от осколков было невозможно. Погибли командиры 1-го и 3-го стрелковых батальонов старший лейтенант С.М. Дубинин и майор П.В. Лебедев, командиры рот И.Н. Ковалев, А.Н. Хатасов, С.В. Гудков, А.И. Моисеев, 28 командиров взводов.

Героизм отдельных моряков не мог изменить трагическую ситуацию. Старший матрос Алексей Воловик, укрывшись в немецком окопе, подпустил к себе танк и бутылкой с КС поджег его. Матрос В.Я. Глушко противотанковой гранатой повредил траки другого танка, а потом поджег его бутылкой с горючей смесью (Фабрикант, 1985: 13). Неуправляемые батальоны 68-й бригады, не имевшие противотанковых средств, поскольку рота ПТР и противотанковая батарея оставались в резерве комбрига на восточном берегу Миуса за 3 км от места боя, в беспорядке, с большими потерями откатились в хутор Новоселовский, пытаясь укрыться от огня и гусениц танков среди построек. Отбросив батальоны 68-й бригады, танки и автоматчики противника атаковали с флангов 76-ю бригаду. До 16.00 моряки сдерживали атаку, отбиваясь гранатами и бутылками с горючей смесью. Автоматы и танковые пулеметы врага беспощадно секли моряков, танки давили их гусеницами. С огромными потерями батальоны 68-й и 76-й бригад отошли за реку, на исходный рубеж.

Представитель Генерального штаба РККА при 56-й армии капитан Н.Д. Салтыков отмечал: «Слабость морских бригад состояла, например, в том, что моряки не признавали тактики пехоты, презирали самоокапывание и правила маскировки. Они несли большие потери от огня пулеметов, минометов и артиллерии противника. Противотанковых средств в

частях корпуса имелось мало, а в боевых порядках наступавших их и вовсе не было. Враг этим воспользовался и бросил против моряков несколько танков. Этого оказалось достаточно, чтобы к исходу первого дня полностью восстановить положение своей обороны, а войска корпуса с большими потерями отгеснить в исходное положение». (Салтыков, 1983: 62). К полуночи из 616 человек 1-го батальона 76-й бригады, которые утром пошли в атаку, удалось собрать менее 100 человек. Комсостав и политсостав были выбиты. После приведения подразделений в порядок оказалось: в 1-м батальоне — 98, во втором — 148 человек. В 3-м батальоне осталось в строю 218 человек. Через медпункты только 1-го и 3-го стрелковых батальонов прошли более 620 раненых (ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9).

9 и 10 марта наступление ударной группировки войск 56-й армии продолжалось в той же полосе. Сводный отряд 76-й бригады Б.Н. Апостоли начал выдвижение в 3.15 ночи на участке Грунтовский – высота 101,0. Справа части 339-й стрелковой дивизии подошли к подножию высоты 105,7. Слева, в полосу 68-й бригады была выдвинута еще необстрелянная 81-я морская стрелковая бригада. Когда ее батальоны вышли на пойму Миуса, враг открыл шквальный минометный и артиллерийский огонь. Внезапно наплывший туман позволил морякам выйти к проволочному заграждению, в 150–200 м от передовой траншеи противника. В 8.30 туман рассеялся, и группы моряков в черных шинелях на снегу оказались перед позициями 421-го полка оберста (полковника) Эссера из 125-й пехотной дивизии, как на ладони. Враг в упор расстреливал моряков. Сотни их были убиты и ранены у проволочного заграждения. Среди погибших – командиры 1-го и 3-го батальонов капитан Г.С. Панов и старший лейтенант Ф.С. Курганов, командир артиллерийского дивизиона старший лейтенант М.Г. Горюнов, заместитель комбата-2 старший лейтенант М.П. Фатьянов, военком 2-го батальона Недодаев (ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10308. Д. 25. Л. 180–181).

В течение дня 9 марта наши войска несколько раз предпринимали атаки, но продвинуться дальше проволочного заграждения у подножия высоты не сумели. Потери в стрелковых подразделениях были исключительно велики. Только 81-я бригада потеряла более тысячи человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 4. Л. 48). 10 марта 1-я рота 1-го батальона 81-й бригады отказалась идти в атаку без поддержки танков и артиллерии. Командир бригады полковник Егоров лично расстрелял командира роты, еще один боец по его приказу был расстрелян перед строем. На моральное и психологическое состояние бойцов сильно повлияло заваленное трупами моряков 68-й бригады поле, по которому атаквала 81-я бригада. Начальник политотдела бригады батальонный комиссар Каретников сообщал в политдонесении: «Батальоны нашей бригады наступают по полю, где валяются трупы воинов 68-й морской стрелковой бригады» (Пужаев, 2006: 62). По далеко не полным сведениям штаба 56-й армии, потери личного состава за три дня – с 8 по 10 марта – составили 10 675 человек, из них 2521 убитыми, 8254 ранеными. Количество без вести пропавших исчислялось сотнями (ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 53. Л. 41).

В приказе штаба 56-й армии № 0099, отданном 12 марта в 23.30, обобщался кровавый опыт трех дней наступления. Указывалось, что ряд командиров и политработников со своими задачами не справились, проявили безответственность в руководстве боевыми действиями. В результате, во время атаки высоты 101,0 личный состав трех батальонов перемешался, и командованием 68-й бригады руководство ими было потеряно. Рота ПТР и батарея ПТО были в резерве командира бригады, и когда появились танки противника, уничтожить их было нечем. Указывались в приказе и наиболее типичные ошибки в действиях пехоты, артиллерии, связи: стрелки наступали скученно, не учитывая рельеф местности, не вели огня при перебежках; не было взаимодействия пехоты с артиллерией и минометами; в стрелковых ротах отсутствовали ПТР и противотанковые 45-мм пушки-«сорокапятки», командиры взводов, рот и батальонов личным примером увлекали бойцов и быстро выводились из строя противником. Захваченные рубежи не закреплялись, командование бригад теряло управление и не влияло на ход боя. Особо отмечалось, что вопросы эвакуации раненых, снабжение боеприпасами, питанием были организованы безобразно. Во всех частях, участвовавших в наступлении, учет потерь личного состава и вооружения велся крайне слабо, не был организован сбор оружия, оставленного на поле боя.

Командиры и политработники не заботились о погребении оставшихся после боя трупов военнослужащих (ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 33. Л. 35–36). Военным советом Южного фронта 13 марта был отдан под суд командир 68-й бригады капитан 2-го ранга офицер-подводник Г.А. Иванов. Вместо него назначен подполковник А.Е. Шаповалов, бывший до этого начальником штаба 49-й кавалерийской дивизии. Через день был снят командир 81-й бригады полковник береговой обороны Н.А. Егоров. Новым командиром бригады назначен полковник П.К. Богданович.

Практика «беспокоящих» атак силами стрелковых подразделений на хорошо укрепившегося противника была характерна не только для 56-й армии Южного фронта. Эта «эпидемия булавочных уколов» охватила все фронты, от заполярного Мурманска до Таганрога. С горечью и болью вспоминал об этой порочной тактике военачальник Герой Советского Союза генерал-полковник Александр Васильевич Горбатов, командовавший зимой 1941–1942 гг. 226-й стрелковой дивизией на Юго-Западном фронте: «Особенно непонятным для меня были настойчивые приказы – несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью. А ведь это был целый этап войны, на котором наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать (Горбатов, 1965: 192).

Тацинский рейд. Рейд 24-го танкового корпуса генерала В.М. Баданова на станцию Тацинскую стал одной из самых славных страниц истории Великой Отечественной войны. Перед рейдом в корпусе было около 9 тысяч солдат и 144 танка, в основном средние Т-34–76 и легкие танки Т-70. За время рейда корпус уничтожил 11 292 солдата и офицера противника, взял в плен 4769 человек, подбил 84 танка и 106 орудий, только в районе Тацинской уничтожил до 10 батарей и 431 самолет (Юферев, 2015).

Такова официальная версия. На самом деле для деблокирования окруженной в Сталинграде группировки Паулюса фельдмаршалом Манштейном была организована операция «Винтергевиттер» («Зимняя гроза»), которая для советского командования стала тактической неожиданностью. Ставка Верховного Главнокомандования (далее – ВГК) ожидала деблокирующего удара немецких войск с западного направления, из района хутора Тормосин, где расстояние между основными силами группы армий «Дон» и окруженной группировкой было минимальным, но никак не с южного направления, от станции Котельниково. Немецкое наступление началось 12 декабря 1942 г. и до 19 декабря развивалось удачно. Когда 20 декабря ударная группировка Г. Гота вышла к реке Мышкова, и до окруженной группировки Паулюса оставалось 35–40 км, она встретила три корпуса подошедшей 2-й гвардейской армии генерала Р.Я. Малиновского.

Немецкие войска под Сталинградом снабжались по воздуху, и сдаваться в декабре 1942 г. не собирались. Их снабжение производилось с крупной авиабазы, расположенной у станции Тацинская. Именно в этот момент генерал-майор Василий Михайлович Баданов получил боевую задачу, во многом рассчитанную на героизм, без оглядки на обстоятельства и потери. Прорвавшись через позиции 8-й итальянской армии, 24-му танковому корпусу надлежало выйти в тыл немцам и разгромить аэродром у станции Тацинской. К моменту Тацинского рейда в состав корпуса входили три танковых бригады: 4-я гвардейская танковая полковника Г.И. Копылова, 54-я танковая полковника В.М. Полякова, 130-я танковая подполковника С.К. Нестерова, а также 24-я мотострелковая бригада, 658-й зенитно-артиллерийский полк и 413-й отдельный гвардейский минометный дивизион. К моменту наступления в 24-м танковом корпусе имелось 156 танков: 93 Т-34 и 63 Т-70 (ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11373. Д. 150. Л 16). По другим сведениям, 24-й танковый корпус к началу операции имел 10 709 человек личного состава, 159 танков, 2 комплекта боеприпасов всех видов, 2 заправки топлива и пятидневный запас продовольствия (Порфирьев, 1987: 63–64).

Рис. 3. Мемориал «Тацинский прорыв». Установлен в 1983 г. на въезде в станицу Тацинская, Ростовской области ([Неизвестный гений может стать известным](#))

Штурм Тацинской авиабазы начался 24 декабря, в 7.30 утра. Удар был нанесен одновременно с трех сторон, сигналом к общей атаке стал залп «Катюш» 413-го гвардейского минометного дивизиона, и переданный по радиосвязи сигнал «555». Из находящихся здесь двух сотен самолетов немцам удалось поднять в воздух 122 транспортные машины — 106 Ju-52 и 16 Ju-86. В 17.00 Баданов доложил: «...станция Тацинская и аэродром противника захвачены» ([Рейд 24-го танкового корпуса к Тацинской](#)). Всего здесь, по мнению командования корпуса, было уничтожено 3500 солдат и офицеров противника, 50 орудий, 15 танков и 73 автомашины. По донесению командира корпуса, на аэродроме и станции было захвачено свыше 300 самолетов, из них 42 было сожжено и раздавлено на аэродроме, еще полсотни захвачено в железнодорожном эшелоне в разобранном виде (командные «приписки» довели количество уничтоженных и захваченных самолетов до 431 ([Великая Отечественная война, 1998: 92](#)), 3 больших склада с продовольствием, 5 складов с боеприпасами, 4 склада с вещевым имуществом, а также 300 т бензина ([Сидоров, Фокин, 1945: 19](#)). Единственная железная дорога, по которой снабжались немецкие войска в районе Тормосина, оказалась перерезана.

К 25 декабря в корпусе оставалось «на ходу» 58 танков: 39 Т-34 и 19 легких Т-70, при этом боеприпасы и горюче-смазочные материалы (далее – ГСМ) были на исходе. В 7.30 утра 25 декабря Баданов получил радиограмму из штаба фронта: «Корпус преобразован в гвардейский. Вы награждены Орденом Суворова 2 степени. Поздравляю вас и весь личный состав корпуса и от души желаю вам победы над врагом. Ватутин». Днем из Тацинской был направлен на машине офицер связи, который добрался до штаба 1-й гвардейской армии на следующий день, 26 декабря. Он сообщил, что в корпусе не хватает боеприпасов, практически нет газойля (продукт переработки нефти, один из компонентов дизельного топлива) и масла, имеется лишь около 300 т трофейного бензина. Танкисты стали готовить дизтопливо сами — заместитель командира корпуса по технической части инженер-полковник Орлов разработал заменитель газойля из бензина, смешиваемого с подогретым авиационным маслом в пропорции один к трем.

Утром 26 декабря в распоряжение корпуса при поддержке 5 танков Т-34 смогли пробиться 6 грузовиков с боеприпасами, а также 5 бензозаправщиков. В 22.00 26 декабря из Тацинской в штаб армии пришла радиограмма: «Положение тяжелое. Танков нет. Большие потери личного состава. Транспортные самолеты противника на аэродроме уничтожены. Прошу разрешение на выход из окружения. Баданов» (Юферев, 2015). Но Ватутин приказывает удерживать станицу. Морозной ночью 28 декабря остатки 24-го танкового корпуса прорвались из окружения в район Ильинка и соединились с советскими частями. При этом в живых осталось всего 927 человек и 12 танков.

Иная версия судьбы 24-го танкового корпуса под станицей Тацинской излагается в сводках и мемуарах противника. Немцы признали уничтожение 74 самолетов, еще 108 самолетов успели улететь. Согласно мемуарам начальника штаба 48-го танкового корпуса Ф. Меллентина, танковый корпус Баданова был полностью уничтожен: «Гвардейский корпус русских, окруженный 11-й танковой дивизией, посылал по радио отчаянные просьбы о помощи, причем большинство из них открытым текстом. Однако все было напрасно. Генерал Балк и его части неплохо потрудились, и все окруженные войска были либо уничтожены, либо захвачены в плен» (Меллентин, 1999: 301). Оперативная сводка Верховного командования сухопутных сил вермахта (ОКХ) 29 декабря уточняла: «12 русских танков прорвались в северном направлении». Согласно сводке ОКХ от 31 декабря, в боях за Тацинскую частями 48-го танкового корпуса и авиацией с 24 по 28 декабря 1942 г. было уничтожено 60 танков, а еще три танка взято в качестве трофеев. Кроме того, были захвачены 2 бронемшины, 4 полевых и 26 противотанковых пушек, 50 противотанковых ружей, 33 пулемета и некоторое количество грузовиков. Число пленных составило всего 100 человек (Сталинградская битва, 2002: 309, 312, 331).

Штурм Ростова-на-Дону в феврале 1943 г. Ростов-на-Дону – крупнейший город на юге европейской части России. В память о погибших воинах Южного фронта, освобождающих Ростов в феврале 1943 г., сооружен мемориал в Кумженской роще, находящийся в юго-западной части города на пересечении рек Дон и Мертвого Донца. Комплекс состоит из нескольких объектов: главного монумента, четырех стел Славы, братской могилы, пяти мраморных пилонов и многочисленных памятных плит. На них высечены названия боевых частей, принимавших участие в боях за Ростов. Отсюда мощеная дорога ведет к памятнику «Штурм», установленному на песчаной речной косе. На 18-метровую высоту взметнулась металлическая стрела, указывающая направление главного удара наступавших боевых соединений. Монумент украшает скульптурная композиция, состоящая из нескольких фигур советских солдат, идущих в бой. Здесь изображены реальные лица людей, принимавших активное участие в операции по освобождению Ростова в 1943 г. У памятника находится братская могила с уложенными на нее гранитными плитами, на которых высечены имена павших героев. Кумженский мемориал был открыт в 1983 г. Авторами проекта стали архитектор Р. Мурадян, скульпторы Е. Лапко и Б. Лапко. В 1990-е гг. мемориальный комплекс постепенно приходил в упадок. В 2013–2015 гг. его капитально отреставрировали и благоустроили (Савчук, 2017).

Рис. 4. Мемориал «Штурм» в Кумженской роще Ростова-на-Дону. 1983 г. (Савчук, 2017)

Вечером 7 февраля кавалерийские части 4-го Кубанского и 5-го Донского гвардейских казачьих корпусов вышли к левому берегу Дона и на рассвете 8 февраля приступили к форсированию реки. Используя выгодные позиции на возвышенном правом берегу, противник оказывал яростное сопротивление. Минометно-артиллерийский огонь сменялся бомбо-штурмовыми ударами эскадрилий Люфтваффе с аэродромов в Таганроге и в Мариуполе. Вели огонь по казакам-гвардейцам пулеметы и пушки бронепоезда, курсирующего между станциями Хапры и Приморка. Мины, снаряды и бомбы крошили лед, горели камыши. Укрыться на льду негде, и потери были большими. Среди сотен погибших – начальник штаба 12-й гвардейской Донской кавалерийской дивизии гвардии подполковник Я.П. Арел, были тяжело ранены заместитель командира корпуса генерал-майор М.Ф. Малеев, заместитель комкора по политчасти гвардии полковник П.А. Даровский. В ночь на 9 февраля 11-я гвардейская Донская казачья кавалерийская дивизия генерал-майора С.И. Горшкова преодолела реку Мертвый Донец и ворвалась в пригород Ростова в станицу Нижне-Гниловскую, и удержала ее до прихода стрелковых частей 28-й армии (Горшков, Овчаренко, 1985: 52).

У хутора Семерники совершила подвиг третья батарея 2-го артдивизиона 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса под командованием старшего лейтенанта Д.М. Пескова. Получив приказ, казаки-артиллеристы двинулись в нелегкий путь. Дон и Мертвый Донец встретили их зеркально гладким льдом. Лошади скользили и с трудом тянули пушки. Под их копыта падали бурки и шинели, и упряжки двигались быстрее. Крутой берег артиллеристы преодолевали напрямик, по бездорожью. Такого рывка гитлеровцы не ожидали. И когда спохватились, оба орудия батареи Пескова уже шли к разъезду Западный на помощь 10-й гвардейской кавалерийской дивизии. 16 танков бросили немцы против двух орудий батареи, но пройти к переправе им так и не удалось. В ходе боя были сожжены шесть танков, еще два подбиты, перекрыв дорогу остальным. Д.М. Песков был ранен, но оставался в строю до конца боя. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. гвардии старшему лейтенанту Дмитрию Михайловичу Пескову присвоено звание Героя Советского Союза.

Освобождение Таганрога. В Неклиновском районе Ростовской области западнее поселка Самбек воздвигнут мемориальный комплекс в честь воинов 130-й и

416-й стрелковых дивизий, удостоенных почетного наименования «Таганрогских». Авторы комплекса — бакинский скульптор Э. Шамилов, ростовские архитекторы В. Григор и И. Григор. Памятник был воздвигнут на самой высокой точке, возле осыпающихся от времени окопов, разрушенных пулеметных гнезд, блиндажей на окраине села. Памятник представляет собой две бетонные подковообразные стены, разорванные по центру, символизирующие две стрелковые дивизии, освобождавшие эти места — и является самым крупным памятником на территории Ростовской области. На большом камне у входа в мемориальный комплекс высечена надпись: «Остановись, товарищ! Поклонись земле, обгащенной кровью богатырей твоего народа, отстоявших мир, в котором ты живешь. Пусть на этом кургане твое сердце воспламенится великим огнем их беззаветной любви к Родине, а память твоя сквозь годы пронесет славу их бессмертного подвига для передачи потомкам в веках. Никто не забыт, ничто не забыто». В открытии памятника 7 мая 1980 г. участвовала азербайджанская делегация во главе с первым секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджана Гейдаром Алиевым ([Мемориал Славы на Самбекских высотах](#)).

Рис. 5. Мемориал Славы на Самбекских высотах. 1980 г.
([Под Таганрогом начинается проектирование](#))

По официальной версии Таганрог был освобожден в результате смелого маневра конных и механизированных соединений за Миусом. Все дороги из Таганрога на запад, после рейда в тыл врага конницы, танков и мотопехоты, оказались перерезанными. Части 130-й и 416-й стрелковых дивизий поднялись на последний штурм города. Огонь вели бронепоезда, артиллерия, минометы. С исключительным упорством дрались пехотинцы. 30 августа сопротивление немцев было сломлено. Вместе с сообщением об освобождении Таганрога советское информбюро публиковало перечень немецких потерь и больших трофеев советских войск ([Левина, 1970: 5](#)).

Действительно, город был освобожден в результате совместных действий 44-й армии В.А. Хоменко, наступавшей в лоб на Таганрог, при помощи гвардейцев 4-го механизированного и 4-го казачьего корпусов, обходивших город с севера и северо-запада при участии авиации 8-й воздушной армии Т.Т. Хрюкина и кораблей, высадивших десант. В ночь на 30 августа в районе села Безыменное, западнее Таганрога, была высажена рота (157 человек) 384-го отдельного батальона морской пехоты майора Ф.Е. Котанова. В это

же время восточнее Таганрога высажен вспомогательный десант (50 человек), который противника не обнаружил, и был вскоре снят с берега катерами. Высадка у Безыменного была произведена незаметно для противника. Скрытно проникнув в береговые укрепления, бойцы основного десанта уничтожили его огневые точки, а затем атаковали немецкий гарнизон в селе Безыменное. Внезапной ночной атакой был разгромлен штаб артиллерийского полка 15-й авиаполевой дивизии, уничтожено около 200 солдат и офицеров противника, до 200 автомашин, 50 повозок, пять складов, три танка. Потери десанта были минимальными – 1 убитый и 10 раненых. К рассвету 30 августа стало понятно, что наступление 44-й армии на Таганрог развивается медленно, возникла угроза гибели малочисленного десанта. В этой обстановке командующий Азовской флотилией приказал кораблям срочно снять десант с берега и вернуть его в Ейск.

Через несколько часов после возвращения в Ейск этот же десант 384-го отдельного батальона морской пехоты был высажен в Таганроге. Противник к этому времени уже оставил город, поэтому десант боя не вел, заняв порт и находящиеся в нем корабли (30 августа 1943 года). Уличных боев в Таганроге не было – немцы ушли за день до того, как наши бойцы вошли в город. На рассвете 30 августа в порту высадились 37 партизан отряда «Отважный-2» под командованием А.Д. Гуды. В город прорвалась рота автоматчиков старшего лейтенанта В.Т. Курепина, не допустивших разрушения зданий и заводов. Вскоре подошли части 130-й и 416-й Азербайджанской стрелковых дивизий, а к 17.30 на западную окраину города пробился сводный отряд 2-го гвардейского механизированного корпуса. Вечером, после сообщения Юрия Левитана об освобождении города, небо над Москвой расцветилось победным салютом в честь войск Южного фронта, прорвавших Миус-фронт и овладевших Таганрогом. Это был третий салют в истории Великой Отечественной войны.

4. Выводы

Историческая память является мощным регулятором общественного сознания. Сохранение исторической связи поколений россиян сегодня – это важнейшая задача. Каждый год умирают «свидетели войны». С уходом этих людей наследники их победы не в силах сохранить память в тех же красках. Постепенно она приобретает оттенки реальных событий настоящего и утрачивает свою достоверность. Как избежать разрыва исторических связей и сохранить память поколений? Историческая память о войне формируется и сохраняется в сознании молодого поколения не только из исторических фактов и хроники событий. Самый эмоциональный фактор – это «живая память» народа. Каждая российская семья знает об этих страшных годах из свидетельств очевидцев: рассказы дедов, письма с фронта, фотографии, документы. Многомиллионное шествие «Бессмертного полка» 9 мая тому свидетельство. Задача общества и государства в сохранении исторической связи поколений – в достоверном освещении исторических фактов на страницах школьных учебников и научно-популярных книг. Историческая память о войне – это главная ценность нашего народа. Этой цели служат и воинские мемориалы, ставшие символом мужества защитников нашего Отечества.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г. «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ госрегистрации АААА-А16-116012610049-3).

Литература

Батарей Оганова – Батарей Оганова – это наши донские 28 панфиловцев. URL: http://rslovar.com/content/батарей_оганова-это-наши-донские-28-панфиловцев (дата обращения: 16.01.2018).

Великая Отечественная война, 1998 – Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. Перелом. М.: Наука, 1998. 512 с.

Герои Советского Союза, 1987–1988 – Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. М.: Воениздат, 1987. Т. 1. 911 с. 1988. Т. 2. 863 с.

Горбатов, 1965 – Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965. 384 с.

- Горшков, Овчаренко, 1985** – *Горшков С.И., Овчаренко И.В.* Донской гвардейский. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1985. 160 с.
- Грамс, 2014** – *Грамс Р.* 14-я танковая дивизия. 1940–1945. М: Центрполиграф, 2014. 358 с.
- Достопримечательности России** – Достопримечательности России. URL: http://russights.ru/post_1471006865.html (дата обращения: 16.01.2018).
- Каталог памятников истории и культуры Ростовской области** – Каталог памятников истории и культуры Ростовской области (по городам). Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1988. 348 с.
- Котов, Ляковский, 1973** – *Котов М., Ляковский В.* На Южном фронте. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1973. 282 с.
- Котов, Ляковский, 1976** – *Котов М., Ляковский В.* В ту суровую осень. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1976. 464 с.
- Левина, 1970** – *Левина М.* Освобождение Таганрога (1943 г.) // *Блокнот агитатора*. 1970. № 22. С. 5.
- Макензен, 2004** – *Макензен Э.-А.* От Буга до Кавказа. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 496 с.
- Меллентин, 1999** – *Меллентин Ф.* Бронированный кулак Вермахта. Смоленск: Русич, 1999. 528 с.
- Мемориальные комплексы и памятники на территории Ростовской области** – Мемориальные комплексы и памятники на территории Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=128771> (дата обращения: 3.01.2018).
- Мемориал Славы на Самбекских высотах** – Мемориал Славы на Самбекских высотах. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 07.01.2018)
- Меотида и окрестности** – Меотида и окрестности. История, культура, природа Нижнего Дона и Приазовья. URL: <http://meotyda.ru/node/973> (дата обращения: 15.01.2018)
- Неизвестный гений может стать известным** – Неизвестный гений может стать известным. URL: http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/shop_photo/peiz/68203.html (дата обращения: 16.01.2018).
- Памятники Победы** – Памятники Победы. URL: <http://pamyatdon.ru/content/pamyatniki-pobedy> (дата обращения: 2.01.2018).
- Памятник «Якорь» в поселке Матвеев Курган** – Памятник «Якорь» в поселке Матвеев Курган. URL: http://russights.ru/post_1471006865.html (дата обращения: 15.01.2018).
- Под Таганрогом начинается проектирование** – Под Таганрогом начинается проектирование военно-исторического музейного комплекса «Самбекские высоты». URL: <http://mytaganrog.com/article/pod-taganrogom-nachinaetsya-proektirovanie-voenno-istoricheskogo-muzeynogo-kompleksa> (дата обращения: 15.01.2018).
- Порфирьев, 1987** – *Порфирьев Э.В.* Рейд к Тацинской // *Военно-исторический журнал*. 1987. № 11. С. 63–74.
- Пужаев, 2006** – *Пужаев Г.К.* Кровь и слава Миуса. Таганрог: Издательство «БАННЭРплюс», 2006. 400 с.
- Рейд 24-го танкового корпуса к Тацинской** – Рейд 24-го танкового корпуса к Тацинской. URL: <http://stalingradrus.narod.ru/opera18.html> (дата обращения 07.01.2018).
- Ростовская область, 2007** – Ростовская область. 70 лет созидания (1937–2007). Ростов-на-Дону: ООО «Омега-Принт», 2007. 276 с.
- Савчук, 2017** – *Савчук А.* Кумженский мемориал в Ростове-на-Дону: история, описание и отзывы туристов. URL: <http://fb.ru/article/294883/kumjenskiy-memorial-v-rostove-na-donu-istoriya-opisanie-i-otzyivi-turistov> (дата обращения: 15.01.2018).
- Салтыков, 1983** – *Салтыков Н.Д.* Докладываю в Генеральный штаб. М.: Воениздат, 1983. 252 с.
- Сидоров, Фокин, 1945** – *Сидоров В., Фокин Н.* Разгром итапо-немецких войск на Дону (декабрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1945. 139 с.
- Сталинградская битва, 2002** – Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Книга 2. М.: Олма-Пресс, 2002. 576 с.

[Юфереv, 2015](https://topwar.ru/84172-tacinskiy-reyd-general-a-vasiliya-badanova.html) – Юфереv С. Тацинский рейд генерала Василия Баданова. URL: <https://topwar.ru/84172-tacinskiy-reyd-general-a-vasiliya-badanova.html> (дата обращения 07.01.2018).

[30 августа 1943 года](http://russia-reborn.ru/news/profile/268211.html) – 30 августа 1943 года. Донбасская наступательная операция. Таганрогский десант. Освобождение Таганрога. URL: <http://russia-reborn.ru/news/profile/268211.html> (дата обращения: 07.01.2018).

[Уроки истории](http://urokiistorii.ru/2010/22/pobeda-1) – Уроки истории. URL: <http://urokiistorii.ru/2010/22/pobeda-1> (дата обращения 14.01.2018).

[Фабрикант, 1985](#) – *Фабрикант А.Е.* 68-я отдельная морская стрелковая бригада в боях за Родину (краткая историческая справка о боевых действиях бригады в 1942–43 гг.). Одесса: Порт-принт, 1985. 56 с.

[ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

[Я расскажу, как потеряли Ростов](http://meotyda.ru/node/979) – Я расскажу, как потеряли Ростов. Бои за город 17-го ноября 1941 г. URL: <http://meotyda.ru/node/979> (дата обращения: 16.01.2018).

[Medvedev, 2016](#) – *Medvedev M.V.* Memory of the Mius-front in the Museum Culture of the South of Russia // *Русская старина*. 2016. Vol. (20). Is. 4. С. 305–312.

References

[Batareya Oganova](http://rslovar.com/content/batareya-oganova-eto-nashi-donskie-28-panfilovtsev) – Batareya Oganova – eto nashi-donskie-28-panfilovtsev [Oganov's battery is our-Don-28-Panfilov's men]. URL: <http://rslovar.com/content/batareya-oganova-eto-nashi-donskie-28-panfilovtsev> (accessed on: January 16, 2018) [in Russian]

[Velikaya Otechestvennaya vojna, 1998](#) – Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945 [The Great Patriotic War]. Military-historical essays. The second book. Perelom [Fracture]. Moscow: Nauka, 1998. 512 p. [in Russian]

[Geroi Sovetskogo Soyuz, 1987–1989](#) – Geroi Sovetskogo Soyuz [Heroes of the Soviet Union]: Concise biographical dictionary. Moscow: Voenizdat, 1987. Vol. 1. 911 p. Vol. 2. 863 p. [in Russian]

[Gorbatov, 1965](#) – *Gorbatov A.V.* (1965). Godyi i voyni [Years and Wars]. Moscow: Voenizdat, 384 p. [in Russian]

[Gorshkov, Ovcharenko, 1985](#) – *Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V.* (1985). Donskoy gvardeyskiy [The Don Guards]. Rostov-on-Don: Rostov publishing house. 160 p. [in Russian]

[Grams, 2014](#) – *Grams R.* (2014) 14-ya tankovaya diviziya. 1940–1945 [14th Panzer Division. 1940–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf. 358 p. [in Russian]

[Dostoprimechatel'nosti Rossii](http://russights.ru/post_1471006865.html) – Dostoprimechatel'nosti Rossii [Sights of Russia]. URL: http://russights.ru/post_1471006865.html (accessed on: January 16, 2018) [in Russian].

[Katalog pamyatnikov istorii i kulturyi Rostovskoy oblasti](#) – Katalog pamyatnikov istorii i kulturyi Rostovskoy oblasti (po gorodam) [Catalog of Monuments of History and Culture of Rostov Oblast (by city)] Rostov-on-Don: Rostov publishing house, 1988. 348 p. [in Russian]

[Kotov, Lyaskovskiy, 1973](#) – *Kotov M., Lyaskovskiy V.* (1973). Na Yuzhnom fronte [On the Southern Front]. Rostov-on-Don: Rostov publishing house. 282 p. [in Russian]

[Kotov, Lyaskovskiy, 1976](#) – *Kotov M., Lyaskovskiy V.* (1976).. V tu surovuyu osen [In that harsh autumn]. Rostov-on-Don: Rostov publishing house. 464 p. [in Russian]

[Levina, 1970](#) – *Levina M.* (1970). Osvobozhdenie Taganroga (1943 g.) [Liberation of Taganrog (1943)] // *Notepad of the Agitator*. № 22. p. 5 [in Russian]

[Makenzen, 2004](#) – *Makenzen E.-A.* (2004). Ot Buga do Kavkaza [From the Bug to the Caucasus]. Moscow: AST, Tranzitkniga. 496 p. [in Russian]

[Mellentin, 1999](#) – *Mellentin F.* (1999) Bronirovannyiy kulak vermahta [The armored fist of the Wehrmacht]. Smolensk: Rusich. 528 p. [in Russian]

[Memorial'nye komplekсы i pamyatniki na territorii Rostovskoy oblasti](http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=128771) – Memorialnyie komplekсы i pamyatniki na territorii Rostovskoy oblasti [Memorial complexes and monuments in the Rostov Oblast]. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=128771> (accessed on: January 3, 2018) [in Russian]

[Memorial Slavyi na Sambekskih vyisotah](https://ru.wikipedia.org/wiki/) – Memorial Slavyi na Sambekskih vyisotah [Memorial of Glory at Sambeck Heights]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed on: January 7, 2018) [in Russian]

Meotida i okrestnosti – Meotida i okrestnosti. Istoriya, kul'tura, priroda Nizhnego Dona i Priazov'ya [Meotida and surroundings. The history, culture, nature of the Lower Don and the Azov Sea]. URL: <http://meotyda.ru/node/973> (accessed on: January 15, 2018) [in Russian]

Pamyatniki Pobedy – Pamyatniki Pobedy [Monuments of Victory]. URL: <http://pamyatdon.ru/content/pamyatniki-pobedy> (accessed on: January 2, 2018) [in Russian].

Pamyatnik “Yakor” v poselke Matveev Kurgan – Pamyatnik “Yakor” v poselke Matveev Kurgan [Monument “Anchor” in the Matveyev Kurgan village]. URL: http://russights.ru/post_1471006865.html (accessed on: January 15, 2018) [in Russian]

Pod Taganrogom nachinayetsya proyektirovaniye – Pod Taganrogom nachinayetsya proyektirovaniye voyenno-istoricheskogo muzeynogo kompleksa “Sambekskiy vysooty” [Under Taganrog, the design of the military historical museum complex “Sambek Heights” begins]. URL: <http://mytaganrog.com/article/pod-taganrogom-nachinaetsya-proektirovanie-voenno-istoricheskogo-muzeynogo-kompleksa> (accessed on: January 15, 2018) [in Russian]

Porfirev, 1987 – *Porfirev E.V.* (1987) *Reyd k Tatsinskoy* [Raid to Tatsinskaya] // *Voenno-istoricheskii zhurnal*. № 11. pp. 63–74 [in Russian]

Puzhaev, 2006 – *Puzhaev G.K.* (2006). *Krov i slava Miusa* [Blood and Glory of Mius]. Taganrog: BANNERplus. 400 p. [in Russian]

Rejd 24-go tankovogo korpusa k Tatsinskoy – Rejd 24-go tankovogo korpusa k Tatsinskoy [Raid of the 24th Tank Corps to Tatsinskaya]. URL: <http://stalingradrus.narod.ru/opera18.html> (accessed on: January 7, 2018) [in Russian]

Rostovskaya oblast, 2007 – *Rostovskaya oblast. 70 let sozidaniya (1937–2007)* [Rostov Oblast. 70 years of creation (1937–2007)]. Rostov-on-Don, OOO “Omega-Print”, 2007. 276 p. [in Russian]

Savchuk, 2017 – *Savchuk A.* *Kumzhenskiy memorial v Rostove-na-Donu* [The Kumzhensky memorial in Rostov-on-Don]. URL: <http://fb.ru/article/294883/kumzhenskiy-memorial-v-rostove-na-donu-istoriya-opisanie-i-otzyivyi-turistov> (accessed on: January 7, 2018) [in Russian]

Saltyikov, 1983 – *Saltyikov N.D.* (1983). *Dokladyivayu v Generalnyi shtab* [Reporting to the General Staff]. Moscow: Voenizdat. 252 p. [in Russian]

Sidorov, Fokin, 1945 – *Sidorov V., Fokin N.* (1945). *Razgrom italo-nemetskih voysk na Donu (dekabr 1942 goda)* [Defeat of the Italo-German troops on the Don (December 1942)]. Moscow: Voenizdat. 139 p. [in Russian]

Stalingradsкая bitva, 2002 – *Stalingradsкая bitva. Hronika, faktyi, lyudi* [The Battle of Stalingrad. Chronicle, Facts, People]. Book 2. Moscow: Olma-Press, 2002. 576 p. [in Russian]

Yuferev, 2015 – *Yuferev S.* (2015). *Tatsinskiy reyd generala Vasiliya Badanova* [Tatsin's raid of General Vasily Badanov]. URL: <https://topwar.ru/84172-tacinskiy-reyd-general-a-vasiliya-badanova.html> (accessed on: January 7, 2018) [in Russian]

30 avgusta 1943 goda – 30 avgusta 1943 goda. *Donbasskaya nastupatel'naya operatsiya. Taganrofskiy desant. Osvobozhdenie Taganroga* [August 30, 1943. Donbas offensive operation. Taganrog landing. Liberation of Taganrog]. URL: <http://russia-reborn.ru/news/profile/268211.html> (accessed on: January 7, 2018) [in Russian]

Uroki istorii – Uroki istorii [History essons]. URL: <http://urokiistorii.ru/2010/22/pobeda-1> (accessed on: January 14, 2018) [in Russian]

Fabrikant, 1985 – *Fabrikant A.E.* (1985). *68-ya otdelnaya morskaya strelkovaya brigada v boyah za Rodinu (kratkaya istoricheskaya spravka o boevyih deystviyah brigadyi v 1942–43 gg.)* [68th Separate Marine Rifle Brigade in Battles for the Motherland (a brief historical note on the brigade's fighting in 1942–43)]. Odessa: Port-print. 56 p. [in Russian]

TsAMO RF – Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] [in Russian]

Ya rasskazhu, kak poteryali Rostov – Ya rasskazhu, kak poteryali Rostov. *Boi za gorod 17-go noyabrya 1941 g.* [I'll tell you how Rostov lost. Battles for the city on November 17, 1941]. URL: <http://meotyda.ru/node/979> (accessed on: January 7, 2018) [in Russian]

Medvedev, 2016 – *Medvedev M.V.* (2016). *Pamyat o Mius-fronte v muzeynoy kulture Yuga Rossii* [Memory of the Mius-Front in the Museum Culture of the South of Russia] // *Russkaya Starina*. Vol. (20). Is. 4. pp. 305–312. [in Russian]

Героические символы Великой Отечественной войны в мемориальном пространстве Ростовской области

Владимир Иванович Афанасенко ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Одним из базовых инструментов воздействия на психологию общества является формирование героических символов – феномена массового, в значительной мере мифологизированного сознания. Символы – это обобщенные, очищенные от частных, образцы индивидуального или группового поведения, на которые общество в лице государства ориентирует своих членов в значимых в данный исторический момент ситуациях. Становясь «историческими», героические символы превращаются в ценностные, входят в устойчивую структуру народного сознания – «историческую память». Героические символы Великой Отечественной по-прежнему остаются основой не только народной памяти о войне, но и ценностным ядром национального самосознания в целом. Символами стали как реальные факты, так и факты, прошедшие обработку, чтобы соответствовать нужным государственной системе требованиям. О самых значимых военных мемориалах Ростовской области – в данной статье.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ростовская область, военные мемориалы и памятники, символы исторической памяти.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: af521735@yandex.ru (В.И. Афанасенко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 36-52

DOI: 10.13187/rs.2018.1.36
www.ejournal15.com

The Origin and Formation of the Reconstruction Movement in the Don Region

Konstantin V. Voronin ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Since 1979, there is a special kind of creative activity of people, fascinated by the romance of medieval battles, battles with the army of Napoleon Bonaparte, the battles of the Civil and Great Patriotic Wars. The ardor for historical and military historical reconstructions, recreating or imitating various scenarios of the past, arose in the South of Russia in 1986. Since then, more and more people have become involved in the world of role-playing games of different historical epochs, participating in tournaments, festivals or staging battles. Everywhere there are military-historical clubs where amateurs are united to reincarnate into heroes of different times and test themselves in combat craft or combat art. Participation in military-historical festivals allows people to become a participant in the significant events of the past for the time being. The romance of such events is estimated already by many thousands of adherents. Therefore, the number of military historical festivals is rapidly growing in Russia, among which there are reconstructions of the battles of the Great Patriotic, First and Second World War, as well as medieval knight tournaments. This article is devoted to the analysis of the origin and formation of military-historical reconstruction in the South of Russia. It also considers the positive process of development of the movement for military historical reconstruction, military historical festivals and similar events.

Keywords: living history, military historical reconstruction, military historical club, military historical festival, World War I, The Civil War in Russia, The Second World War.

1. Введение

Одним из наиболее ярких современных направлений деятельности по сохранению и передаче представлений о прошлом является военно-историческая реконструкция (далее – ВИР). Само понятие «реконструкция» (означающее восстановление, воссоздание) указывает на характер данной деятельности, призванной воспроизводить обстоятельства определенных военно-исторических событий. Теоретической основой военно-исторической реконструкции является «живая история» (англ. living history), находящаяся на пересечении таких дисциплин, как экспериментальная археология и музейная педагогика. Одной из первых организационных форм подобных объединений стали военно-исторические общества. Выражение «военно-исторический» тогда означало любовь к военной истории, в первую очередь, к эпохе наполеоновских войн. Именно наполеонисты положили начало зарождению в России реконструкторского движения (Ратнов, Черноусов, 2017).

* Corresponding authors
 E-mail addresses: konst.voronin2012@yandex.ru (K.V. Voronin)

В настоящее время ВИР превратилась в массовое общественное движение в современной России и мире в целом. Оно состоит из военно-исторических клубов и групп, которые занимаются экспериментальным изучением военной истории (Курбат, 2014). На становление реконструкторского движения как одной из наиболее популярных субкультур в немалой степени повлиял социально одобряемый характер его деятельности, призванной способствовать формированию патриотизма и уважительного отношения к прошлому. Это оказалось особенно актуальным в 1990-е гг., для которых был характерен отказ от прежних оценок событий российской и советской истории. Несмотря на массовое распространение, сама ВИР остается все еще недостаточно изученным социальным феноменом, хотя в СМИ регулярно появляются репортажи с мест проведения отдельных реконструкций. Данная статья представляет собой одну из первых попыток анализа истории создания, становления и развития ВИР на Дону, определения ее места в системе институтов сохранения и трансляции исторической памяти.

2. Материалы и методы

В статье использованы материалы, собранные автором, как непосредственным участником целого ряда ВИР и военно-исторических фестивалей, и другими реконструкторами, в основном, хранящиеся в их личных, семейных архивах, а также публикации в периодической печати и Интернет-ресурсы. Автор стремился опираться на принцип историзма, позволяющий рассматривать становление реконструкторского движения в его развитии, в контексте определенного исторического периода. Основными методами исследования стали включенное наблюдение, источниковедческий анализ исторических источников, проблемно-хронологический метод изложения событий.

3. Обсуждение и результаты

В уже далеком 1986 г. штурман дальнего плавания Игорь Викторович Карасёв в газете «Ростовская неделя» (приложение к газете «Вечерний Ростов») прочитал объявление о проведении первого учредительного собрания Клуба военно-исторической миниатюры в помещении филиала Ростовского областного краеведческого музея. Организаторами собрания выступили директор филиала А. Захаревич со своими единомышленниками А. Венковым, А. Кожиным, О. Нельзиным, С. Деркачем, В. Левендорским и Ю. Тимофеевым (Оленев, 2018: 4). Целью собрания было объединение всех неравнодушных жителей Ростова-на-Дону для изучения русского и советского военного костюма и развитие военно-исторической миниатюры в городе.

Рис. 1–2. Эмблемы Донского военно-исторического клуба имени М.И. Платова (Семейный архив Карасёва)

Рис. 3. Собрание первых ростовских реконструкторов. Слева направо: О. Добровольский, Н. Новиков, через одного – И. Карасёв, А. Венков, С. Деркач, А. Гордиенко, В. Бирзул ([Семейный архив Карасёва](#))

Именно с этого собрания у И.В. Карасёва и его товарищей возникла идея организации в г. Ростове-на-Дону военно-исторического клуба по воссозданию донского казачества периода Гражданской войны. Период Гражданской войны был выбран не случайно: с началом перестройки в СССР происходило переосмысление ее событий, в том числе истории Белого движения, которому в советский период давались резко отрицательные оценки. События Гражданской войны были особенно болезненными для Дона, многие жители которого подверглись репрессиям и «расказачиванию» ([Казачий Дон, 2010: 178–186](#)). Воссоздание донских казачьих частей стало первоначальной целью клуба.

Первые два года, с 1986 по 1988 г., в связи с различными трудностями и запретами со стороны властных структур, члены клуба занимались преимущественно изучением исторических документов и подготовкой военной формы Русской императорской армии. К концу 1988 г. был создан первый на юге России Донской военно-исторический клуб имени атамана Платова (ДВИК), удалось привлечь к движению около 30 человек. По Уставу ДВИК состоял из двух отделов. Первый представлял собой военно-историческую комиссию, в которую входили историки, коллекционеры и художники, главное внимание уделявшие изучению истории Войска Донского. Второй отдел, т.н. Донскую казачью дивизию, составляли собственно реконструкторы. В организационном отношении она состояла из трех полков: Лейб-Гвардии Атаманского его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, 17-го Донского казачьего имени генерала Я.П. Бакланова и 145-го Новочеркасского пехотного полков. Все базировались в помещении Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – РРО ВООПИиК). Огромную помощь в становлении ДВИК оказали заместитель председателя президиума РРО ВООПИиК А.А. Озеров и краевед А.П. Зимин ([Оленев, 2018: 5](#)).

С 1 по 6 августа 1989 г., по приглашению Федерации военно-исторических клубов СССР (президент – О.В. Соколов), 15 реконструкторов ДВИК приняли участие в праздновании 200-летия Московского гренадерского полка. В ходе исторического парада по Красной площади, впервые после Октябрьской революции, были пронесены знамена Всевеликого войска Донского и Российский триколор. Кроме того, впервые у донских реконструкторов появилась возможность познакомиться с реконструкторами из других городов, занимающихся воссозданием других исторических эпох российской истории и обменяться с ними опытом.

Рис. 4. Отъезд в Москву ростовских реконструкторов. Ростов-на-Дону, 1989 г.
(Семейный архив Карасёва)

С 1 по 6 августа 1990 г. ДВИК был проведен 1-й донской всероссийский конный поход «Во славу Отечества», во время которого 80 участников прошли по маршруту: Ростов-на-Дону – Аксай – Старочеркасская – Новочеркасск. Участниками похода стали представители всех казачьих войск России. В честь похода был выпущен памятный знак, врученный каждому участнику мероприятия (Оленев, 2018: 6)

Рис. 5. Первый всероссийский конный казачий поход. Август 1990 г.
(Семейный архив Карасёва)

Рис. 6. Памятный знак «За веру, Дон и Отечество!». Выдавался участникам первого всероссийского конного казачьего похода 1 августа 1990 г. Тираж – 80 экз. (Семейный архив Карасёва)

После похода 1990 г. представители ДВИК вошли в оргкомитет по созыву 1-го Круга казаков Дона, на котором атаманом Союза был избран М.М. Шолохов, походным атаманом – В.Н. Ратиев, а И.В. Карасёв – заместителем походного атамана.

С 1990 г. ежегодно, в феврале, силами ДВИК проводится Корниловский поход, в котором принимало участие около 100 человек. В 1991 г. проведение данного мероприятия было одобрено Администрацией Ростовской области и Департаментом по делам казачества, однако районные администрации, через территории которых проходил поход, не были об этом уведомлены. Возле станции Мечетинской колонну реконструкторов остановил вооруженный милицейский кордон, с требованием сдать макеты оружия и прекратить несанкционированное шествие. Только после длительных переговоров колонне разрешили продолжать поход, который успешно закончился в станице Хомутовской небольшим сражением между противоборствующими сторонами эпохи Гражданской войны (Оленев, 2018: 7–8).

Рис. 7. Корниловский поход. 1992 г. (Семейный архив Карасёва)

Вскоре инициативная группа членов ДВИК решила расширить количество реконструируемых эпох. В конце 1991 г. – первой половине 1992 г. в рамках уже созданных казачьих подразделений была пошита форма и изготовлена амуниция периода Отечественной войны 1812 г. В 1992 г. члены ДВИК впервые выехали в Московскую область на юбилейные мероприятия, посвященные 180-летней годовщине Бородинского сражения в форме казаков соответствующей эпохи. Это было грандиозное мероприятие международного масштаба, куда приехали участники со всей России, ближнего и дальнего зарубежья, руководители западноевропейских военно-исторических клубов. Внешний вид, выучка и выправка наших казаков получили высокую оценку организаторов и гостей мероприятия, благодаря чему донская реконструкция получила возможность выхода на международный уровень.

Рис. 8. Бородино. 1992 г. Руководители военно-исторических клубов. Слева третий – И.В. Карасёв ([Семейный архив Карасёва](#))

В 1994 г. по приглашению Австрийской ассоциации военно-исторических клубов члены ДВИК представили Россию на международном фестивале, посвященном 185-й годовщине битвы при Ваграме. Появление на фестивале донских казаков привлекло внимание западноевропейских реконструкторов. После Ваграмского фестиваля члены ДВИК стали ежегодно выезжать на различные европейские и отечественные мероприятия, посвященные круглым датам наиболее памятных военных событий:

- 1995 г. – 180-я годовщина битвы при Ватерлоо (Бельгия),
- 1996 г. – 181-я годовщина битвы при Аустерлице (Чехия),
- 1996 г. – 300 лет флоту России (Санкт-Петербург, Россия),
- 1997 г. – 8-й международный лагерь реконструкторов, фестиваль «Булонский лагерь» (Булонь, Франция),
- 1998 г. – 2-й международный фестиваль «На родине Наполеона Бонапарта» (Корсика, Франция).

Рис. 9–10. Донские казаки на Ватерлоо. Бельгия, 1995 г. Прием на родине Наполеона Бонапарта. Остров Корсика, 1998 г. ([Семейный архив Карасёва](#))

Со временем из ДВИК стали выделяться реконструкторы, специализировавшиеся на других армиях и эпохах. Так, А. Дробязко создал ВИК «Канонир», занимавшийся первоначально реконструкцией французской легкой конной артиллерии эпохи наполеоновских войн. В настоящее время основным направлением деятельности клуба является реконструкция турецкой артиллерии XVII в. А. Чернявский создал ВИК «Кабардинский конный полк Кавказской 1-й туземной дивизии» периода Первой мировой войны. В 2006–2008 гг. он представлял Ростовскую область на международном военно-историческом фестивале «Блоддорф» в Чехии. В станице Тацинской Ростовской области был создан и успешно существует по настоящее время ВИК «Воин», председатель которого А.В. Харитонов смог вовлечь сельскую молодежь в реконструкторское движение с большим разнообразием исторических эпох, от средневековья до Великой Отечественной войны. Вышел из ДВИК и М. Яхимович – основатель донского страйкбольного реконструкторского движения и ВИК «Зеленые береты». Он занимается страйкболом по Вьетнамской войне 1964–1975 гг. и в настоящее время.

Отделение от основного клуба самостоятельных групп представляло собой объективный процесс. ДВИК положил начало военно-историческому движению на Дону, привил интерес к реконструкторскому делу многим талантливым людям. И.В. Карасёв после списания на берег занялся преподавательской и общественной деятельностью. Он создал и возглавляет группу ВИК «Куниковцы», а также детско-юношеский патриотический клуб «Юный моряк». За заслуги в создании реконструкции на Дону, в воспитании молодежи и активную общественную работу И.В. Карасёв избран председателем Ростовского отделения Всероссийского общественного молодежного движения «Юнармия». Его воспитанники – постоянные участники всех памятных и военно-исторических мероприятий как Ростовской области, так и других регионов России. В настоящее время ДВИК имени атамана Платова под руководством А.В. Гордиенко продолжает участвовать во многих военно-исторических реконструкциях на территории Ростовской области и в других регионах Российской Федерации. Ежегодно клуб выступает организатором двух крупных военно-исторических фестивалей на территории Ростовской области «Слово о полку Игореве» и «Азовское сидение» ([Донской военно-исторический клуб](#)).

Наиболее массовый характер реконструкторское движение получило при обращении к периоду Великой Отечественной войны, память о которой сохраняется во многих российских семьях. Во многом этому способствовала деятельность Ивана Валентиновича Волчанского и Николая Александровича Щербины.

Рис. 11. И.В. Волчанский. 2005 г. (Семейный архив Токмакова)

В 2003 г. владелец оружейного магазина И.В. Волчанский объединил своих сотрудников и других энтузиастов в ВИК по реконструкции униформы и вооружения Красной армии периода Великой Отечественной войны. Ключевую роль в этом сыграл работавший у него Н. Новиков, предложивший создать клуб ВИР по воссозданию событий 1941–1943 гг. на Дону. ВИК получил название «34-я стрелковая дивизия РККА». Одновременно с созданием клуба началась работа по реставрации образцов военной техники, сбору предметов униформы и экипировки периода Великой Отечественной войны. Их собирали буквально по крупицам, многое приносили ростовчане, увидевшие мероприятия клуба, либо знакомые реконструкторов (Медведев, 2017: 310). В здании магазина «Грифон-В» в Ростове-на-Дону был открыт музей-выставка приобретенных артефактов, что вызвало интерес к ВИР у населения города.

Рис. 12. Знамя ВИК «34-я стрелковая дивизия РККА» (Семейный архив Воронина)

Первой публичной акцией нового реконструкторского клуба стал выезд в город на американском ленд-лизинговом вездеходе «Виллис» группы из 6 человек на празднование 60-летия Победы 9 мая 2005 г. В ходе акции реконструкторы в форме и с макетами оружия тех лет проехали по центральным улицам города и вручили цветы ветеранам. Эта акция привлекла новых энтузиастов в ряды клуба.

Рис 13. Первый выезд ВИК «34-я стрелковая дивизия РККА» 9 мая 2005 г. (Семейный архив Токмакова)

Количественный и качественный рост состава позволил создать несколько дочерних клубов («117-й пехотный полк Вермахта», 230-й отдельный полк НКВД, «Гроссдойчланд» и др.) в г. Ростове-на-Дону, привлечь к реконструкторскому движению студентов Ростовского государственного университета путей сообщения. На базе университета был организован военно-патриотический клуб «Ростовский стрелковый полк народного ополчения» в количестве 15 человек (руководитель – А. Пучков). Клуб И.В. Волчанского поддержали реконструкторы из ДВИК и других клубов области. Члены клуба стали проводить открытые уроки патриотизма в учебных заведениях города, участвовать в выставках, посвященных Великой Отечественной войне. Они принимали постоянное участие в парадах и других памятных мероприятиях.

Рис. 14. А. Пучков и его пехотное отделение. 2005 г. (Семейный архив Токмакова)

Осенью 2004 г. было организовано и проведено первое военно-историческое мероприятие по событиям Великой Отечественной войны в Ростовской области. На него был приглашен московский ВИК «22-й пехотный полк Вермахта», прибывший в количестве 15 человек. Общее количество участников составило около 40 человек. Это мероприятие было больше похоже на полевой выход, так как СХП-макетов (макетов стрелкового

вооружения, стреляющего холостыми патронами) у участников практически не было, при имитации боя они бросали петарды. Но это мероприятие стало первой репетицией будущих крупных донских реконструкций и фестивалей, дало толчок к массовости и популяризации военно-исторической реконструкции на донской земле.

В начале 2005 г. у ВИК «34-я стрелковая дивизия РККА» еще не было возможностей регулярного проведения памятных мероприятий, в том числе и в связи с тем, что он не был официально зарегистрирован. Значительную помощь в становлении реконструкторского движения на Дону оказал Н.А. Щербина, создавший некоммерческое предприятие (далее – НП) ВИК «Южный Фронт». Именно эта организация первой провела достаточно крупные ВИР в феврале-мае 2005 г. по событиям эпохи Великой Отечественной войны.

Рис. 15. Н.А. Щербина и И.Ю. Сапач. 2005 г. ([Семейный архив Воронина](#))

В феврале 2005 г., в канун 62-й годовщины второго освобождения г. Ростова-на-Дону, на полигоне «Дон-25» в Мясниковском районе была проведена первая полномасштабная реконструкция на территории Ростовской области по событиям периода Великой Отечественной войны. На мероприятие приехали клубы из Волгограда, Краснодара и Пятигорска. Из Краснодарского края доставили авто- и мототехнику военных лет. Это мероприятие не отличалось полной аутентичностью формы и зрелищностью пиротехники, но отразило огромный энтузиазм участников. Первый раз реконструкция стала массовой и доступной для широких слоев населения, а воспроизведенные события – близкими и понятными зрителям.

Рис. 16. Полигон «ДОН-25». Февраль 2005 г. (Семейный архив Токмакова)

4 мая 2005 г. на полигоне «ДОН-25» в Мясниковском районе Ростовской области был проведен полевой выход с применением СХП-макетов, в котором участвовали около 30 человек из донских ВИК. Именно после этого полевого выхода начал складываться коллектив, во многом определяющий развитие реконструкторского движения и в настоящее время.

Рис. 17. Завершающая атака Красной армии. Май 2005 г. (Семейный архив Щербины)

6 мая 2005 г., также на полигоне «Дон-25», в преддверии празднования Дня Победы, состоялась ВИР, приуроченная к 60-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Она была организована НП ВИК «Южный Фронт» при поддержке командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерала армии А.И. Баранова. Впервые зрители увидели воздушный бой с привлечением авиации ДОСААФ-РОСТО. В мероприятии приняли участие ВИК из Пятигорска, Краснодара, Новороссийска (Афанасенко, 2017: 68-78). 9 мая 2005 г. на автомобиле ГАЗ-67, мотоцикле М-72, в форме времен Великой Отечественной войны клуб принял участие в городских праздничных мероприятиях и параде Северо-Кавказского управления внутренних дел на

транспорте (СК УВДТ, в настоящее время – Управление на транспорте МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу).

Еще одним шагом в развитии реконструкторского движения стала совместная творческая работа с СК УВДТ в мае 2005 г. по съемкам короткометражного фильма «Мост» (режиссер – Г. Бурлуцкая). Он был посвящен героической обороне железнодорожного моста через реку Дон войсками НКВД осенью 1941 г. Эта короткометражка стала официальным учебным патриотическим видеопособием Управления на транспорте МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. Уникальность съемок фильма «Мост» заключалась уже в том, что все роли в нем исполняли реконструкторы либо действующие сотрудники транспортной милиции, профессиональные актеры не привлекались. Финансирование съемок осуществлялось из личных средств предпринимателя И.Ю. Стреляева. Именно для этого фильма, по договоренности с ОАО «РЖД», был расконсервирован и запущен паровоз ЛВ-0233, находившийся на длительном хранении в Ростовском депо. После завершения съемок фильма, с мая 2010 г. он стал ежегодно использоваться в памятной акции «Поезд Победы» в Ростовской области. Эта акция символизирует прибытие домой советского солдата-победителя, и паровоз является главным символом всенародного праздника Победы.

Рис. 18–19. Творческая группа, создавшая фильм «Мост» и сотрудники управления кадров Управления на транспорте МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, снявшиеся в нем. Май 2005 г. ([Семейный архив Токмакова](#))

В октябре 2005 г. ВИК «34-я стрелковая дивизия РККА» выехал на ежегодный международный военно-исторический фестиваль «Москва за нами!», став первым клубом юга России, посетившим военно-исторический фестиваль по эпохе Великой Отечественной войне. Участие в этом фестивале в то время было своеобразным признанием авторитета клуба среди реконструкторов России по периоду 1941–1945 гг.

Рис. 20. Группа ростовских и волгоградских реконструкторов. Бородино, октябрь 2005 г. (Семейный архив Токмакова)

Кульминацией реконструкторской деятельности И.В. Волчанского стали организация и проведение крупного мероприятия, посвященного 63-й годовщине второго освобождения г. Ростова-на-Дону на полигоне воинской части внутренних войск на северной окраине г. Ростова-на-Дону. Впервые в нем участвовали реконструкторы из многих городов России (Москва, Краснодар, Волгоград, Пятигорск). Огромную помощь в организации и проведении оказало командование внутренних войск Северо-Кавказского округа МВД России. Музей бронетанковых войск Министерства обороны РФ предоставил два танка (Т-26, Рз-38). На поле применялась профессиональная пиротехника под контролем сотрудников ОМОН СК УВДТ. Впервые широкой общественности была показана имитация боя с применением не только пехотных подразделений, но и бронетехники во взаимодействии с кавалерией. Это мероприятие имело огромный успех у населения и гостей города, количество зрителей превысило 7000 человек (Посиделов, 2005: 1).

Рис. 21–22. Эпизод реконструкции и первая полоса газеты «Газета Дона». 2006. 15 февраля. № 7 (Семейный архив Воронина)

9 мая 2006 г. донские реконструкторы впервые прошли отдельной «коробкой» в униформе образца 1936 г. с макетами оружия вместе с парадными расчетами родов войск Министерства обороны России по Театральной площади г. Ростова-на-Дону.

В конце мая 2006 г. И.В. Волчанский трагически погиб. Руководителями донской ВИР стали Н.А. Щербина и И.Ю. Стреляев. 27 августа и 3 декабря 2006 г. на полигоне «Дон-25» ими были проведены впоследствии ставшие традиционными ВИР, посвященные прорыву Миус-фронта и первому освобождению г. Ростова-на-Дону, в которых широко использовалась историческая техника: 2 ЗиС-5, 2 ГАЗ-67, американский автомобиль «Виллис», советские и немецкие мотоциклы, ГАЗ М-1 кабриолет, БТР-40, противотанковая артиллерия Красной армии и вермахта. Реконструкторы впервые массово применяли макеты автоматического стрелкового оружия. Кроме того, зрителям впервые была показана работа авиации и выброска парашютиста.

Рис. 23–24. Сцены реконструкций. Части РККА на исходных позициях. Август 2006 г. Разведка увозит пленного немецкого офицера на его автомобиле. Декабрь 2006 г. (архив ДВИМ)

Н.А. Щербина в августе 2007 г. помог организовать и провести первый в Ростовской области по-настоящему крупный военно-исторический фестиваль «Прорыв Миус-фронта», организатором которого выступил ВИК «Донской военно-исторический музей» (председатель – И.В. Стреляев). Но уже в то время Н.И. Щербина стал изучать и реконструировать историю донского казачества XVI в., период борьбы донских казаков как с турками, так и с царским правительством. Результатом этой деятельности стал военно-исторический фестиваль «Казачья вольница», проведенный в 2013–2015 гг. Этот фестиваль по размаху проведения и зрелищности ничем не уступал лучшим мероприятиям по той исторической эпохе, например, таким, как «Азовское сидение». Впервые на Дон приехали Международный ВИК «Преображенский полк» с участниками из Эстонии, Литвы и Латвии, а также клуб «Касса-Нова» из Словакии. Однако затем обстоятельства не позволили Н.А. Щербине продолжать заниматься любимым делом, и он был вынужден оставить реконструкцию.

Рис. 25–26. Н.А. Щербина во главе строя мушкетеров. Фрагмент боя на Каплице. Фестиваль «Казачья вольница». 2013-2014 гг. (Семейный архив Щербины)

И.В. Стреляев с 2007 г. фактически возглавил реконструкторское движение на Дону, основал и на собственные средства построил Донской военно-исторический музей, в котором собрал уникальную, крупнейшую на юге России коллекцию техники и вооружения времен Великой Отечественной войны. Он также вывел донскую ВИР на принципиально новый, общероссийский уровень, ничем не уступающий мировым стандартам. Это стало новым этапом в развитии донской ВИР, который характеризует усиление профессионализма и привлечение значительно больших материальных и людских ресурсов.

4. Выводы

ВИР в Ростовской области существует уже почти 30 лет. Эти десятилетия показали, что в ее развитии существует немало проблем. Главная из них заключается в стремлении реконструкторов максимально, со всеми деталями соответствовать характеристикам воссоздаваемого ими исторического события. При этом они опираются на исторические источники и исследования, сведения в которых нередко фрагментарны, противоречивы и неполны. Не у всех реконструкторов хватает и соответствующего опыта: они ведь являются практиками, пришедшими из других сфер со своим собственным жизненным и профессиональным багажом. Организаторы фестивалей исторической реконструкции нередко заявляют о следовании высокому формату Living history, но соблюсти его редко удается. Как правило, фестивали ВИР проводятся на средства, выделяемые из бюджета администрациями городов, областей, а также спонсорами. У главных заказчиков свои требования, для них обычно важна зрелищность мероприятия, призванного привлечь максимально возможное количество зрителей, способствовать развитию туризма, снижению затрат за счет самоокупаемости. Поэтому для них не так важна аутентичность, что изначально снижает научно-историческую планку проводимых ВИР. Несмотря на это, ВИР заняла свое место в системе сохранения и трансляции исторической памяти, она гармонично списалась в общий ряд движений, popularизирующих историю.

Зарождение реконструкции в Ростовской области начиналось как хобби для небольшого круга историков-профессионалов и историков-любителей, объединенных общими интересами, но это хобби дало толчок к постепенному развитию патриотизма в обществе, которое переросло в массовое движение по воссозданию наиболее ярких и героических событий, происходивших на Донской земле за ее многовековую историю.

В Ростовской области, одной из первых в России, удалось создать мощное военно-историческое движение, поддерживаемое органами государственной власти, силовыми органами, научными специалистами и широкой общественностью. Это дало резкий толчок к изучению и популяризации истории Донского края и пониманию его роли в жизни Российского государства.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г. «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ госрегистрации АААА-А16-116012610049-3).

Литература

[Архив ДВИМ](http://donskoy-museum.com/meropriyatiya) – Фотоархив Донского военно-исторического музея. URL: <http://donskoy-museum.com/meropriyatiya> (дата обращения: 30.05.2018).

[Афанасенко, 2017](#) – *Афанасенко В.И.* Практика мемориализации военной истории Дона периода Великой Отечественной войны и послевоенных конфликтов: тенденции и формы // *Русская старина*. 2017. № 8 (1). С. 68–78.

[Донской военно-исторический клуб](#) – Донской военно-исторический клуб М.И. Платова. URL: Livinghistory.ru/topic/11592-donskoi-voenno-istoricheskii-klub-miplatova (дата обращения: 12.03.2018).

[Казачий Дон, 2010](#) – *Казачий Дон: пять веков воинской славы*. М.: Яуза, Эксмо, 2010. 416 с.

[Курбат, 2014](#) – *Курбат Т.Г.* «Забытая война» в интерьере «Времен и эпох». Военно-исторический фестиваль: Новая жизнь и исследовательский потенциал // *Русская старина*. 2014. № 2. С. 10–11.

[Медведев, 2017](#) – *Медведев М.В.* Военно-исторические реконструкции в память об освобождении Ростовской области // XIII Ежегодная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Исследования и разработки передовых научных направлений»: тезисы докладов (г. Ростов-на-Дону, 17–27 апреля 2017 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2017. С. 310.

[Оленев, 2018](#) – *Оленев А.М.* Игорь Карасев: Наша военная история начиналась с солдатиков» // *Атамань. Южно-Российский военно-исторический журнал*. 2018. № 1. С. 4–8.

[Посиделов, 2005](#) – *Посиделов В.* Кино о нас и немцах // *Ростов официальный*. 2005. № 19 (546). 11 мая.

[Ратнов, Черноусов](#) – *Ратнов А.С., Черноусов П.И.* Историко-реконструкторское движение в России. URL: [ttp://metalspace.ru/education-career/education/doklady-i-konferentsii/1567-istoriko-rekonstruktorskoe-dvizhenie-v-rossii.html](http://metalspace.ru/education-career/education/doklady-i-konferentsii/1567-istoriko-rekonstruktorskoe-dvizhenie-v-rossii.html) (дата обращения: 30.05.2018).

[Семейный архив Воронина](#) – Семейный архив К.В. Воронина.

[Семейный архив Карасёва](#) – Семейный архив И.В. Карасёва.

[Семейный архив Токмакова](#) – Семейный архив Г.В. Токмакова.

[Семейный архив Щербины](#) – Семейный архив Н.А. Щербины.

References

[Archive DVIM](#) – Fotoarhiv Donskogo voenno-istoricheskogo muzeya [Don military history club photoarchives]. URL: <http://donskoy-museum.com/meropriyatiya> (accessed on: April 7, 2018) [in Russian].

[Afanasenko, 2017](#) – *Afanasenko V.I.* (2017). Praktika memorializacii voennoj istorii Dona perioda Velikoj Otechestvennoj vojny i poslevoennyh konfliktov: tendencii i formy [The practice of the memorialization of the military history of the Don during the Great Patriotic War and post-war conflicts: trends and forms] // *Russkaya starina*. № 8 (1). pp. 68–78 [in Russian]

[Donskoj voenno-istoricheskij klub](#) – Donskoj voenno-istoricheskij klub M.I. Platova [Don military history club of M.I. Platov]. URL: Livinghistory.ru/topic/11592-donskoi-voenno-istoricheskii-klub-miplatova (accessed on: March 12, 2018) [in Russian].

[Kazachij Don, 2010](#) – *Kazachij Don: pyat' vekov voinskoj slavy* [Cossack Don: five centuries of military glory]. Moscow: Yauza, Eksmo. 416 p. [in Russian].

[Kurbat, 2014](#) – *Kurbat T.G.* (2014). “Zabytaya vojna” v inter'ere “Vremen i ehpor”. Voенно-istoricheskij festival': Novaya zhizn' i issledovatel'skij potencial [“Forgotten War” in the interior of “Times and Epochs”. Military-historical festival: New life and research potential] // *Russkaya starina*. № 2. pp. 10–11 [in Russian].

[Medvedev, 2017](#) – *Medvedev M.V.* (2017). Voenno-istoricheskie rekonstrukcii v pamyat' ob osvobozhdenii Rostovskoj oblasti [Military historical reconstructions in memory of the liberation of the Rostov region] // XIII Annual Youth Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists “Research and Development of Advanced Scientific Directions”: abstracts (Rostov-on-Don, April 17–27, 2017). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2017. p. 310 [in Russian]

[Olenev, 2018](#) – *Olenev A.M.* (2018). Igor' Karasev: Nasha voennaya istoriya nachinalas' s soldatikov [Igor Karasev: Our military history began with soldiers] // *Ataman*“. *South-Russian Military History magazine*. № 1. pp. 4–8 [in Russian].

[Posidelov, 2005](#) – *Posidelov V.* (2005). Kino o nas i nemcah [Cinema about us and the Germans] // *Rostov official*. May 11. № 19 (546) [in Russian].

[Ratnov, Chernousov](#) – *Ratnov A.S., Chernousov P.I.* Istoriko-rekonstruktorskoe dvizhenie v Rossii [Historical-reconstructions movement in Russia. URL: <http://metalspace.ru/education-career/education/doklady-i-konferentsii/1567-istoriko-rekonstruktorskoe-dvizhenie-v-rossii.html> (accessed on: March 30, 2018) [in Russian]

[Semejnyj arhiv Voronina](#) – Semejnyj arhiv K.V. Voronina [Family's archive of K.V. Voronin]

[Semejnyj arhiv Karaseva](#) – Semejnyj arhiv I.V. Karaseva [Family's archive of I.V. Karasev]

[Semejnyj arhiv Tokmakova](#) – Semejnyj arhiv G.V. Tokmakova [Family's archive of G.V. Tokmakov]

[Semejnyj arhiv Sherbina](#) – Semejnyj arhiv N.A. Sherbina [Family's archive of N.A. Sherbina]

Зарождение и становление реконструкторского движения на Дону

Константин Владимирович Воронин^{а,*}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. С 1979 года появляется особый вид творческой деятельности людей, увлеченных романтикой средневековых баталий, битв с армией Наполеона Бонапарта, сражений Гражданской и Великой Отечественной войн. Увлечение историческими и военно-историческими реконструкциями, воссоздающими или имитирующими различные сценарии прошлого, зародилось на юге России в 1986 г. С тех пор все больше людей стало вовлекаться в мир ролевых игр разных исторических эпох, участвуя в турнирах, фестивалях или постановках сражений. Повсюду появляются военно-исторические клубы, в которых объединяются любители перевоплощаться в героев разных времен и испытывать себя в боевом ремесле или искусстве боя. Участие в военно-исторических фестивалях позволяет людям на время стать участником знаменательных событий прошлого. Романтика таких мероприятий оценена уже многими тысячами приверженцев. Поэтому в России стремительно растет число военно-исторических фестивалей, среди которых есть реконструкции сражений Отечественной, Первой и Второй мировой войны, средневековых рыцарских турниров. Данная статья посвящена анализу зарождения и становления военно-исторической реконструкции в Ростовской области. В ней также рассматривается положительный процесс развития движения военно-исторической реконструкции, военно-исторических фестивалей и им подобных мероприятий.

Ключевые слова: «Живая история», военно-историческая реконструкция, военно-исторический клуб, военно-исторический фестиваль, Первая мировая война, Гражданская война в России, Вторая мировая война.

* Корреспондирующий автор

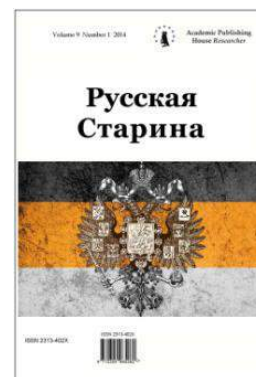
Адрес электронной почты: konst.voronin2012@yandex.ru (К.В. Воронин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 53-64

DOI: 10.13187/rs.2018.1.53
www.ejournal15.com

Portraits

Traditional Folk Culture in the Collecting Activities and Literary Works of Nikolay Ivanovich Bilevich

Varvara E. Dobrovolskaya ^{a, *}

^aThe Russian National House of Folk Art`s and Amateur Creativity of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article deals with activity of Nikolai Ivanovich Bilevich as collector and student of traditional culture. Folk traditions occupied a significant place in his works. He actively used them both in his pedagogical and literary work. At the same time he can be considered as the founder of system of collecting folk material in Kursk province as he created the complex program of “descriptions of Kursk province” on which many local historians worked. His works have an unusually wide scope. They widely represent not only folklore and ethnographic, but also historical and statistical data and arts. Bilevich actively used folklore in his literary work. He reworked folk prose, especially fairy tales and true stories. He could use the folklore plot in his own author's work together with folk motifs and images, often creating an independent author's work on the basis of folklore. At the same time, he used folklore not only at the level of the story and figurative system, but also at the level of detail. Bilevich's works on local history represented the folk tradition of the South of Russia, especially of Kursk region, and at the same time touched other regional traditions. It should be noted that he was one of the few who paid attention to urban folklore tradition. His descriptions of Moscow and Kursk holidays so far have retained their relevance.

Keywords: biography, local history, collecting folklore, folklore and literature, folklorism, literary tale.

1. Введение

Имя Николая Ивановича Билевича обычно связывается с гимназией высших наук князя Безбородко, во время обучения в которой он был соучеником Н.В. Гоголя, Н.В. Кукольника, Е.П. Гребёнки и Н.Я. Прокоповича. Реже вспоминают о том, что он был педагогом Ф.М. Достоевского, когда тот учился в пансионе Л.И. Чермака. Билевич известен и как автор библиографического обзора «Русские писательницы XVIII–XIX вв.» (Билевич, 1847а).

Николай Иванович был знаком с Н.А. Полевым, Н.И. Надеждиным, И.В. и П.В. Киреевскими, встречался с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Н.М. Языковым, посещал литературные вечера М.Н. Загоскина, А.Ф. Вельмана, Ф.Н. Глинки. Нам известны его

* Corresponding author

E-mail addresses: dobrovolska@inbox.ru (V.E. Dobrovolskaya)

переводы для журнала «Телескоп» и несколько сатирических статей, которые в 1832 г. он издал отдельной книгой под заглавием «Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия» (Билевич, 1833). Он опубликовал ряд статей в «Библиотеке для чтения», «Москвитянине», «Московском городском листке» и других изданиях. Во всех словарях он значится как педагог и писатель. И действительно, у него есть не только художественные произведения, но и статьи по педагогике.

Но еще одна сфера интересов Билевича оставалась несколько в стороне от внимания исследователей. Речь идет о его увлечении фольклором. Народные традиции занимали в творчестве Николая Ивановича существенное место. С одной стороны, он активно использовал их в своей педагогической работе и в литературном творчестве. С другой стороны, его можно считать основоположником системного собирания народных традиций в Курской губернии.

2. Материалы и методы

Н.И. Билевич оставил после себя большое литературное наследие. Но, не будучи профессиональным фольклористом и этнографом, Николай Иванович в значительной степени весь собранный материал по народоведческой тематике использовал в своих литературных и публицистических очерках. Его работы имеют необычайно широкую краеведческую проблематику. В них широко представлены не только фольклорно-этнографические, но исторические, искусствоведческие и статистические материалы. Поэтому в нашей работе основным методом исследования является биографический, т.е. исследование субъективной стороны общественной жизни человека, анализ личных документов. Поскольку данная работа в значительной степени имеет историографический характер, то используются методы, общие для всех общественных наук, применяемые с учетом своеобразия и задач историографии, и специфические, свойственные именно историографическому познанию. Основное внимание сосредоточено на использовании **сравнительно-исторического метода**. Он дает возможность изучить историографические факты в их сопоставлении и качественном изменении в процессе развития. Помимо этого, используется метод конкретного анализа, ориентированный на исследование отдельных историографических явлений в тесной связи с исторической обстановкой, с учетом условий их возникновения и взаимовлияния.

3. Обсуждение и результаты

Как учитель словесности Н.И. Билевич обращался в своей работе к фольклору, прежде всего к сказке. Так, в статье «О преподавании русского языка и словесности» он уделил большое внимание месту сказки в системе детского чтения (Билевич, 1846а).

Но наиболее ярко его интерес к народным традициям проявился в книге «Святочные вечера», первое анонимное издание которой появилось в 1836 г. (Святочные вечера, 1836). Книга была встречена благосклонными отзывами В.Г. Белинского и О.И. Сенковского. Сенковский увидел в книге «ум, шутку, проблеск чувства и воображения, что всего лучше, что-то русское, национальное, что-то слышанное вами в народе!», правда не преминул добавить, что нашел в ней «что-то русское — грубое, тяжелое, мужицкое» (Сенковский, 1836: 4–5). Белинскому книга тоже понравилась, и он прямо посоветовал «автору обратить внимание на свой талант». Правда, В.Г. Белинский ошибся, полагая, что «автор, очевидно, не большой грамотей, еще новичок в своем деле; и оттого его язык часто в разладе с правилами, часто в его рассказах встречаются обмолвки против характера простодушия, который он на себя принял; он прикидывается простым человеком, хочет говорить с простыми людьми, и между тем употребляет слова *“фантазия, тени умерших”* и тому подобное. Но, несмотря на все это, какое соединение простодушия и лукавства в его рассказе; какая прекрасная мысль скрывается под этою русско-простонародно-фантастическою формою!» (Белинский, 1836: 304).

Книга эта имеет две части. Первая состоит из «мудрых сказаний» разумной ключницы боярина Растоплюхина Соломонида Патрикеевны, которая названа тетушкой издателя. Вторая часть представляет собой «пересказки» некоего Артамона Фалалеева, который является племянником некоего старосты.

В 1839 г. книга была издана вторично (Билевич, 1839). У нее несколько изменилось название, формат, а главное появились автор и издатель. Авторство «Святочных вечеров» Билевич приписал Николаю Кунацкому, а издателем «выступил» Григорий Рацкий. Первая часть книги называется «Сказки, что рассказывала нам вечерами о святках тетушка Соломанида Патракевна», а вторая – «Росказни старостина племянника Парамона Артамоныча».

Издания отличаются друг от друга по числу текстов и их названиям. Так, в издании 1836 г. во второй части первая сказка называется «Дедова история», а в издании 1839 г. – «Дед Денис Григорьевич». В издании 1836 г. «Юродивый» является четвертым текстом в первой части книги, а в издании 1839 г. – пятым текстом во второй части.

Кроме того, в издании 1839 г. есть предисловие издателя, названное «Преждесловие», в котором рассказывается история автора данной книги. Дядя-издатель Григорий Рацкий сообщает читателям, что он крестьянин «К... губернии», и хотя в Российской империи были и другие губернии, начинавшиеся с буквы К, «ходить из Орла на барках с хлебом в Питер» (Билевич, 1839: III) можно было только из Курской. Таким образом, Билевич сделал автора и издателя уроженцами своей родной Курской губернии.

Надо сказать, что Билевич довольно точен в некоторых деталях. Так, Николай Кунацкий «в праздники, отслушав литургию у Харитония в огородниках» (Билевич, 1839: IV), сидит дома и читает книжки. Единственная в Москве церковь Харитония Исповедника стояла до революции в дворцовой Огородной слободе близ Чистых прудов и часто ее называли «что в Огородной слободе» или «в Огородниках». Кроме дворцовых работников, здесь жили и торговые люди, священники, дворяне, бояре. Надо сказать, что молодой торговец в «овощном ряду» (Билевич, 1839: III) стал прихожанином одной из «аристократических» церквей Москвы. В 1830-е гг. прихожанами этой церкви были семейство писателя А.В. Сухова-Кобылина, А.С. Грибоедов, И.И. Дмитриев, Е.А. Баратынский, П.А. Федотов, в реставрации храма участвовал историк И.Е. Забелин. Прихожанином церкви был и маленький А.С. Пушкин. Это место было значимым для литературной Москвы, и многие прихожане этого храма входили в круг знакомых Николая Ивановича.

Предисловие интересно тем, что в своем рассказе о публикации и сжигании книги Николай зачитывает дяде то, что об этой книге «судят люди грамотные, что журналы сочиняют...» (Билевич, 1839: VII). И дальше почтенный приказчик богатого купца-торговца выслушивает выдержки из рецензий О.И. Сенковского (Сенковский, 1836) и В.Г. Белинского (Белинский, 1836) на первое издание книги (Билевич, 1839: VII–IX, XIV–XVI). Диалог дяди и племянника включает книгу в круг изданий, которых в то время выходило немало. Это «Сказки русские, рассказываемые Иваном Ваненко» (Ваненко, 1838)¹, «Деревенская забавная старушка. По вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки» (Деревенская забавная старушка, 1842), «Краснобай, или Дедушка Тарас рассказывать горазд» (Краснобай, 1844) и т.д. Но главной книгой такого рода были «Русские сказки, из предания народного изустно на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским» (Русские сказки, 1832). Автором этого собрания был В.И. Даль. И хотя тираж книги был практически полностью уничтожен, она пользовалась большой популярностью. И свою книгу Билевич сопроводил посвящением: «Удалому сказочнику казаку Василию Луганскому Николай Кунацкой и Григорий Рацкой своими сказками кланяются». Совершенно очевидно, что данное произведение находится в русле литературных мистификаций, столь популярных в то время.

При анализе текстов становится очевидно, что автор не просто хотел создать вещь, стилизованную под сказку, а очень хорошо знал живую фольклорную традицию. Для него было важно не только симитировать народную манеру речи, а передать особенности фольклорной прозы, ее изложения. Несмотря на то, что тексты не передают диалектных особенностей речи, сюжетный состав во многом близок южнорусской фольклорной традиции.

¹ Автор И.И. Башмаков, известный своим произведением «О солдате Яшке, красной рубашке».

Тексты, вошедшие в данный сборник, по своей жанровой принадлежности не всегда являются сказками. Собственно сказок там всего три: две волшебных и одна бытовая. Казалось бы, жанр сказки требует некоего единообразия в использовании фольклорных элементов. Прежде всего писатель задействует свойственные тому или иному сюжету образы и мотивы, значительно реже сказочную поэтику и обрядовость. Однако Билевич поступил иначе, более того, для каждого сказочного текста он выбрал разные принципы использования фольклорных элементов.

Для первой сказки он выбрал сюжет об Иване царевиче и Кощее Бессмертном. В русской сказочной традиции известно два типа сюжетов о Кощее: это «Смерть Кощея в яйце» (СУС-302₁) и «Смерть Кощея от коня» (СУС-302₂). В зависимости от того, какой тип сюжета реализуется тем или иным сказочником, в текст включаются дополнительные мотивы.

В сюжете «Смерть Кощея в яйце» появляется мотив о помощи благодарных животных (СУС-554), а если реализуется сюжет «Смерть Кощея от коня» – то мотив пастьбы лошадей у Бабы-Яги. И в том, и в другом случае завязкой сказочного действия обычно является мотив «Животные-зятя» (СУС-552А), который необходим для того, чтобы герой выдал своих сестер замуж за животных, а те в свою очередь помогли шурина добыть красавицу жену.

В сказке из книги Билевича вместо животных-зятьев появляются зятя-ветры. Сюжет в русской традиции встречающийся, но обычно зятя являются представителями трех разных стихий: солнца, месяца и ветра. В данном случае это три ветра. После свадьбы сестер герой отправляется путешествовать и подслушивает под дубом разговор трех других ветров о несчастьях, которые те наслали на некие царства. Обычно данный сюжет характерен для другого типа сказок («Правда и Кривда» (СУС-613)), в которых ослепленный брат подслушивает рассказы чертей об их злодействах, а потом ликвидирует эти злодейства и получает награду. Для сказок о Кощее данный сюжет совершенно не свойственен. Однако есть сказки, где именно ветер рассказывает герою о каких-либо событиях, более того, герой идет к ветру, чтобы узнать ответы на интересующие его вопросы. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем соединение сюжетов. Такое бывает и в фольклорной традиции, когда сказочник по какой-либо причине вставляет в текст сказки не свойственный данному сюжету мотив. В устной традиции соединение может быть органичным или механическим, в авторском тексте говорить о механическом соединении не приходится – логика повествования в данном случае не нарушается.

Герой сказки женится на царевне, в отличие от фольклорного сюжета не являющейся богатыршей и живущей в доме ее отца, который в какой-то момент уезжает, и герой во время его отсутствия освобождает Кощея из кипящей смолы¹, а тот, естественно, похищает царевну. Для фольклорной традиции свойственны другие акценты: герой действительно после свадьбы не возвращается к себе, а живет в доме жены. Но отца героини в фольклорных сказках нет, а освобождение Кощея происходит в тот момент, когда Марья Моревна уезжает из дома и оставляет мужа на хозяйстве.

После похищения царевны герой сказки Билевича отправляется на поиски жены, встречается с зятями и идет к Кощею пасти табун его лошадей. Для чего нужна эта работа у Кощея? Для того, чтобы герой мог похитить у злодея свою жену. В традиционных сказках герой это делает без подготовки на местности, просто приезжает и увозит. Но конец и в том, и в другом случае одинаков: Кощей убивает героя, а зятя оживляют его с помощью живой и мертвой воды. После этого герой отправляется пасти лошадей Бабы-Яги, по дороге обеспечив себя животными-помощниками. Он благополучно пасет лошадей, получает в награду чудесного коня о двенадцати крыльях. И по логике народной сказки он должен отправиться к Кощею и с помощью коня его убить – т.е. должен разворачиваться сюжет «Смерть Кощея от коня». У Билевича ничего подобного не происходит.

Герой, получив коня, отправляется на нем за смертью Кощея, которая находится в яйце, яйцо в утке, а вот утка – не в зайце, как положено, а в козе, а коза в сундуке. Герой с помощью животных-помощников добывает яйцо, возвращается к Кощею и после того, как

¹ В традиционных сказках Кощей обычно висит на цепях в самом дальнем чулане, и сердобольный герой поит его водой, от чего тот приобретает силу, освобождается и похищает царевну.

яйцо разбито, Кощей превращается в сухую былинку, которая, вероятно, с течением времени рассыплется в прах. Для фольклорной традиции такой «романтический» конец для Кощей не предусмотрен – он просто рассыпается трухой, прахом, пеплом, костями и т.д.

Билевич прекрасно знал сказочную традицию, легко и просто соединял мотивы разных сказок. В результате такого соединения сюжет оказывается несколько утяжеленным, но в XIX в. и даже в начале XX в. подобных текстов от сказочников из народа записывалось немало. Достаточно вспомнить сказки Ковалева, Господарева, Сороковикова-Магая; анонимные авторы лубочных сказок также любили прибегать к подобного рода соединениям.

Таким образом, данный текст соответствует сказочной традиции. Можно говорить об определенной стилизации под простонародный язык, делающей текст несколько тяжеловатым, но даже в XX в. были сказочники, рассказывавшие сказки именно таким языком, который обычно характеризуется как «оригинальный и своеобразный стиль» (Азадовский, 1832: 191–198). Например, так рассказывал сказки Антон Кошкаров (Антон Чирошник). Другое дело, что в случае с народным сказочником процесс идет в обратном направлении: сказочник старается рассказать сказку «по-городскому», «по-образованному», в то время как Билевич хотел передать именно речь человека из народа, который «обучался грамоте чуть ли не в трех школах» (Билевич, 1839: III).

Иная ситуация со сказкой «От чего живет пословица: “где черт сам не сможет, туда бабу пришлет”», которая относится к сказкам об одураченном черте (СУС-1000–1199). Ее сюжет практически идентичен народным сказкам, в которых черти обязуются построить за одну ночь амбар и за это получить ребенка, но женщина будит петуха и амбар остается недостроенным. В фольклорных сказках обычно отсутствует вопрос о причинах того или иного события, о существовании пословиц и т.д. Безусловно, есть варианты, в которых пословица появляется в качестве заключительной реплики персонажа или финальной формулы. Билевич использовал пословицу как вопрос в начале сказки, ответом на который и стал сказочный текст. Такой прием более типичен для мифологической или легендарной прозы, но и в этом случае пословицы используются нечасто.

Третья сказка называется «Зеленая птица». В русской традиции ничего подобного нет. Это, безусловно, авторская сказка. Скорее можно говорить о том, что на некоторые образы и сюжетные ходы этого произведения оказал влияние фольклор Западной Европы, прежде всего сказки братьев Гримм, и, возможно, сказки Гофмана. Нужно отметить влияние на текст Билевича образов русских романтических повестей, прежде всего такой, как «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского. Однако говорить о таком сходстве приходится только на уровне отдельных образов или мотивов. Так, превращение молодых людей в птиц есть у братьев Гримм, но там подобное происходит в рамках сюжета «Дети у ведьмы». У Билевича же ситуация совершенно другая. Бабушка и Зеленая птица вроде бы одно и то же существо, но в некоторых случаях они могут существовать параллельно, и тогда Зеленая птица выступает как ее орнитоморфный двойник. Когда Сеня, выбросив клетку с птицей в болото, возвращается домой, Зеленая птица оказывается на месте, и герой вынужден бежать за клеткой на болото, где происходит магическое превращение и юноша становится другой зеленой птицей. Затем в птицу превращается и Лиза. При этом бабушка героини знает, что принесенные ей с болота зеленые птицы – это Лиза и Сеня, но старушка-молочница не стремится вернуть им прежний облик. Таким образом, в данной ситуации сказка Билевича скорее должна рассматриваться как волшебная авторская повесть, а не как сказка.

Таким образом, автор по-разному обращается с фольклорным материалом. В первом случае мы можем говорить об обработке фольклорной сказки, во втором – об использовании фольклорного сюжета и определенной авторской работе с фольклорными мотивами и образами, и, наконец, в третьем случае речь идет о самостоятельном авторском произведении, написанном в жанре волшебной повести.

Остальные тексты в сборнике сказками не являются. В большинстве своем это былички. Они представляют собой развернутые и свидетельствующие о прекрасном знании традиции тексты. Так, например, в «Папоротнике» колдунья Акулина не просто рассказывает о том, что с помощью цветка папоротника можно найти клад, но и о том, кто этот клад охраняет и что нужно делать, чтобы преодолеть испытания. Пытаясь достать

цветок, герой сталкивается с непонятными «рожами», курицей «ростом с лошадь, перья у курицы такие и сякие, а мохор, что твоя шапка, так и сидит на голове», каретой, «из золота, колеса и оси серебряные», запряженной гусьями и форейтором индюком, размером «с доброго теленка, да еще с усами», с ослом «в кафтане, и шляпа набекрень», сидящем верхом на баране и т.д. Т.е., перечисляются образы, которые может принимать нечистая сила, охраняющая папоротник. Когда же герой нарушает запрет и заговаривает с незнакомой красавицей, то все золото, которое он добыл, превращается в черепки, кирпичи и камешки, что также свойственно народной традиции. Тема клада реализуется в другом тексте, где кузнец Федор Петрович ищет клад на Петров день. Клад охраняют черти, и хотя герой вроде бы их обманывает и даже в определенный момент ездит на черте, однако и в этом случае клад превращается в черепки и кости.

В рассказе «Белые колпаки» Билевич разрабатывал мотивы оборотничества, как добровольного, так и вынужденного. Ведьма Аграфена Ферапонтова превращается в белую свинью и уводит Федора Ивановича с дороги, черти принимают разные облики, а затем самого Федора Ивановича Аграфена Ферапонтова обращает в лошадь и ездит на нем. В фольклорной традиции свинья – один из излюбленных обликов ведьмы. Именно в образе огромной белой или черной свиньи она преследует свою жертву. Ведьмы в быличках и сказках обычно превращают мужчин в коня и ездят на нем на шабаш.

В тексте «Дед» используется другой сюжет быличек – «чертова свадьба», участником которой по той или иной причине оказывается человек. В данном случае Денис Григорьевич становится участником праздника нечистой силы, а утром чудесным образом просыпается у себя дома.

Блестящее знание мифологической прозы позволило Н.И. Билевичу создать тексты, необычайно близкие по форме к быличкам. Он использовал не только традиционные фольклорные сюжеты и образы. Автор прекрасно знал жанровую специфику мифологических рассказов, которым свойственна опора на личный опыт рассказчика, установка на достоверность повествования и кодификация бытового поведения. Все эти тексты являются историями из жизни близких знакомых либо тетушки Соломонида Патрикеевны, либо Парамона Артамоновича. Героями историй становятся обычные люди, если и незнакомые рассказчику, то хорошо известные его друзьям и знакомым.

Наконец, еще три текста являются притчами. Но и в них активно используются фольклорные образы низшей демонологии. Так, в рассказе «Чудесная встреча» мертвец сообщает Федору Макарычу три сна (о жизни до смерти, о суде людей об умершем и о суете людской), которые должны повлиять на его жизнь. В «Савве Мироныче» появляется двойник героя и реализуется мотив домового, который похож на хозяина. В «Юродивом» представлен рассказ о пророчествах, различных видениях и т.д. Эти тексты также свидетельствуют о знании Билевичем фольклорной традиции и умелом ее применении в литературном творчестве.

Надо отметить, что в «Святочных вечерах» Н.И. Билевич использовал фольклор не только на уровне сюжетной и образной системы, но и на уровне деталей. Так, в текстах много пословиц, поговорок, присловий, герои гадают – и это не просто упоминание о гадании, но и этнографическое описание гадания (например, подробное описание гадания с яйцом – как наливают воду, как выливают в эту воду разбитое яйцо и т.д.).

С одной стороны, «Святочные вечера» находятся в контексте русской романтической фантастической повести. К моменту их выхода в свет (1836, 1839) уже опубликованы и широко известны и «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского (1828), и «Перстень» Е. Баратынского (1831). Но, несмотря на то, что в романтических повестях много фольклорных аллюзий, это все-таки произведения, отличающиеся определенной возвышенностью и изысканностью. Действия обычно происходят в дворянском обществе, где подразумевается, что люди тонко чувствуют, понимают прекрасное и т.д. «Святые вечера» – это нечто иное. Это «поклон» не только Далю с его Казаком Луганским, но и Гоголю. К моменту публикации «Святочных рассказов» уже вышли гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» и, конечно, Билевич был знаком с этим произведением. По сюжетному составу, манере изложения и по тому, что написаны «Святые вечера» Николаем Кунацким, а «Вечера на хуторе» – пасечником Панько Рудым, можно говорить о том, что повесть Н.В. Гоголя оказала на Билевича определенное влияние. У Билевича, как

и у Гоголя, персонажи народной демонологии очень легко и непринужденно вписаны в повседневный быт. Но, в отличие от Гоголя, он испытывал заметную затрудненность в передаче «простонародного» языкового колорита. Подделка под язык простолюдина у него очень хорошо видна. Бесспорным достоинством «Святочных вечеров» является прекрасное знание фольклорных и этнографических реалий. Фантастика у Билевича этнографически достоверна. Можно с уверенностью говорить о том, что он знал принципы функционирования фольклорной прозы.

В «Святочных вечерах» Билевич тем или иным образом использовал фольклорные тексты. Но увлечение фольклором проявилось и в том, что он обратился к проблемам его собирания и изучения. Вряд ли можно говорить о том, что Николай Иванович был ученым-собирателем фольклора, но, живя в Москве, он интересовался историей города, и в печати появлялись его работы краеведческого характера. Наиболее показательна в этом отношении статья, вышедшая в журнале «Москвитянин» и посвященная истории Петровского-Разумовского (Билевич, 1846б). Билевич не только описал достопримечательности подмосковной усадьбы, но и дал подробную детализированную картину гуляния «чистой публики» на Петров день, привел топонимические предания о названии места, появлении второй части названия и т.д.

Помимо краеведческих заметок, за время жизни в Москве Н.И. Билевич опубликовал несколько сказок, одна из которых представляет собой текст из Курской губернии (Билевич, 1847б). Эта сказка, скорее всего, услышана им в Курской губернии. Он записал ее по памяти, а не в момент исполнения, поэтому назвать текст аутентичной записью нельзя, более того – сказка подверглась литературной обработке, но данный текст, безусловно, характеризует особенности сказочного репертуара курского региона. В «Московских ведомостях» он опубликовал статью о курской Коренной ярмарке, в которой привел легенду об обретении иконы, источнике и строительстве Коренной Пустыни.

Но основная деятельность Николая Ивановича как фольклориста началась в 1853 г. В это время он вышел в отставку и поселился в Курске, где был утвержден в звании члена-производителя работ курского губернского статистического комитета с назначением заведующим комитетом. Губернские статистические комитеты были ведущими органами комплексного краеведения в российской провинции. Надо отметить, что в Курске с 1830-х гг. краеведение было развито хорошо. Заслуга в этом принадлежала военному губернатору города Курска и курскому гражданскому губернатору М.Н. Муравьеву. При нем в городе сложился кружок людей, интересовавшихся историей родного региона (Шавелев, 1997). По инициативе губернатора были составлены описания Курской губернии в ботаническом и геологическом отношении, началась публикация метеорологических наблюдений, был составлен исторический и географический путеводитель по Курской губернии (Раздорский, 2010). Однако после того, как М.Н. Муравьев покинул Курск, краеведческая деятельность практически сошла на нет, и лишь с появлением в городе Н.И. Билевича работа возобновилась.

И связано начало этой деятельности с проектом первой памятной книжки Курской губернии. Реализация этого проекта была возложена на Николая Ивановича, который в 1854 г. составил комплексную программу «Описания Курской губернии», по которой и работали многие местные краеведы.

16 апреля 1855 г. на заседании губернского статистического комитета Билевич предложил программу подготовки памятной книжки. Члены комитета приняли решение просить курского губернатора И. Д. Лужина оказать содействие в ее издании. Изначальный вариант структуры памятной книжки, предложенный Билевичем, включал восемь разделов. Помимо «Современной статистики губернии», «Биографии известных уроженцев губернии», полного адрес-календаря и «Местных замечаний», в издание были включены разделы, непосредственно связанные с краеведением: «Историческое обозрение города Курска и Курской губернии», «Указатель примечательных древностей г. Курска и некоторых мест в губернии», «Монастыри, пустыни и церкви» и «Предметы, заслуживающие особого внимания в губернии». Безусловно, после рассмотрения программы в Министерстве внутренних дел в структуру был внесен ряд изменений, но в основном он касался частных проблем (Раздорский, 2009). И Николай Иванович начал работу по сбору материала. Им было предложено вести сбор справочных сведений через рассылку циркулярных

запросов различным должностным лицам и присутственным местам губернии. Подобный метод использовался фольклористами часто, но системная рассылка вопросов программы, судя по всему, впервые была осуществлена именно в Курске. Подобная практика не принесла существенных результатов, так как многие не понимали сути запросов и либо вовсе не предоставляли информации, либо отделялись отписками, но, тем не менее, определенные сведения были получены.

В конце 1856 г. Билевичем была представлена ориентировочная смета расходов на издание памятной книжки. Казалось бы, она должна была выйти уже в 1857 г., но работа приостановилась. Причиной этой остановки стало здоровье Николая Ивановича. Он начал стремительно терять зрение, был вынужден оставить свою должность и существенно сократить работу в статистическом комитете в целом. За ним было оставлено наблюдение за работами, прежде всего по обработке «монографических трудов и по собиранию материалов для издания будущих памятных книжек» (Билевич Николай Иванович, 1908). Билевич не оставил работу по изданию памятной книжки и даже писал губернатору Н.П. Бибикову прошение о внесении в книжку новых данных, и издании ее в 1858 г. (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24: 45–45 об.). В личном письме, приложенном к рапорту, он писал о своем плохом здоровье: «...почту себя счастливым, если я когда-нибудь могу пригодиться на дело общей пользы, оставшись с неиспорченным еще зрением в правом глазе, потому что левый у меня уже едва видит и вообще при моем незавидном здоровье, страдая давнею хроническою болезнью, более 8 лет» (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24: 44–44а.).

Памятная книжка вышла только в 1860 г., но редактором и корректором данного издания стал уже И.И. Белядовский¹. Причиной этого была практически полная слепота Билевича. Он не дождался выхода памятной книжки, о которой так хлопотал, она появилась в конце года, а Николай Иванович после длительной болезни умер в своем имении в селе Патепке Щигровского уезда 15 (27) июля 1860 г.

4. Заключение

Безусловно, Николай Иванович Билевич является преимущественно историком русской культуры, автором библиографического труда «Русские писательницы XVIII–XIX вв.», сказочных повестей и литературных сказок, небольших физиологических очерков о городской жизни и статей о достопримечательностях. Творчество Николая Ивановича подтверждает значительную роль художественной литературы в становлении региональной историографии (Добровольская, 2014; Добровольская, Иванова, 2016). Но прозаик и педагог оказался очень внимательным и скрупулезным собирателем фольклорно-этнографического материала. Его краеведческие статьи представляют фольклорную традицию юга России, прежде всего современной Курской области, в то же время затрагивают и другие региональные традиции. Надо отметить, что Николай Иванович был одним из немногих, кто обратил внимание на фольклорную традицию города. Его описания московских праздников до настоящего времени сохранили свою актуальность.

Нельзя не сказать и о его работах в сфере курского краеведения. До настоящего времени его статья о курской Коренной ярмарке является эталонной. Составленная им комплексная программа «Описания Курской губернии» не потеряла своей актуальности и в настоящее время. До Революции 1917 г. по ней работали многие курские краеведы, но и сейчас многие разделы этой программы являются серьезной поддержкой в краеведческой работе.

Литература

Азадовский, 1932 – Азадовский М.К. Сказки А.К. Кошкарова (Антон Чирошник) // Русская сказка. Избранные мастера. Л.: Academia. 1932. Т. 2. С. 191–198.

¹ Исследователями ошибочно считается, что И.И. Белядовский – первый исследователь курской Коренной ярмарки. Однако его статья «Коренная ярмарка в 1863 году» появилась только в 1866 г. во втором выпуске «Трудов Курского статистического комитета», в то время как статья Билевича вышла уже в 1854 г. (см. выше). Надо отметить, что Билевич опередил не только своего коллегу по статистическому комитету, но и других авторов, таких как И.С. Аксаков и В.П. Безобразова (Аксаков, 1858; Безобразов, 1864).

- Аксаков, 1858** – Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1858. 383 с.
- Безобразов, 1864** – Безобразов В.П. Из путевых записок. О Коренной ярмарке и Коренной Пустыни // *Русский вестник*. 1864. Т. 51. № 6. С. 606–666.
- Белинский, 1836** – Белинский В.Г. Святочные вечера, или рассказы моей тетушки // *Молва*. 1836. Т. XIII. № 11. С. 300–310.
- Билевич, 1833** – Билевич Н.И. Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия. М.: Типография Лазаревых Института восточных языков, 1833. В 2 ч. Ч. 1. 144 с. Ч. 2. 114 с.
- Билевич, 1839** – Билевич Н.И. Святочные вечера. Написаны Николаем Кунацким. Изданы дядею его Григорием Рацким. СПб.: Типография Е. Фишера, 1839. IV, 162 с.
- Билевич, 1846а** – Билевич Н.И. О преподавании русского языка и словесности // Библиотека для воспитания. Отделение второе. Год второй. 1846. Ч.3. С. 47–83.
- Билевич, 1846б** – Билевич Н.И. Об историческом значении Петровского-Разумовского // *Москвитянин*. 1846. № 8. С. 12–22 (смесь).
- Билевич, 1847а** – Билевич Н.И. Русские писательницы XIX века. Период пушкинский. М.: [б.и.], 1847. 80 с.
- Билевич, 1847б** – Билевич Н. Сказка об Иване-богатыре // *Московский городской листок*. 1847. 15 июля. №153. С. 613–614; 16 июля. № 154. С. 616–618; 17 июля. №155. С. 621–622.
- Билевич Николай Иванович, 1908** – Билевич Николай Иванович // *Русский биографический словарь*: в 25 т. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1908. Т. 3. Бетанкур – Бякстер. 701 с.
- Ваненко, 1838** – Ваненко И. Сказки русские, рассказываемые Иваном Ваненко. М.: Типография Н. Степанова, 1838. 265 с.
- ГАКО** – Государственный архив Курской области.
- Деревенская забавная старушка, 1842** – Деревенская забавная старушка. По вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки. М.: Типография Смирнова, 1842. 292 с.
- Добровольская, 2014** – Добровольская В.Е. Николай Иванович Билевич: фольклор в литературном творчестве и собирательской деятельности // *Авторские миры в художественном тексте XIX–XX веков: Материалы международной научной конференции (г. Курск, 28–30 июня 2013 г.)*. Курск: КГУ, 2014. С. 213–224.
- Добровольская, Иванова, 2016** – Добровольская В.Е., Иванова Т.Г. Билевич Николай Иванович // *Русские фольклористы. Библиографический словарь XVIII–XIX вв.* В 5 т. Т. 1: А–Г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 355–358.
- Краснобай, 1844** – Краснобай, или Дедушка Тарас рассказывать горазд. СПб.: Типография губернского правления, 1844. 147 с.
- Раздорский, 2009** – Раздорский А.И. Памятные книжки Курской губернии (Историко-библиографический обзор) // *События и люди в документах курских архивов*. Курск: ЮМЭКС, 2009. Вып. 7. С. 81–104.
- Раздорский, 2010** – Раздорский А.И. Программа по становлению историко-статистического описания церквей и монастырей Курской епархии в 1830-е гг. // *Болховітінівський щорічник 2009*. Київ, 2010. С. 114–119.
- Русские сказки, 1832** – Русские сказки, из предания народного изустно на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. СПб., 1832: Типография А. Плюшара, 201 с.
- Святочные вечера, 1836** – Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки. М.: Типография М. Пономарева, 1836. Кн. 1–2.
- Сенковский, 1836** – Сенковский О.И. Литературная летопись. Святочные вечера, или рассказы моей тетушки // Библиотека для чтения. 1836. Т. XVI. С. 45–46.
- СУС** – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 437 с.
- Щавелев, 1997** – Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск: Издательство Курского

государственного медицинского университета, 1997. Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е гг. 140 с.

References

- [Azadovskii, 1932](#) – *Azadovskii M.K.* (1932) Skazki A.K. Koshkarova (Anton Chiroshnik) [Tales of A.K. Koshkarova (Anton Chiroshnik)] // *Russkaya skazka. Izbrannye мастера* [Russian fairy tale. Selected masters]. Leningrad: Academia. Vol. 2. pp. 191–198 [in Russian].
- [Aksakov, 1858](#) – *Aksakov I.S.* (1858) Issledovanie o torgovle na ukrainskikh yarmarkakh [A study on trade at Ukrainian fairs]. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. 383 p. [in Russian].
- [Bezobrazov, 1864](#) – *Bezobrazov V.P.* (1864) Iz putevykh zapisok. O Korennoi yarmarke i Korennoi Pustyni [From travel notes. On the Root Fair and the Root Hermitage] // *Russkii vestnik*. Vol. 51. № 6. pp. 606–666 [in Russian].
- [Belinskii, 1836](#) – *Belinskii V.G.* (1836) Svyatochnye vechera, ili rasskazy moei tetushki [Hymnal evenings, or stories of my aunt] // *Molva*. Vol. III. № 11. pp. 300–310 [in Russian].
- [Bilevich, 1833](#) – *Bilevich N.I.* (1833) Kartinnaya galereya svetskoi zhizni, ili Nравy XIX stoletiya [Picture gallery of secular life, or Manners of XIX century]. Moscow: Typography of Lasarevs of the Institute of Foreign Languages. In 2 parts. Part 1. 144 p. Part 2. 114 p. [in Russian].
- [Bilevich, 1839](#) – *Bilevich N.I.* (1839) Svyatochnye vechera. Napisany Nikolaem Kunatskim. Izdany dyadeyu ego Grigoriem Ratskim [Christmas Eve. Written by Nikolai Kunatsky. Published by his uncle Grigory Ratsky]. St. Petersburg: Typography of E. Fisher. IV, 162 p. [in Russian].
- [Bilevich, 1846a](#) – *Bilevich N.I.* (1846) O prepodavanii russkogo yazyka i slovesnosti [On the teaching of the Russian language and literature] // *Biblioteka dlya vospitaniya*. Part second. Second year. 1846. Part. 3. pp. 47–83 [in Russian].
- [Bilevich, 1846b](#) – *Bilevich N.I.* (1846) Ob istoricheskom znachenii Petrovskogo-Razumovskogo [On the historical significance of Petrovsky-Razumovsky] // *Moskvityanin*. 1846. № 8. pp. 12–22 [in Russian].
- [Bilevich, 1847a](#) – *Bilevich N.I.* (1847) Russkie pisatel'nitsy XIX veka. Period pushkinskii [Russian pen women of the XIX century. The Pushkin period]. Moscow: [s.n.]. 80 p. [in Russian].
- [Bilevich, 1847b](#) – *Bilevich N.* (1847) Skazka ob Ivane-bogatyre [The Tale of Ivan the Bogatyr] // *Moskovskii gorodskoi listok*. July 15. № 153. pp. 613–614; July 16. № 154. pp. 616–618; July 17. № 155. pp. 621–622 [in Russian].
- [Bilevich Nikolai Ivanovich, 1908](#) – Bilevich Nikolai Ivanovich [Bilevich Nikolai Ivanovich] // *Russkii biograficheskii slovar': v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: in 25 vol.]. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorohodov, 1908. Vol. 3. Betankur – Byakster. 701 p. [in Russian].
- [Vanenko, 1838](#) – *Vanenko I.* (1838) Skazki russkie, rasskazyvaemye Ivanom Vanenko [Tales of the Russians, told by Ivan Vanenko]. Moscow: Typography of N. Stepanov. 265 p. [in Russian].
- [GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti](#) [State Archive of the Kursk Region].
- [Derevenskaya zabavnaya starushka, 1842](#) – *Derevenskaya zabavnaya starushka, po vecheram rasskazyvayushchaya prostonarodnye veselye skazochki* [Country funny old woman, telling in the evenings simple folk tales]. Moscow: Typography of Smirnov, 1842. 292 p. [in Russian].
- [Dobrovol'skaya, 2014](#) – *Dobrovol'skaya V.E.* (2014) Nikolai Ivanovich Bilevich: fol'klor v literaturnom tvorchestve i sobiratel'skoi deyatelnosti [Nikolai Ivanovich Bilevich: folklore in literary creation and collecting activity] // *Avtorskie miry v khudozhestvennom tekste XIX–XX vekov: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kursk, 28-30 iyunya 2013)* [Author's worlds in the artistic text of the XIX–XX centuries: Proceedings of the international scientific conference (Kursk, June 28–30, 2013)]. Kursk: KGU. pp. 213–224 [in Russian].
- [Dobrovol'skaya, Ivanova, 2016](#) – *Dobrovol'skaya V.E., Ivanova T.G.* (2016) Bilevich Nikolai Ivanovich [Bilevich Nikolai Ivanovich] // *Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar' XVIII–XIX vv.* [Russian folklorists. Biobibliographic Dictionary of XVIII–XIX centuries]. In 5 volumes. Vol. 1: A–G. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. pp. 355–358 [in Russian].
- [Krasnobai, 1844](#) – *Krasnobai, ili Dedushka Taras rasskazyvat' gorazd* [Great teller, or Grandpa Taras is eager to tell]. St. Petersburg: Typography of provincial government, 1844. 147 p. [in Russian].

[Razdorskii, 2009](#) – *Razdorskii A.I.* (2009) Pamyatnye knizhki Kurskoi gubernii (Istoriko-bibliograficheskii obzor) [Commemorative books of the Kursk province (Historical and bibliographic review)] // *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov* [Events and people in the documents of Kursk archives]. Kursk: YuMEKS. Is. 7. pp. 81–104 [in Russian].

[Razdorskii, 2010](#) – *Razdorskii A.I.* (2010) Programma po stanovleniyu istoriko-statisticheskogo opisaniya tserkvei i monastyrei Kurskoi eparkhii v 1830-e gg. [The program for the development of a historical and statistical description of the churches and monasteries of the Kursk diocese in the 1830s.] // *Bolkhovitinov'skiy shchorichnyk*. Kiiv. pp. 114–119 [in Russian].

[Russkie skazki, 1832](#) – *Russkie skazki, iz predaniya narodnogo izustno na gramotu grazhdanskuyu perelozhennye, k bytu zHITEISKOMU prinarovlennye i pogovorkami khodyachimi razukrashennye Kazakom Vladimirom Luganskim* [Russian fairy tales, from the people tradition, are literally translated into civilian for civilian life, adapted by the way of everyday life, adorned with proverbial covenants by Cossack Vladimir Lugansky]. St. Petersburg: Typography of Plushar, 1832. 201 p. [in Russian].

[Svyatochnye vechera, 1836](#) – *Svyatochnye vechera, ili Rasskazy moei tetushki* [Hymnal evenings, or Stories of my aunt]. Moscow: Typography of M. Ponomarev, 1836. Book 1–2 [in Russian].

[Senkovskii, 1836](#) – *Senkovskii O.I.* (1836) Literaturnaya letopis'. Svyatochnye vechera, ili rasskazy moei tetushki [Literary annals. Hymnal evenings, or my aunt's stories] // *Biblioteka dlya chteniya*. 1836. Vol. XVI. pp. 45–46 [in Russian]

[SUS – Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka](#) [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad: Nauka. Leningrad Department, 1979. 437 p [in Russian]

[Shchhavelev, 1997](#) – *Shchhavelev S.P.* (1997). Pervootkryvateli kurskikh drevnostei: Ocherki istorii arkhologicheskogo izucheniya yuzhnorusskogo kraja [Discoverers of Kursk antiquities: Essays on the history of archaeological study of the South Russian region]. Kursk: Publishing house of the Kursk State Medical University. Issue 2: “Zolotoi vek” gubernskogo kraevedeniya: 1860–1910-e gg. [“Golden Age” in provincial studies of local lore: 1860–1910-ies]. 140 p. [in Russian]

Народная культура в собирательской деятельности и литературном творчестве Николая Ивановича Билевича

Варвара Евгеньевна Добровольская^{а,*}

^а Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова Министерства культуры Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности Николая Ивановича Билевича по собиранию и изучению традиционной культуры. Народные традиции занимали в творчестве Николая Ивановича существенное место. Он активно использовал их и в своей педагогической работе, и в литературном творчестве. В то же время его можно считать основоположником системного собирания народных традиций в Курской губернии, поскольку именно он составил комплексную программу «Описания Курской губернии», по которой и работали многие местные краеведы. Его работы имеют необычайно широкую краеведческую проблематику. В них широко представлены не только фольклорно-этнографические, но и исторические, искусствоведческие и статистические материалы. Н.И. Билевич активно использовал фольклор в своем литературном творчестве. Автор легко и свободно обращается с фольклорным материалом. В произведениях встречаются обработки фольклорной прозы, прежде всего сказок и быличек. Он может использовать фольклорный сюжет в авторской работе с фольклорными мотивами и образами, зачастую создавая на фольклорной основе самостоятельное авторское произведение. В то же время он использует фольклор не только на уровне сюжетной и образной системы, но и на уровне

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: dobrovolska@inbox.ru (В.Е. Добровольская)

деталей. Краеведческие статьи Н.И. Билевича представляют фольклорную традицию юга России, прежде всего современной Курской области, а также затрагивают и другие региональные традиции. Надо отметить, что он был одним из немногих, кто обратил внимание на фольклорную традицию города. Его описания московских и курских праздников до настоящего времени сохранили свою актуальность.

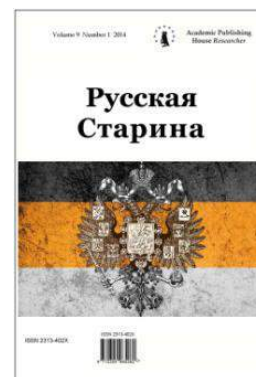
Ключевые слова: биография, краеведение, собрание фольклора, фольклор и литература, фольклоризм, литературная сказка.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2018, 9(1): 65-80

DOI: 10.13187/rs.2018.1.65
www.ejournal15.com

Articles and Statements

The House of Living – the House of the Dead. “Transitional” Status of Dwelling in Slavic Funeral and Remembrance Rites

Maria A. Andrunina ^{a, *}

^a Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Semantic and mythological opposition between the place of living and the place of dead is not final and definite in folk worldview reflected in the cycle of funeral and remembrance rites and corresponding beliefs, as shows the following article. The worlds of spirits and alive connect, separate, they come toward each other, depart and cross in different ritual and calendar times. The omens of death show how otherworld comes forward and breaks the safe boundaries of house, causing death in it, really destroying its limits as the customs of making apertures in roofs, ceilings, and walls take place to facilitate the agony. From this period, house became the habitual place of the death incarnated (corpse) and haunted by the loose human soul never departing for long from its forlorn body. The normal place turns into the house of the dead, the house in the hedge between two worlds — terrains of life and death, the notion is highly commonly reflected in number of omens, taboos and customs. For instance, in the house there death occurred is forbidden to close the doors and windows for the soul to come and go, to cook and clean because the soul could be in oven or in trash, to close the mirrors is recommended to prevent the soul to inhabit them, food and water are placed in special places for the spirit, different kinds of activities are forbidden, the house is marked from outside and neighbors are using apotropaic magic to avoid the contagious influence of the death etc. With time, when the funeral is over and the rites of individual remembrance cycle are gradually take place, the soul stops visiting its home, death is banished from it, its boundaries again turn strong and safe, taboos are lifted, the worlds of living and the dead are separated again. Nevertheless, this period of crossing of the worlds is not the only. During the inhumation the new living place for dead is created in cemetery making it symbolically closer to house. In spring, in Easter period, spirits of the ancestors use to return and live in their houses, there special customs and taboos are again held and domains of living and the dead are again close. The same happens then masses of people visit graves in spring and perform there the same remembrance practices as in home usually take place.

Keywords: ethnolinguistic, funeral, remembrance, house, cemetery, soul, death, omen, taboo, mythology, traditional worldview.

* Corresponding author
E-mail address: mary-andr@mail.ru (M.A. Andrunina)

1. Введение

Семантическая и мифологическая оппозиция между домом живых и домом мертвых, домом и гробом часто привлекала к себе внимание исследователей погребальной обрядности (Седакова, 2004: 139; Невская, 1979: 92–95; Невская, 1982: 106–120). Однако в данной работе нам хотелось бы сделать акцент на неоднозначности противопоставления мира живых и мертвых в похоронной обрядности, на неустойчивости их позиций на символической шкале между человеческим и потусторонним мирами в традиционной культуре, как следствие, на феномене «сдвигания» дома в комплексе погребальной обрядности то к одной, то к другой крайней точке этой воображаемой шкалы.

2. Материалы и методы

Для исследования данного фрагмента культуры избран материал украинской, белорусской, западнорусской и польской традиций, а говоря конкретнее, Полесье с прилегающими территориями – регион, лежащий на стыке восточно- и западнславянского ареалов. В качестве сравнительного материала привлекались данные из других местностей. В статье исследуется локативный код погребальной и поминальной обрядности, являющийся одним из важнейших этнолингвистических показателей для реконструкции мифологической картины мира традиционной славянской культуры.

3. Обсуждение и результаты

Дом — локус живых. Как уже не раз доказывалось, в культуре дом осмысливается как центр всего мира, сосредоточение витальной силы, достатка, безопасности; как жилое, освоенное, свое, замкнутое пространство, которое с помощью ритуалов следует охранять от вторжения внешних вредоносных, демонических сил, и особенно смерти. Смерть же, согласно мифологическим представлениям, не является естественным событием, а становится результатом воздействия на человека некой силы, пришедшей в домашнее пространство извне, выбравшей и поразившей свою жертву (см.: Иванов, Топоров, 1965; Frazer, 1913; Седакова, 2004).

Приближение смерти к жилищу. Локативный анализ примет смерти подтверждает, что в традиционной культуре она воспринималась как распад границы, отделяющей «свое» пространство от «чужого», проникновение извне вовнутрь, как нарушение естественного разделения мира жизни и мира смерти. Например, смерть предвещает сон о воре, влетающем в дом через окно (пол. кашуб.) (Sychta. T. 5, 1972: 110).

За предвестие смерти человека принимали появление и особое поведение возле дома некоторых птиц и животных, причем, чем ближе к жилью наблюдали примету, тем более зловещее значение ей приписывали: «Ворон каркает на церкви – к покойнику на селе; каркает на избе – к покойнику во дворе», «Через который двор ворон перелетел каркая, там будет покойник» (рус.) (Русские пословицы и поговорки, 1988: 401); ворон садится на трубу – к смерти (рус., ярослав.) (Гура, 1995: 436).

Согласно распространенным поверьям, смерть по ночам подходит к дому, стучит в двери, порог, заглядывает в окно: «Смерть можно и на улице побачить. Я сама очиняю окно у три часа ночи, и бачу я – такая тень высокая, белая <...> через день женьщина попала под трактор, насмерть» (Полесский архив: Барбаров, Мозырский район, Гомельская область); «Колі чу́ла: но́чью бух! – бух! – бо дрова́ скидае – и пра́ўда, ўме́р за ты́ ждeнь чоловiк» (Полесский архив: Лельчицкий район, Гомельская область). Смерть приходит три вечера подряд, каждый раз стучит в окно или в дверь и таким образом дает знать о чьей-либо грядущей кончине (пол.); кружит по подворью, ждет, чтобы ее позвали, чтобы отнять жизнь у больного (пол.) (Biegeleisen, 1930: 2); любой стук в окно или в дверь предвещает смерть больному, находящемуся в доме; если ночью нечто трижды ударит в порог или дверь – кто-то умрет (пол.) (Fischer, 1921: 43–44). Подобные представления существовали в Полесье и на Украине – там верили, что в доме будет покойник, если кто-то ночью зовет за окном, открывает двери, стучит снаружи в окно, в покутную стену (Конобродська, 2007: 51): «Штоночы стучыць то ў вугал, а то й у вакно. Это смерць» (полес. брест.) (Традыцыйная мастацкая культура беларусаў, 2008: 396). В Заонежье падение и поломка в сенях коромысла считались дурным знаком (Логинов, 1993: 113); когда падала метла, стоящая

возле порога, поляки говорили, что «śmierć przez próg przechodzi» [смерть переходит через порог] (Biegeleisen, 1929: 138). Хуже всего оценивались события, происходившие в самом доме: стуки, падение икон и пр., а влетевшая же в дом птица считалась самым дурным предзнаменованием: «Птичка заляти ть – и чэлаве к умрэ ть» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область).

Птицы во многих случаях воспринимались как вестники смерти; часто как дурное предзнаменование толковалось появление возле дома именно их *лесных* видов (кукушка, сова, филин, удод, дятел и пр.), обитателей чужого, нежилого, нечеловеческого пространства, иногда осмысляемого как потусторонний мир. «Гóлубь лясны й, не дворóвый, лятáе, кадá, смерть чуя» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область); «Як сова ў лётку коло хўтора (или возле дома) крычы т – на покóйника» (Полесский архив: Журба, Овручский район, Житомирская область); «Удэ д, як ин жэ явяле прóти мэртвеца. И дятёў дóўбицца пэ́ ред мэртвецóм» (Полесский архив: Вышевичи, Радомышльский район, Житомирская область); «Де вéلمي кукуе кукушка, там у том дóме бóдзе мрэц» (Полесский архив: Туховичи, Ляховичский район, Брестская область). В Заонежье верили, что присутствие сороки, совы или филина в деревне предвещает смерть (Логинов, 1993: 111); в Польше думали, что покойника предсказывает крик сороки перед окном дома или на заборе; сова, сидящая рядом с домом, ее крики на крыше, трубе или под окнами (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 43, 34, mapa 9, 13).

Повсеместно вой собаки перед порогом и окнами предвещал кончину одного из домочадцев; о том же говорили выкопанные собакой или кротом ямы в упомянутых локусах. В Польше верили, что в доме кто-то умрет, если крот роет кротовины во дворе, под порогом, особенно если они ведут из дома наружу (Fischer, 1921: 20). В таких случаях говорили, что крот “гује на грóб” [роет к могиле] (Wieś Rudawa i jej okolice, 1980: 195).

В приведенных приметах смерти отчетливо прослеживается представление о медленном, поэтапном, а иногда и стремительном, но неотвратимом приближении потустороннего мира к миру нормальному, что выражается в появлении вестников из него (например, лесных птиц), различных знаков и явлений. «Стутившийся», «материализовавшийся» возле жилища мир мертвых наконец проникает в него, разрушая реальные и символические границы безопасности, отражением чего в ритуале оказывается проламывание крыш и потолков для облегчения агонии или выноса из дома умершего, открывание всех дверей и окон для выхода души из дома либо для «удобства» смерти, которой нужно подойти к умирающему: “aby dusza łatwiej ewentualnie prędzej wyszła z ciała” [чтобы душа легче и по возможности быстрее вышла из тела], “aby śmierć mogła łatwiej przujść do konającego” [чтобы смерть могла легче прийти к умирающему] (пол.) (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 52); «Рáньше, как не одні сўтки умраёт, рáньше тёсовáя кры ша былá, дак тесúну отдира́ли, чтóбы быстрее по́мер» (Архив лаборатории фольклористики РГГУ: Тихманьга, Каргопольский район, Архангельская область); «Як умрэ зна́хор дак лёжи на по́кути. Вéтир бушóе. Як з хáти [выносят покойника] – так снесé половíну хáти» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область).

Дом смерти. Дом, в котором произошла смерть, утрачивал свою привычную семантику безопасного, «закрытого» локуса живых; смерть разрушала его, поселялась в нем в виде *мертвого тела*, попутно меняя весь статус дома, располагая его на самой границе между мирами живых и умерших. С другой стороны, открытость дома потустороннему миру в период до похорон выражается в зафиксированном везде на исследованной территории представлении о том, что *душа умершего* постоянно посещает свой дом до похорон либо вовсе продолжает «жить» в нем.

Дом с находящимся в нем покойником становился опасным для живых, поэтому вступали в силу многочисленные запреты, призванные умиловить находящуюся поблизости душу умершего, воспрепятствовать покойнику забрать с собой еще кого-нибудь из членов семьи, снизить вредоносное влияние смерти на хозяйство и на общую удачливость семьи в целом: «Як шось помрэ́ то нэ би ляць со́ рок дэнь. Гово́ рать нэ мо́ нна, што смэ́ ртна хáта: во́ чы заливáеш тому, шо умэ́ р» (курсив наш. — М.А.) (Полесский архив: Ветлы, Любешовский район, Волынская область). Соблюдаемые в доме умершего запреты подтверждали снижение его статуса как человеческого, обжитого, окультуренного пространства, подчеркивали его «пограничное» положение, символическую близость

к кладбищу. Дом приобретал признаки «антидома»: в нем не убирались, занавешивали зеркала, не закрывали окна, двери и печную трубу, не готовили пищу, не топили печь и пр. При посещении таких домов, как и по дороге на кладбище, запрещено было здороваться: «Як на по хороны пры дэш и ў хату [входишь], нэ трэ ба упы тываты, цэлова́тыся, здоро вкатысь» (Полесский архив: Бельск, Кобринский район, Брестская область); «У на́шом селе́ як умрэ́ хто-не́ будь, дак пока́ його́ похоро нять, з родньо́ й у́ мершого никто́ не здоро ваецца» (Полесский архив: Радчицк, Столинский район, Брестская область); «Идешь на кладбище – не здоровайся со встречными, а то здоровье свое отдашь» (рус., владимир.) (Добровольская, Кулешов, 2003: 10). В доме, где кто-то умер, в текущем году не играли свадеб и не ходили туда колядовать (Полесский архив).

Дом, в котором произошла смерть, обычно выделяли среди других домов в селении: с внешней стороны дома возле покути ставили крышку гроба, крест (бел.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 153), взятые из церкви траурные хоругви (бел., пол.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 114; *Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*, 1999: 62; Adamowski, Doda, Mickiewicz, 1998: 272); в Польше к стене дома прибавляли черное сукно и вешали икону (Fischer, 1921: 149–150). Часто встречается обычай осыпать дорогу перед домом ветками ели (сев.-вост. пол.); возле дома иногда выставляли срубленную ель, еловые ветки втыкали в забор и крышу строения (пол.) (*Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*, 1999: 61–62). Пространство перед домом и дорогу часто осыпали щепками, оставшимися при изготовлении гроба (в основном на юго-востоке Польши) (*Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*, 1999: 58–59; Fischer, 1921: 149). Данный обычай мотивировался желанием склонить всех прохожих к произнесению молитвы за душу умершего (*Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*, 1999: 61; Fischer, 1921: 149–150). В редких случаях дорогу перед домом посыпали песком: “Dawniej wysypywali piaskiem krzyż na drodze przed chałupą” [раньше посыпали песок крест-накрест на дороге перед хатой] (Лович, Лодзинское воеводство, Польша) (*Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*, 1999: 68, 63, табл 17).

Произошедшая в одном доме смерть накладывала отпечаток и на всю жизнь поселка; запреты, соблюдаемые в доме покойника, могли распространяться на все село: «Як мэрэ́ ц [в селе], ни квасят, ничэго́ не роблют, даке карто́ плю ни закапывать» (Полесский архив: Курчица, Новоград-Волинский район, Житомирская область); «Ничого́ не кладу́ ты ни у бо́чку, никалы́, як по́ хараны ў селе́. [В одном доме во время похорон квасили капусту и положили ее в бочку]. Как бу́ тта зва́рэна бы́ла» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область); «Кода́ чалове́ к помира́е у́ дере́вне, тада́ ужэ́ не се́ ють. Похоро́ нять – на други́ день ужэ́ се́ ють. Потому́ што ме́ ртвое де́ло, ничо́го не получа́ецца, усё́» (Полесский архив: Замошье, Лельчицкий район, Гомельская область); «Як пакойник у́ селе́ непахо́ ваный, дак ничо́го не ро́ бяць ба́бу – ни гароду капа́ць, ни саджа́ць. А мужыки́ дра́ва руба́юць. [Это не запрещается]» (Полесский архив: Жаховичи, Мозырский район, Гомельская область). Белорусы стремились побыстрее похоронить покойного, так как соблюдали запрет на работу, пока тело умершего находилось в доме (витеб.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 112).

Для защиты других домов в селе от проникновения смерти часто использовались обереги: в Польше, если в селении кто-нибудь умер, клали под пороги домов топоры, обращенные острием наружу, и рисовали на всех четырех стенах крестики зубчиком чеснока (Fischer, 1921: 250); в Силезии внимательно следили за тем, чтобы случайно не принести в дом чего-нибудь, что было рядом с гробом (Fischer, 1921: 371). В Полесье, «щоб не ляка́л [покойник], обсева́юцься ма́ком вокру́г хаты; нож кладу́ть на поро́г, як дэнь-два прошло́ по сме́рти, – не придэ́т ляка́ць» (Полесский архив: Курчица, Новоград-Волинский район, Житомирская область).

Соблюдаемые в доме умершего запреты могли дублироваться и в соседних домах, когда мимо них проносили покойника. Данные ритуальные действия были направлены на охрану своих жилищ от соприкосновения со смертью, сохранение целостности и ненарушенности их границ, таким образом, их безопасности для людей: «Трэ́ шоб хвортка бу́ла закры́та, у́ акно́ шоб нэ́ дыви́ ўсь, як пако́ йника́ нэсу́ ты, шоб нэ́ загля́ дываў» (Полесский архив: Ковчин, Куликовский район, Черниговская область); «Як пако́ йника́ вязу́ць ми́мо, то [ребенку] обя́зцельно́ под поду́шку ножа́ ло́жаць, шоб усё́ че́ рэз этого́

[ножа] парापили́ лосо и ничего́ не остало́ со» (Полесский архив: Велута, Лунинецкий район, Брестская область); «Як похоро́ны, лю́ди сядя́ть и на дворы́, и ў х́ате не здоро́ваюца, хоть и в дом вхо́дять. И як вязу́ть по ву́лицы поко́йника, то не здоро́ваюца» (Полесский архив: Велута, Лунинецкий район, Брестская область).

Мертвое тело в доме – материализация смерти. Прежде невидимая и неосязаемая смерть, сломавшая границы жилища и изменившая его статус, теперь поселялась в нем в облике неподвижного тела. И хотя в период до похорон локусом смерти оказывался весь дом, в целях предотвращения распространения смерти ее стремились символически связать, локализовать в пространстве жилища для того, чтобы в конечном итоге удалить за пределы человеческого пространства – дома и селения.

Таким образом смерти «указывалось ее место» в доме: тело умершего размещалось в специально предназначенном для этого локусе – чаще всего на покути или в центре дома, причем эти места, «парадные», видные и заметные, считались символическими «заместителями» всего дома, воплощением самой идеи дома, а также были связаны с культом предков: «По́кути [стена напротив входа в комнату] – пара́дно м́сто бы́ло <...>. Як умрэ́ кто, то́же по́кути ставы́ли» (Полесский архив: Онисковичи, Кобринский район, Брестская область). В ряде областей Полесья и Белоруссии покойника укладывали в центре хаты: «[Покойник] «лэ́жы т сэ́рэ д х́аты» [его кладут на специальный топчан, используемый только для этого]» (Полесский архив: Вышевичи, Радомышльский район, Житомирская область). В Польше гроб с телом умершего также помещали в центре дома; с двух сторон от гроба зажигали свечи (кашуб.) (Lorentz, Fischer, Lehr-Splawiński, 1934: 71). Иногда место выбирали с учетом пола и статуса умершего: хозяина, мужчину, женщину могли помещать в разных местах жилого пространства. Там покойному оказывали почести все, приходящие его навестить, и там тело оставалось вплоть до выноса на кладбище¹.

На всех этапах происходившей дома погребальной обрядности рядом с телом умершего и гробом располагали обереги, стараясь этим не допустить как распространения смерти и ее вредоносного влияния, так и воздействия нечистой силы на самого покойника. Обереги клали на то место, где происходило обмывание, рядом с покойником (или ему в гроб) клали железные предметы, освященные травы и пр.: в Смоленской области под лавку покойника подкладывали топор, пилу, закрытый замок (Смоленский музыкально-этнографический сборник, 2003: 28). После выноса покойника на его место тут же клали топор (полесское) (Конобродська, 2007: 187) или кочергу (Зеленин, 1915. Вып. 2: 909); в Заонежье, когда гроб снимали с лавки, под нее тут же с грохотом кидали кочергу или ухват (Логинов, 1993: 156).

Дом — локус души умершего. Согласно польским поверьям, до погребения душа умершего находится рядом с телом в доме: «Po śmierci człowieka, dusza wychodzi z ciała i staje po prawej stronie, i dotąd tam stoi, dopóki nie pogrzebią trupa» [После смерти человека душа выходит из тела и становится с правой стороны, и стоит там до тех пор, пока тело не похоронят] (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1878. Т. 2: 127). Душа пребывает там до момента закрытия гроба крышкой; поэтому возле тела ставили табурет, предназначенный для души покойного, чтобы ей было, где присесть (Fischer, 1921: 325, 327). Душа не уходит от тела далеко; смотрит на все, что делается с трупом – с ним обходились осторожно и с почтением, чтобы не вызвать на себя гнев души (польское) (Fischer, 1921: 154). Находящаяся в доме душа умершего может быть невидимой либо принимать облик различных живых существ: «Где какая муха пролятит, [говорят]: вот душа лятае. <...> Просто муха, матылёк [пролетит, говорят]: от душечка его летае» (Полесский архив: Хоробичи, Городнянский район, Черниговская область).

Чтобы не мешать душе свободно входить и выходить из жилища, старались не запира́ть двери и не закрыва́ть окна; задвижку печной трубы и *душник* — отверстие для выхода дыма из топящейся по-черному избы (бел.) — тоже оставляли открытыми. Напротив, в доме с закрытыми окнами на другой день после смерти видели душу умершего,

¹ Статус «покойницкого места» получали также: лавка, на которой лежало тело до и после его положения в гроб; кровать, на которой обыкновенно спал умерший; место обмывания тела, которое в ряде случаев совпадало с тем локусом, где наступила смерть (бел.) (Пахаванні, памінкі, галашэ́нні, 1986: 153).

летающую возле потолка в виде небольшого облачка дыма (пол. силез.) (Biegeleisen, 1930: 23). Чтобы возвращающаяся душа могла опознать свой дом, возле дверей, на окно или стену снаружи вывешивали полотенце, белую ленту либо одну из завязок, которой связывали руки и ноги покойному (Смоленский музыкально-этнографический сборник, 2003: 92, 94). В Познанском воеводстве в доме вешали полотенце или белый платок, к которым прикрепляли образок одного из святых, чтобы душа могла там укрыться и прикоснуться к чему-то святому (Fischer, 1921: 194); после похорон ставили возле дверей дома стул, а над ним вешали полотенце.

Во время своих посещений душа садилась на стул, плакала и вытирала слезы полотенцем (Fischer, 1921: 193–194). Для души умершего в доме зажигали свет: «В нас старі лю́ды ка́жуть шо як помрэ́ хтось, то до сорока́ дэнь в ха́ти па́ляць сві́тло, шоб душа́ ба́чыла до́рогу на то́му сві́ти» (Полесский архив: Забужье, Любомльский район, Волынская область); «Тры дни чаловека не харанили, патаму что душа тры дня ходит кругом чаловека, он и слышыць ўсе и видиць, и як помрэ – свеча должна гарэць у чаловека, вот что ставяць на куцэ. Гаво́ряць, если свеча гарыць, ён бачыць, яму нада свет» (Полевые материалы Андриюниной: Левки, Стародорожский район, Минская область). В Смоленской области соблюдался запрет до сорокового дня запира́ть двери дома, гасить в нем свет и поздно засиживаться по вечерам, иначе «умершему долго дожидать придется под окошком, замерзнет» (Листова, 1993: 71).

Для находящейся в доме души умершего ставили еду и питье: «[Если покойник в доме], простила́ют на окну́ наму́тку, налива́ют квáсу и кладу́т пирі́г – пе́ршэ пирога́ спечэ и на окну́ кладéш, двена́цать дней лежу́ть; на двена́цатый день на кла́дбишчэ́ [несут] и под хрэст вылива́ют квас и когда́ [пирог], то ка́жэ ду́ша вй́де з ха́ты» (Полесский архив: Чудель, Сарненский район, Ровенская область); «Застилаем им там полотенце чистенькое на подоконник, ставили водичку – попить-то надо её. И она стоит до шасту́ недель, эта водичка. Она пить же ходить. Или мёд ставили, или конфеты какие, печенье. Все кладём на окошечке» (Смоленский музыкально-этнографический сборник, 2003: 90); в Польше для души ставили водку, пиво и кусочек хлеба, а пустая посуда поутру свидетельствовала о том, что душа не пренебрегла угощением (Kolberg, 1962: 133), иногда в гроб клали хлеб и соль, а бывало еще и масло, “aby się nimi dusza poczęstowała” [чтобы ими угостилась душа] (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 107–108).

Практически везде соблюдаемый запрет на метение полов в доме, где есть покойник, часто объяснялся присутствием в жилище (и на месте смерти) души умершего: «При покойнике [мести нельзя] – ду́шу вы́ метеш. Душа́ двена́дцать дней стои́ть ў ха́те, на ме́сте, идé помрэ́ – там, и не уходи́ть» (Полесский архив: Верхние Жары, Брагинский район, Гомельская область). С другой стороны, эти запреты мотивировались боязнью повторения смерти: «[Мести] нельзя. Это первая причина. Что ты выметаешь? Чтоб с хаты всех вон вымести? Ни в коем случае. Это первый признак. Вот никада не подметають, ни моють, ничо́го!» (Смоленский музыкально-этнографический сборник, 2003: 34); в Польше в доме, где есть покойник, не метут, “ażeby ze śmieciami żyjących nie wyrzucić” [чтобы с мусором живых не выбросить] (Fischer, 1921: 127); в Нижегородской губернии до выноса покойника дом не мели: если выметешь сор, то всех выметешь из дома (Зеленин, 1915. Вып. 2: 755).

Во многих случаях в доме воздерживались от печения хлеба, и вообще запрещали топить печь, т.к. в ней может находиться душа умершего (Biegeleisen, 1930: 23–24). Поляки не толкли и не мололи зерно на протяжении трех дней после смерти, чтобы не навредить душе умершего, которая якобы сидит в ступе и ручной мельнице для помола зерна (и в самом зерне) (Świątek, 1893: 134). В Полесье в доме покойника запрещались некоторые хозяйственные работы: «Як мере́ ц в до́ме – не са́ляць са́ло, не скла́дываюць о́воци, пока́ не похова́юць» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровенская область). Присутствием в жилище души объяснялись и другие действия: в Польше в доме будили всех спящих, чтобы находящаяся поблизости душа умершего не унесла за собой на «тот свет» еще кого-нибудь (Fischer, 1921: 133).

Распространен обычай выливать всю воду, которая находилась во время смерти человека в его доме и даже у соседей (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 117). В Келецком воеводстве верили, что прежде чем улететь в потусторонний мир, душа обмывается в воде, находящейся в тот момент в доме, поэтому ее нужно вылить (Fischer,

1921: 133–134). На украинском Подолье воду, которая оставалась ночью в доме, было запрещено пить и ее старались скорее вылить, потому что ее пила душа умершего (Шейковский, 1860: 30).

Зеркала в доме закрывали, «aby dusza nie przeglądała się w lustrze i nie została w chałupie» [чтобы душа не смотрелась в зеркало и не осталась в доме] (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 114); в Белоруссии говорили: «Не глядзі ў зеркала. Паглядзіш — табе памёршы будзе здавацца» (Традыцыйная мастацкая культура беларусаў, 2004: 378).

Изгнание смерти из дома. Переход порогов. Частично символические границы дома восстанавливались во время выноса умершего, ради чего практиковали ряд ритуальных действий, призванных закрыть дом от влияния смерти, выманить из жилища его душу и выдворить из него персонифицированную смерть – тело покойника, осуществить прощание умершего с домом, разделить доли (в том числе и имущество) между мертвыми и живыми, сделать дом снова территорией жизни. В результате этого смерть изгонялась из области живых, однажды разрушенные границы постепенно восстанавливались, мертвые и живые разделялись, возвращался естественный порядок бытия.

Первой (и главной) границей между домом и не-домом, видимым барьером между этими двумя пространствами и возможным локусом души умершего, а также одним из наиболее значимых в обрядовом и мифологическом отношении локусом на пути погребальной процессии оказывался порог дома. Ритуальные действия на одном или на всех порогах заключались в троекратном опускании гроба на порог, легком стуке гробом о него и пр. Объясняли их следующим образом: «чтобы покойник не возвращался» (Fischer, 1921: 265), чтобы умерший больше не переходил порогов (Biegeleisen, 1929: 141), “żeby nieboszczyk potem jako strzygoń lub strach nie przychodził do domu” [чтобы покойник потом как вампир или привидение не приходил домой], “ażeby temu domowi djasek (djabeł) nie szkodził” [чтобы этому дому не вредил дьявол] (Biegeleisen, 1929: 139); ударяли трижды гробом о порог комнатный и сенной и трижды хлопали дверями, стук о порог и хлопанье дверями являлись видимыми знаками выхода умершего из дома навсегда (Biegeleisen, 1929: 140).

Обычай опускания гроба на порог и стук о него часто воспринимался как способ «вызвать» душу умершего из дома и заставить ее следовать за похоронной процессией, поскольку считалось, что если в данный момент душа не находится рядом с гробом, то она укрывается под порогами (Biegeleisen, 1929: 139). Ударив одним концом гроба о дверь, его ставили потом на некоторое время на мусорную кучу (т.к. домашний мусор мог восприниматься как место пребывания душ) (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1878. Т. 2: 30). Верили, что с переходом каждого порога и с каждым ударом о него тело покойного становится все тяжелее и с шестым ударом (после перехода через два порога) становится таким тяжелым, что его становится трудно нести (Biegeleisen, 1929: 141). В Мазовецком воеводстве для того, чтобы преградить умершему путь назад домой, гроб проносили над топором, лежащим на пороге (Fischer, 1921: 249–250).

Использование зерна в обряде. Раздел «доли». Одним из способов восстановления символики дома как территории живых была распространенная практика использования в обряде выноса гроба зерна и хлеба, выступающего здесь как символ и инструмент изменения статуса данного локуса с «минуса» на «плюс». Например, на место, откуда только что сняли гроб с телом, садились родственники, держа хлеб в руках; помещали туда хлеб на блюде, зерном осыпали место покойника, мебель и полы в доме, передавали в дверях хлеб навстречу гробу, посыпали зерном дорогу до кладбища, куда провожали гроб, неся впереди или вслед поминальную пищу и др.

Переложив тело в гроб, в Белоруссии на лавку клали булку хлеба в тарелке на то место, где были плечи покойного; всю лавку посыпали зерном; перед выносом тела мужчина и женщина садились по двум сторонам от хлеба на лавке (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 149): «На лаву потым пасупаюць котору жытам, зярнóm» (Полесский архив: Жаховичи, Мозырский район, Гомельская область); «Сы пять жы там гроб, кагда вынашываюць» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область); «Як памрэ, дак жыто ў стаканчык сыплюць, сьвэчку туды запаліць – так стойіць... А як з хаты вуносяць – зразу сыплюць те жыто за йм ўслед» (Полесский архив: Ручаевка Лоевский район, Гомельская область); «Сы пляць жытом на дварэ, кады неслі мэртвога» (Полесский архив: Плэхов,

Черниговский район, Черниговская область); «Ну, раньшэ як пькли блин, лажыли там, ну, можэ сахару, но раньшэ мёд у людей быў, и нясли за пакойникам да самага кладбишча блин, и ужэ там, ужэ есьли детки бегали, то ужэ дялили етый блин деткам етым» (Полевые материалы Андрюниной: Прусина, Костюковичский район, Могилевская область).

В мотивировках подобных обычаев ясно отражена идея «замены смерти на хлеб», восстановления нормального жизненного порядка в доме: «Ўслед свэчка гарыць ў жыці [жито из банки, в которой стояла свечка] – сы плюць: шчоб ужэ бóлей смерць анá не хадзіла» (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область); «каб больш ніхто ў гэтым доме не паміраў» (бел. волковыск.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 113). В Белоруссии на пороге во время выноса гроба одна женщина вставала около дверей возле печи, а другая – с противоположной стороны за дверями, в сенцах; и, как только гроб проносили в дверь, та женщина, что стояла в сенцах, передавала через гроб хлеб-соль той, которая находилась возле печи. Это означало: «нябожчык з хаты, а хлеб-соль у хату» (бел. мозыр.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 110). В Подлясье осыпали зерном то место, где стоял гроб, «aby nie było trupa, a było zboże» [чтобы не было трупа, а был хлеб] (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 126–127).

Широкое использование ритуальной пищи в обряде также объяснялось необходимостью «разделить доли» имущества с покойным, чтобы он спокойно преодолел путь в потусторонний мир и не возвращался; с пищей провожали умершего на кладбище, чтобы выманить из дома душу и таким образом обезопасить свой мир и дом от ее непредвиденного прихода. В Польше в обычаях с семантикой наделения умершего долей вместо зерна часто использовали деньги, их вкладывали в руку умершему со словами: “Otrzymałeś teraz wynagrodzenie, nie masz zatem pogo wracać” [Ты получил сейчас плату, незачем тебе возвращаться] (Fischer, 1921: 174).

Очищение дома от смерти. Снятие запретов. После выноса гроба из дома тут же старались избавиться от вредоносного воздействия смерти, очистить от нее дом, тем самым делая его вновь безопасным для живущих. Для этого полы выметали вслед за гробом, дом окуривали и мыли, применяли обереги, особое значение в этих очистительных обрядах приобретал огонь, горящий в печи, печная утварь, вода и железные предметы.

Запрет на метение, действовавший в доме до выноса, снимался, и весь домашний мусор, ранее тщательно заметаемый под гроб и могущий быть вместилищем души покойного, выметался от покутного угла к дверям, наглядно демонстрируя изгнание смерти (и души) из жилища: «Це як мэртвэць, то нэ мэтуць на одліў, а мэтуць под егó, под кроватэ там чы дэ вин лэжыць. А тоді ўжэ як егó выносьць, забираюць тэ сміття да за ним выносьць» (Полесский архив: Вышевичи, Радомышльский район, Житомирская область); «Лáву сра́зу тра́почкой вы́ терут и хáту вы́ мете за им (пра́мо тогда, як покóйника на кля́дбишэ понесут)» (Полесский архив: Замошье, Лельчицкий район, Гомельская область). В Заонежье после выноса покойного в доме убирались — мусор сметали от большого угла к порогу, где его собирали и потом сжигали в печи (Логинов, 1993: 172). Лавку покойника и дом обливали святой водой, воду плескали на пол: «Лавку святой вадóй абливаюць ўместе са ўсеми [вещами в избе] <...> свяшчóнай вадóй парскаюць па хáте» (Полесский архив: Жаховичи, Мозырский район, Гомельская область). В Польше после выноса тщательно мыли полы в доме, белили стены, жгли в печи можжевельник и освященные травы (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 141); окропляли пол святой водой “aby się nie wrócił” [чтобы он не вернулся] (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1892. Т. 16: 260); в некоторых случаях выметали весь дом *na opak* [наоборот — часто от угла к порогу или против солнца], чтобы душа не смогла вернуться назад (Fischer, 1921: 127); «як понесúт, тогда ужэ напро́тив со́нца позми́тають лáвы, все и напро́тив со́нца заместі хáту» (Полесский архив: Чудель, Сарненский район, Ровенская область).

Среди мотивировок таких обычаев встречаются следующие: чтобы умерший не вернулся обратно (в.-слав.), чтобы «душа не осталась в доме» (пол.), чтобы не умирали люди (о.-слав.) (Валенцова, Виноградова, 2004: 337); «Існаваў звычай выганяць душу памёршага, якая вярнулася ў дом: мялі венікам пакой, дзе ляжаў нябожчык, размахвалі сякерай» (полес.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 151); после выноса мыли пол в доме — чтобы не было другого покойника (полес.) (Конобродська, 2007: 189); когда гроб снимали с лавки, на пол плескали ведро воды «чтобы залить след покойнику» (Логинов, 1993: 156–157).

Прикосновение к печи – сакральному локусу – и к горящему в ней домашнему огню обеспечивало очищение людей от контакта со смертью. Очистительные и отгонные свойства печи, домашнего огня, углей, золы и печной утвари широко использовались на всех этапах погребального обряда: «[Чтобы не бояться покойника, вернувшись с кладбища, мыли руки и прикладывали их к печке]. Так онэ́ помуюць рúки и так о на пич, так о рукамы, штоб э́ то ни стоя ў ў очах, покóйнык» (Полесский архив: Стодоличи, Лельчицкий район, Гомельская область); «Як приходят с кладбишче, мóят рúки. Три рáза помокае на пéчи у кóмине, шоб тэ ў очах не удиваўся тей мертвэц» (Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область); вернувшись с кладбища, дотрагивались лицом и двумя руками до печки, чтобы больше не было в доме покойника (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 147).

Другим способом прогнать из дома смерть и душу покойника был обычай после выноса переворачивать или передвигать на другое место всю мебель в доме, а особенно ту лавку, на которой стоял гроб. Это делали для того, “aby dusza poszła, a nie została w mieszkaniu” [чтобы душа ушла, а не осталась в доме], “zeby dusza nie poznała domu” [чтобы душа не узнала дома], “aby zmarły nie wrócił i nie siadał na te stolki” [чтобы умерший не вернулся и не сел на эти табуретки], “aby śmierć nie miała na czym usiąść” [чтобы смерти не было, где присесть], “aby stolki nie czekały na następną śmierć” [чтобы табуретки не ждали следующей смерти] (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 125).

Восстановление безопасности границ — закрытие окон и дверей. Для того чтобы в доме больше никто не умирал, а жилище снова стало безопасным для живых, после выноса гроба домашние старались тут же закрыть за собой все окна и двери – коммуникативные локусы на границе домашнего пространства. В Белоруссии после выноса покойного как можно быстрее замыкают двери, чтобы не было новых смертей (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 154); в полесском селе Спорово закрывали дверь дома при выносе в том случае, когда хоронили второго покойника за один год: «Колі два покóйныкы в одún год, як вы несуть покóйныка з хаты, то закрывають двер, бо кажуть бóдэ трэ́ ти покóйнык» (березов., брест.) (Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа); «Хлевы́ закрывали, двери закрывали. Як выносяць» (Полевые материалы Андрюниной: Тераполь, Слуцкий район, Минская область). На Русском Севере старались запереть все двери и ворота после погребения, чтобы проводить душу покойного на кладбище (рус. заонеж.) (Логинов, 1993: 174); «[Запирают двери после выноса гроба]. Сзáди кто идёт, тот и закрывáт [двери]. Сáмый зáдний цоловек закрыват» (Архив лаборатории фольклористики РГГУ: Тихманьга, Каргопольский район, Архангельская область). В Польше при выносе умершего запирают двери на замки, закрывают хлева, коморы и пр., чтобы душа не осталась «жить» в доме, а пошла следом за гробом на кладбище (Fischer, 1921: 272–273; Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 123–124); после выноса двери тут же закрывают, чтобы кто-нибудь еще не ушел на «тот свет» (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1889. T. 13: 69); данный обычай существовал у поляков, живущих на территории Буковины (Stefaniuk, 2005: 85).

В некоторых местностях (в основном на юге Польши, вплоть до Силезии и в Подлясье (Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999: 123), наоборот, не торопились закрывать двери и окна после выноса, а оставляли их на какое-то время открытыми, чтобы душа умершего успела выйти из дома, последовать на кладбище за похоронной процессией и не оказалась бы случайно запертой в жилище, где потом стала бы пугать его обитателей. В Жешовском воеводстве после выноса гроба было принято открывать двери и окна хаты, чтобы душа не блуждала по дому, а нашла открытый путь наружу (пол.) (Fischer, 1921: 272). Если же вследствие слишком скорого замыкания окон и дверей душа насильно окажется недопущенной до тела, тогда она останется в доме и будет беспокоить его обитателей как привидение (Fischer, 1921: 270; Kolberg, 1962: 134).

Выходя со двора на улицу села, тщательно закрывали за собой ворота – локус, семантически изоморфный дверям и окнам дома. Данное действие также мотивировали желанием защитить подворье от души умершего и смерти: «Як вы несуть гроб з двора, завйáзывают ворóта утирálьником, шоп ниhto нэ умираў» (Полесский архив: Олбин, Козелецкий район, Черниговская область); «Як з-дворá вы нисуць, зачина юць ўсе, шоп воротá, квóртка – усе было закрыто. Шоп смерть не заходы ла» (Полесский архив: Олбин, Козелецкий район, Черниговская область); «Ворота зразу, як винэ́ сли [покойника],

закривают, шоб назад нэ вэрнулса» (Полесский архив: Вышевичи, Радомышльський район, Житомирская область). В Силезии ворота держали закрытыми во время нахождения умершего в доме и после выноса, открывая их лишь для прохода погребальной процессии (Fischer, 1921: 271).

Окончательное восстановление дома как пространства жизни.

С увеличением времени с момента смерти и похорон душа умершего, находившаяся до них почти постоянно дома, теперь навещает его только время от времени, либо «перебирается» из жилища на его периферию, в хозяйственные постройки: «[Душа] двена́дцать днэ́ й у х́ати, а со́рок днэ́ й в буды́нку» (Полесский архив: Чудель, Сарненский район, Ровенская область); «Шість нэд́іль справля́лы, сорокови́ны. Вин, каже, до ш́ість нэд́іль будэ́ ході́ти коли х́аты, коли хорб́ом сво́іх» (Полесский архив: Щедрогор, Ратновский район, Волынская область).

Последние связи, соединявшие умершего с жилищем, земным миром и родными, разрываются на сороковой день после смерти: в этот период душа пересекает еще одну границу на пути окончательного перехода на «тот свет», перестает самостоятельно, без приглашения посещать дом, и его границы еще больше восстанавливаются, «закрываются» от потустороннего мира: «Пóсле со́рок дней душа́ иде́ на небеса́. Са́мые гла́вные сорочы́ ны, до сарочы́ н душа́ ешч́о в до́ме нахо́диця» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область); «Сорок ден. Сорок ден душа в хате, а мінет сорок ден, душа́ иде́ у моги́лу» Полесский архив: Вышевичи, Радомышльський район, Житомирская область]; «В со́рок дён, кажуть душа́ выхо́дит з х́аты» (Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа: Спорово, Березовский район, Брестская область).

В западном Полесье обрядовое содержание и мифология сорокового дня после смерти могли быть приурочены к двенадцатому дню с момента кончины человека: «[Поминки сорокового дня не считаются обязательными. Обязательны лишь поминки 12-го дня, т.к. считалось, что душа в хате пребывает двенадцать дней после смерти]. А ужэ́ як двана́дцать дэ́нь, то зноў на мо́гилки иду́ть. Ду́шэчка до двэ́на́дцать дэ́нь ув х́ати» (Полесский архив: Чудель, Сарненский район, Ровенская область); «Колы́ сь со́рок дэ́нь не рóбили, колы́ сь двэ́на́дцать дэ́нь рóбили, пóтим год. За́ре ста́ли уже́ так: на двэ́на́дцать дэ́нь – як тряпка оста́лась от покóйника, ма́шуць ей возду́х и выки́дываюць на двор. Хай уже́ пошэ́л той д́ух его, ка́жуць. На это́ ка́жуць – здыма́ть во́здух» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровенская область).

Постепенное снятие соблюдаемых в доме запретов по мере удаления во времени от момента смерти и похорон, справления поминок сорокового дня и символических проводов души на «тот свет» маркировало воссоздание целостности жилища, его удаление от мира умерших, восстановление его статуса как безопасного пространства живых: «[Где] покойник лежить, дак там не здоро́ваются. А от як ўже́ сороки́ ни робя́ть, дак тогда ў́жэ́ здоро́ваются» (Полесский архив: Копачи, Чернобыльский район, Киевская область).

Но все же и в этот период границы дома продолжают оставаться еще не до конца закрытыми, а жилище — символически «полуразрушенным» смертью. Эти мифологические представления отражены в запретах на полное беление стен, печи и мытье полов в этот период: «Як помрэ́ люды́ на, х́ату до сорока́ дэ́нь зóвсим нэ́ біля́ць, а до ро́ку біля́ць х́ату т́ількы шо кусóчок, оды́ н кутóчок шоб нэ́ білы́ вся. Ка́жуть шо нибы́-то душа́ в х́ати е» (Полесский архив: Забужье, Любомльский район, Волынская область). В Белоруссии и в Полесье широко распространена следующая практика: до исполнения сорока дней или года с момента смерти при мытье полов в доме стараются не затрагивать произвольно избираемый участок пола: «На трэ́ тий дэ́нь всё, кады памы́ ли памóсты, всё, тольки адну́ мэ́стинку не вытира́юць памóсту цэ́ лый год. Эта́ цы́ лый год ешчэ́́ душа́ хóдиць, на́блюда́ець, ци́ не забы́ ли вы менé, я слéд аста́вил... [А где это место?] Ци́ хóчэте вот примéнно, хоць кудá, хоць кудá аста́вля́йце» (Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область); «Як мрэ́ц до ро́ку, оста́вля́ ють на пэ́чы кварта́рочку такую́ малэ́нькую, нэ́ до́білюють. Ка́жуть, во́чы залыва́юць мэ́рлым, як побі́лють зовсі́м [Другие говорят, что в этом случае надо оставить небеленым кусочек «де не попáло»]» (Полесский архив: Ветлы, Любешовский район, Волынская область).

Окончательно снимается траур и запреты в доме, миры живых и мертвых разделяются, а границы дома восстанавливаются с концом цикла личной поминальной обрядности

(годовые поминки), в это время душа становится одним из почитаемых предков и перестает самостоятельно посещать дом.

4. Выводы

Проведенное исследование проходящих дома похоронных обрядов и обычаев подтверждает последовательную смену статуса жилища во время цикла погребальной и личной поминальной обрядности с локуса живых на локус мертвых и обратно. Пространственный анализ примет смерти подтверждает ранее сделанные выводы о том, что смерть в традиционной культуре воспринималась как проникновение извне вовнутрь, как нарушение естественного разделения мира жизни и мира смерти, распад границы, отделяющей «свое» пространство от «чужого».

С момента выхода из тела, дома души, и вселения в жилище овеществленной смерти (мертвого тела) дом перестает быть закрытым, безопасным пространством живых и становится местом «на пограничье» миров жизни и смерти, приобретает некоторые черты потустороннего мира. В таком доме не спали, не убирались, не закрывали двери и окна, иногда не топили печь и не готовили еду; в силу вступал ряд запретов и предписаний, выполняемых родственниками, соседями и всеми, приходящими навестить умершего в целях обеспечения своей безопасности перед влиянием смерти. Дом, в котором произошла смерть, особым образом выделялся среди других домов в селении (помещение траурных предметов на видных местах возле стен и ворот, посыпание дороги перед домом); прохожие и соседи молились за умершего и исполняли обряды очищения, чтобы не внести смерть в свои дома.

Далее, благодаря помещению мертвого тела в особое, предназначенное для него место дома (на покуть) и использованию оберегов смерть «связывается», а потом медленно и постепенно выводится из дома наружу (гроб выносится, дом выметается и моется от покути к дверям); границы жилища снова тщательным образом восстанавливаются и закрываются (ритуально преодолевается порог, закрываются окна, двери и ворота). С выносом умершего жилище, прежде впусившее в себя смерть, «разрушенное» символически и реально (разбирание потолка и крыши для облегчения агонии, вынос умерших через специально сделанный пролом), частично восстанавливает свой «замкнутый», безопасный статус.

Однако, наряду с первым, описанным здесь сверхъестественным явлением – манифестацией смерти, воплощенной в *мертвом теле*, – поблизости еще находится покинувшая тело *душа*. В большинстве случаев она воспринималась как нечто менее вредоносное, чем смерть/тело, но все же потенциально опасное. Душа не покидает сразу родное жилище, а навещает его или живет там определенный период времени, постепенно «сдавая свои позиции» и перемещаясь – будучи перемещаемой в представлениях носителей традиционной культуры – из центра дома на его периферию. Во время содержания покойного в доме его родные стремились сделать все возможное, чтобы обеспечить душу обрядовой пищей, необходимой для совершения успешного путешествия на «тот свет», одновременно отдавая умершему причитающуюся ему долю совместного имущества. При этом еда помещается возле тела умершего, рядом с которым, по народным представлениям, все еще стоит душа, а также в других частях дома, традиционно используемых для содержания тела до погребения – на покути, в центре избы. В день похорон с помощью поминальной пищи душа выманивается на кладбище следом за похоронной процессией, водворяется там; за покойным закрепляется новое место.

Чем больше времени проходило с момента смерти, тем реже душа посещала свое обиталище, что выражается в редукации поминальной обрядности в доме, а ритуальное приглашение и выпроваживание душ на поминках символизирует контролируемое волей живых раскрытие и закрытие границ дома для потусторонних сил. Дом все более и более восстанавливает свои границы, «закрываясь» от сверхъестественного, пока вновь не приобретет свой статус безопасного, охраняемого от всех вредоносных сил пространства.

Однако временем проведения погребальной и поминальной обрядности не исчерпываются циклы семантического приближения дома к потустороннему миру, репрезентацией которого в мире живых часто становится кладбище. Например, во время похорон могила становилась субститутом дома для умершего, его «новым домом», что

подчеркивается и подкрепляется близостью убранства могилы и организации домашнего пространства (например, лавочки, столики, оградки и разные предметы на могиле, придающие ей черты гостиной, кухни и садика) и общностью обрядов на кладбище и дома: «[После похорон] кинуць на магилку скатерць, закусваюць. Пакойнику ў першую очарадь [ставили еду]. Чарку гарилки наливаюць и ставюць окала яго, хлеба, канфетки» (Полевые материалы Андрюниной: Журбин, Костюковичский район, Могилевская область); «ставят стакан воді на могіле под хрэстом [чтобы простоял сорок дней], и дома на окне стоит до сорока́ дня, пока зробят вечэру и кажды́ день меняют воду» (Полесский архив: Вышевичи, Радомышльский район, Житомирская область).

Второй маркированный период символического приближения потустороннего мира к жилищу случается весной, когда, согласно мифологическим представлениям, мертвые возвращаются и «живут» некоторое время в своих домах, где для них возобновляются некоторые «фрагменты», присушие поминальной обрядности и соблюдаются специфические запреты: «На год и на Пáску, и на Правады́ идуть мэ́ртвые до́му, так не замыка́ють двэри и штоп нож не лежа́ў на столі́, чэ́ рэз нож йим незя́ переступа́ть» (Полесский архив: Олбин, Козелецкий район, Черниговская область); «На́ський велі́кдень – их велі́кдень на том сві́те. Ва́рим е́чко, да кладём на стол, бо оні́ придуть да побáчать. Ночу́е на столé [вся еда и посуда], а ўжэ́ ўра́нцы пому́емо» (Кишин, Олевский район, Житомирская область) (Толстая, 2005: 153). В то же самое календарное время могила на кладбище, где массово проводятся поминальные обряды, приобретает узнаваемые черты дома. В Белоруссии на могилу стелят скатерть, на нее кладут поминальную еду, могилу обливают *сытой* или горилкой и обращаются к умершим со словами: «Святыя радзіцелі́, хадзіце к нам хлеба і солі́ кушаць, старыя і малыя». После еды обращаются к покойникам следующим образом: «Мае радзіцелі́, выбачайце, не дзівіце, чым *хата* (курсив наш. – А.М.) богата, тым і рада» (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 185–186).

Таким образом, мир мертвых и мир живых, как это показывает семантика и символика погребальной и поминальной обрядности не являются двумя противопоставленными и непересекающимися точками на шкале «мертвый – живой», «тот свет – этот свет», а находятся между собой в сложных отношениях, допускающих их временные приближения, пересечения и отдаления друг от друга, обеспечивающих, в свою очередь, непрекращающееся общение предков и потомков, осуществляемое ко всеобщей пользе: «Хоть я и памру́, дак мо табе што буде здавацца, мо табе якіе верабьи, мо тебе где буде трешчаць, мо стукать, дак ты не бойса. Если той свет и е, где ты ни хадзиць будешь, дак ля тябе, ля тябе. Мо табе лягчэй буде рабицца, мо табе буде думацца, ты ничога не думай, толька пра харошее. Раз што е – тольки я» (Полевые материалы Андрюниной: Левки, Стародорожский район, Минская область).

Литература

Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа – Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа, рукопись, Минск.

Архив лаборатории фольклористики РГГУ – Архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета, рукопись, Москва.

Валенцова, Виноградова, 2004 – Валенцова М.М., Виноградова Л.Н. Мусор // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 337–340.

Гура, 1995 – Гура А.В. Ворон // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А – Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 434–438.

Добровольская, Кулешов, 2003 – Добровольская В.Е., Кулешов А.Г. Кладбище в традиционной культуре Гороховецкого района // Живая старина. 2003. № 2. С. 6–10.

Зеленин, 1914–1916 – Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Петроград: Типография А.В. Орлова, 1914–1916. Вып. 1–3 (продолжающаяся пагинация во всех выпусках).

Иванов, Топоров, 1965 – Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.

Конобродська, 2007 – Конобродська В. Поліський поховальний і поминальні обряди. Т. 1: Етнолінгвістичні студії. Житомир: Полісся, 2007. 356 с.

Листова, 1993 – *Листова Т.А.* Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды / науч. ред. З.П. Соколова, И.А. Кремлева. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. С. 48–83.

Логинов, 1993 – *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.

Невская, 1979 – *Невская Л.Г.* Дом в погребальном фольклоре (балто-балканские параллели) // *Balkano-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста: предварительные материалы и тезисы. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1979. С. 92–95.

Невская, 1982 – *Невская Л.Г.* Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // *Балто-славянские исследования*. 1981 / отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Наука, 1982. С. 106–120.

Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986 – Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосик. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 614 с.

Полевые материалы Андрюниной – Полевые материалы Андрюниной М.А., рукопись, Москва.

Полесский архив – Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

Русские пословицы и поговорки, 1988 – Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

Седакова, 2004 – *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Смоленский музыкально-этнографический сборник, 2003 – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 548 с.

Толстая, 2005 – *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 599 с.

Традыцыйная мастацкая культура беларусаў, 2004 – Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне. Мінск: Беларуская навука, 2004. 910 с.

Традыцыйная мастацкая культура беларусаў, 2008 – Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 4. Брэсцкае Палессе. Кн. 1., Мінск: Вышэйшая школа, 2008. 559 с.

Шейковский, 1860 – *Шейковский К.* Быт Подолян. Т. I. Вып. 2. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1860. VI, 71 с.

Adamowski, Doda, Mickiewicz, 1998 – *Adamowski J., Doda J., Mickiewicz H.* Śmierć i pogrzeb w relacjach Polaków mieszkających na Białorusi // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*. Lublin, 1998. T. 9/10. S. 253–318.

Biegeleisen, 1929 – *Biegeleisen H.* U kolebki. Przed ołtarzem. Nad mogiłą. Lwów: Instytut Stauropigjański, 1929. 572 s.

Biegeleisen, 1930 – *Biegeleisen H.* Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego. Warszawa: Dom Książki Polskiej S-ka Akc, 1930. 348 s.

Fischer, 1921 – *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. 439 s.

Frazer, 1913 – *Frazer J.G.* The Belief of Immortality and the Worship of the Dead // *The Gifford lectures, St. Andrews 1911–1912*. London: Macmillan & Co., 1913. 495 p.

Kolberg, 1962 – *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 1–60. T. 16. Kraków: Polskie Wydaw. Muzyczne; Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1962. IV, 330 s.

Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999 – Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe / Pod redakcją naukową J. Bohdanowicza. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1999. 375 s.

Lorentz, Fischer, Lehr-Splawiński, 1934 – *Lorentz F., Fischer A., Lehr-Splawiński T.* Kaszubi. Kultura ludowa i język. Toruń; Warszawa: Instytut Popierania Nauki, 1934. 306 s.

Stefaniuk, 2005 – *Stefaniuk M.* Śmierć i pogrzeb u Polaków zamieszkujących rumuńską Bukowinę // *Twórczość Ludowa*. R. XX. Nr. 1–4 (60). Lublin, 2005. S. 80–88.

Sychta, 1967–1976 – *Sychta B.* Słownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1967–1976. T. 1–7.

[Świątek, 1893](#) – *Świątek J.* Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Obraz etnograficzny. W Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1893. 728 s.

[Wieś Rudawa i jej okolice, 1980](#) – *Wieś Rudawa i jej okolice.* Prace etnograficzne / Redaktor serii etnograficznej J. Klimaszewska. Kraków: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1980, Z. 12. 224 s.

[Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1877–1895](#) – *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1877–1895. T. 1–18.

References

[Arkhiv Belorusskogo fol'klorno-etnolingvisticheskogo atlasa](#) – Archive of Belorussian ethnolinguistic atlas, manuscript, Minsk.

[Arkhiv laboratorii fol'kloristiki RGGU](#) – Archive of folkloristic laboratory of the Russian State University for the Humanities, manuscript, Moscow.

[Valentsova, Vinogradova, 2004](#) – *Valentsova M.M., Vinogradova L.N.* (2004). Musor [Rubbish] // *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3. pp. 337–340. [in Russian]

[Gura, 1995](#) – *Gura A.V.* (1995). Voron [Raven]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 1. pp. 434–438. [in Russian]

[Dobrovolskaya, Kuleshov, 2003](#) – *Dobrovolskaya V.E., Kuleshov A.G.* (2003). Kladbishche v traditsionnoi kul'ture Gorokhovetskogo raiona [Cemetery in the traditional culture of Gorokhovetsky district]. *Zhivaya starina.* № 2. pp. 6–10 [in Russian]

[Zelenin, 1914–1916](#) – *Zelenin D.K.* (1914–1916). Opisanie rukopisei Uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Description of the manuscripts of the Academic Archive of the Imperial Russian Geographical Society]. Petrograd: Typography of A.V. Orlov. Issue. 1–3 (continuing pagination in all issues) [in Russian]

[Ivanov, Toporov, 1965](#) – *Ivanov V.V., Toporov V.N.* (1965). Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (Drevnii period) [Slavic modeling semiotic language systems (Ancient period)]. Moscow: Nauka. 246 p. [in Russian]

[Konobrodska, 2007](#) – *Konobrodska V.* (2007). Poliskiy pokhovalniy i pominalni obryadi [Funeral and memorial rites of Polesye]. *Etnolingvistichni studii* [Ethnolinguistic studies]. Vol. 1. Zhitomir: Policcyia. 210 p. [in Ukrainian]

[Listova, 1993](#) – *Listova T.A.* (1993). Pokhoronno-pominal'nye obychai russkikh (na materialakh Pskovskoi i Smolenskoj oblasti) [Funeral and remembrance customs of Russians (on data of Pskov and Smolensk regions)]. *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady* [Funeral and memorial customs and rites]. Ed. by Z.P. Sokolova, I.A. Kremleva. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS. pp. 48–83. [in Russian]

[Loginov, 1993](#) – *Loginov K.K.* (1993). Semeinye obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya [Family customs and beliefs of Russians in Zaonezhye region]. Petrozavodsk: Karelian Science Centre RAS. 228 p. [in Russian]

[Nevskaya, 1979](#) – *Nevskaya L.G.* (1979). Dom v pogrebal'nom fol'klore (balto-balkanskije paralleli) [House in the funeral folklore (Balto-Balkan parallels)]. *Balkano-Balto-Slavica* [Balkano-Balto-Slavica]. Symposium on the structure of the text: preliminary materials and abstracts. Moscow: Institute for Slavic and Balkan Studies of the RAS. pp. 92–95 [in Russian]

[Nevskaya, 1982](#) – *Nevskaya L.G.* (1982). Semantika doma i smezhnykh predstavlenii v pogrebal'nom fol'klore [The semantics of a house and related concepts in the funeral folklore] // *Balto-slavyanskije issledovaniya.* 1981 [Balto-Slavic studies. 1981] / Ed. by Vyach.Vs. Ivanov. Moscow: Nauka. pp. 106–120 [in Russian]

[Pakhavanni, paminki, galashenni, 1986](#) – *Pakhavanni, paminki, galashenni* [Funeral, remembrance, keens]. Ed. by A.S. Fyadosik. Minsk: Navuka i tekhnika, 1986. 614 p. [in Belorussian]

[Polevyje materialy Andryuninoi](#) – Field data of Andryunina M.A., manuscript, Moscow.

[Polesskii arkhiv](#) – *Polesskii arkhiv sektora etnolingvistiki i fol'klora Instituta slavyanovedeniya RAN* [Archive of Polesye data of Department of ethnolinguistic and folklore of Institute of Slavic Studies], manuscript, Moscow.

- Russkie poslovitsy i pogovorki, 1988** – Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian proverbs and sayings]. Ed. by V.P. Anikin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 431 p. [in Russian]
- Sedakova, 2004** – *Sedakova O.A.* (2004) Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan [Poetics of the ritual. Funeral rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik, 2004. 320 p. [in Russian]
- Smolenskii muzykal'no-etnograficheskii sbornik, 2003** – Smolenskii muzykal'no-etnograficheskii sbornik [Musical-ethnographical collection of Smolensk]. Vol. 2: Pokhoronnyi obryad. Plachi i pominal'nye stikhi [Funeral rite. Keens and remembrance poetry] / Ed. by O.A. Pashina, M.A. Engovatova. Moscow: Indrik, 2003. 548 p. [in Russian]
- Tolstaya, 2005** – *Tolstaya S.M.* (2005). Polesskiy narodnyy calendar [Folk calendar of Polesye]. Moscow: Indrik, 2005. pp. 198–199 [in Russian]
- Tradycyjnaya mastatskaja kul'tura belarusaŭ, 2004** – Tradycyjnaya mastatskaja kul'tura belarusaŭ [Traditional art culture of belorussians]. Vol. 2: Vicebskae Padzvinne [Podvinye of Vitebsk region]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2004. 910 p. [in Belorussian]
- Tradycyjnaya mastatskaja kul'tura belarusaŭ, 2008** – Tradycyjnaya mastatskaja kul'tura belarusaŭ [Traditional art culture of belorussians]. Vol. 4: Bresckae Palesse [Polesye of Brest region]. Book 1. Minsk: Vysheishaya shkola, 2008. 559 p. [in Belorussian]
- Sheikovskii, 1860** – *Sheikovskii K.* (1860). Byt Podolyan [The life of people of Podolia]. Vol. I. Is. 2. Kiev: Tipography of I. and A. Davidenko. VI, 71 p. [in Russian]
- Adamowski, Doda, Mickiewicz, 1998** – *Adamowski J., Doda J., Mickiewicz H.* (1998). Śmierć i pogrzeb w relacjach Polaków mieszkających na Białorusi [Death and funeral in narratives of Poles living in Belarus] // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury [Ethnolinguistics. Issues of language and culture]. Lublin. Vol. 9/10. pp. 253–318 [in Polish]
- Biegeleisen, 1929** – *Biegeleisen H.* (1929). U kolebki. Przed ołtarzem. Nad mogiłą [By the cradle. Before the altar. Above the grave]. Lviv: The Stauuropeigian Institute. 572 p. [in Polish]
- Biegeleisen, 1930** – *Biegeleisen H.* (1930). Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego [Death in rituals, customs and beliefs of the Polish people]. Warsaw: Dom Książki Polskiej S-ka Akc. 348 p. [in Polish]
- Fischer, 1921** – *Fischer A.* (1921). Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego [Funeral customs of the Polish people]. Lviv: Ossoliński National Institute. 439 p. [in Polish]
- Frazer, 1913** – *Frazer J.G.* (1913). The Belief of Immortality and the Worship of the Dead // The Gifford lectures, St. Andrews 1911–1912. London: Macmillan & Co. 495 p. [in English]
- Kolberg, 1962** – *Kolberg O.* (1962). Dzieła wszystkie [All papers]. Vols. 1–60. Vol. 16. Krakow: Polish music publishing; Warsaw: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. IV, 330 p. [in Polish].
- Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego, 1999** – Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego [Commentaries on the Polish ethnographic atlas]. Vol. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe [Funeral customs, rituals and beliefs] / Ed. by J. Bohdanowicz. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1999. 375 p. [in Polish]
- Lorentz, Fischer, Lehr-Splawiński, 1934** – *Lorentz F., Fischer A., Lehr-Splawiński T.* (1934). Kaszubi. Kultura ludowa i język [Kashubians. Folk culture and language]. Torun; Warsaw: Institute for the Promotion of Science. 306 p. [in Polish]
- Stefaniuk, 2005** – *Stefaniuk M.* (2005). Śmierć i pogrzeb u Polaków zamieszkujących rumuńską Bukowinę [Death and funeral among the Poles living in Romanian Bukovina] // *Twórczość Ludowa*. Year XX. №. 1-4 (60). Lublin. Pp. 80–88 [in Polish]
- Sychta, 1967–1976** – *Sychta B.* (1967–1976). Słownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej [Dictionary of the Kashubian dialect on the background of the folk culture]. Wrocław; Warsaw; Krakow; Gdansk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1967–1976. T. 1–7 [in Polish]
- Świętek, 1893** – *Świętek J.* (1893). Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Obraz etnograficzny [People of the Rab river region from Gdov to Bochnia. Ethnographic picture]. Krakow: Nakładem Akademii Umiejętności. 728 p. [in Polish]
- Wieś Rudawa i jej okolice, 1980** – Wieś Rudawa i jej okolice. Prace etnograficzne [Village Rudawa and its surroundings. Ethnographic works] / Ed. of ethnographic seria by J. Klimaszewska. Krakow: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1980, Vol. 12. 224 p. [in Polish]

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1877–1895 – Zbiór wiadomości do antropologii krajowej [A collection of messages for national anthropology]. Krakow: Nakł. Akademii Umiejętności, 1877–1895. Vols. 1–18 [in Polish]

Дом живых — дом мертвых. «Переходный» статус жилища в славянской погребальной и поминальной обрядности

Мария Александровна Андрюнина ^{a, *}

^a Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статус жилища как безопасного, закрытого пространства живых в традиционной культуре не является незыблемым и однозначным; исследование цикла погребальной и поминальной обрядности ясно показывает, что дом способен «сдвигаться» между крайними точками символической шкалы жизнь-смерть в разное календарное и ритуальное время. Приходящая к дому смерть (невидимая или в облике птиц и мифологических существ) ломает его реальные и символические границы, поражает свою жертву и делает жилище людей обиталищем смерти, воплощенной в мертвом теле и разлученной с ним душе. С этого момента дом перестает быть закрытым и безопасным для живых, его помечают для помощи душе умершего и на благо соседей, спешащих обезопасить себя от влияния смерти с помощью различных оберегов, в доме соблюдают большое количество запретов и предписаний, по существу парализующих в нем всякую нормальную жизнь (например, запреты закрывать двери, готовить, убираться, спать, использовать воду, работать и пр.). По мере прохождения времени с момента смерти и похорон душа постепенно прекращает возвращаться в свой дом, из него выдворяется смерть и ее влияние нейтрализуется, границы восстанавливаются и закрываются, запреты снимаются, миры живых и мертвых снова разделяются. Однако период похорон не является единственным временем сближения миров живых и мертвых: согласно мифологическим представлениям, весной души предков возвращаются в свои дома и живут там, снова в силу вступают различные правила и запреты, характерные для похоронной и поминальной обрядности, а дом становится ближе миру иному. Та же ситуация имеет место на похоронах, когда для умершего создается субститут дома на кладбище, сближая миры живых и мертвых. Во время массовых посещений могил в рамках весенне-летней поминальной обрядности на кладбище снова создается приближенное подобие дома и его убранства. Таким образом, миры живых и мертвых в традиционной славянской культуре сближаются, расходятся и пересекаются в разных точках пространства в различное обрядовое и календарное время.

Ключевые слова: этнолингвистика, похороны, поминальная обрядность, дом, кладбище, душа, смерть, приметы, запреты, мифология, традиционная картина мира.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mary-andr@mail.ru (М.А. Андрюнина)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 81-87

DOI: 10.13187/rs.2018.1.81
www.ejournal15.com

Family Group against a Background of the End of the Empire: Gorinovs from Khutor Bokov. Part 2

Tatyana Y. Vlaskina ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the anthropological aspects of the history of Russian revolutions. Primary focus is on the life of railway engineer Nikolai Aleksandrovich Gorinov, a native of the provincial merchant family. The example of the Gorinovs reveals the unrealized prospects for peaceful evolution in the social and economic development on the Don that took place at the turn of the 19th and 20th centuries, examines the possible motives for the personal political choice faced by family members during the events of the Revolution and the Civil War.

The first part represented the life story of the Gorinovs until the middle of 1915, characters and relations between family members. The main theme of the second part is the young man's perception of the First World War events and the changes that are taking place with him. From an enthusiastic dreamer, the young man gradually becomes an experienced pragmatist. The study is based on the Gorinov's letters to his parents, preserved in the stanitsa Bokovskaya under the cladding of an old merchant's house.

Keywords: First World War, Petrograd, Moscow-Vindavo-Rybinsk railway, Upper Don uprising, epistolary genre, life choice, fate.

1. Введение

Первая мировая война вошла в историю небывалыми ранее масштабами вовлеченных в нее территорий и человеческих масс, гигантскими разрушениями и колоссальными жертвами. Но прежде всего ее отличает глобальный мировоззренческий кризис, оценку которому одним из первых дал Э.М. Ремарк в романе «На Западном фронте без перемен», заявив от лица поколения, погубленного войной, что мир уже никогда не будет прежним. Пересмотр многого из того, что дотоле относилось к незыблемым основам цивилизации, охватил миллионы, но по-разному поразил души каждого в отдельности.

В данной статье мы продолжим рассказ о семье Гориновых из хутора Бокова Донецкого округа Области войска Донского, начатый в последнем номере журнала за 2017 г. (Vlaskina, 2017). Во второй части исследования основное внимание будет посвящено личности Николая Александровича, молодого инженера-железнодорожника, тому, как он воспринимал события войны, постепенно вживаясь в эту новую реальность и меняясь вместе с ней.

* Corresponding author
 E-mail addresses: vlaskiny@mail.ru (T.Yu. Vlaskina)

2. Материалы и методы

Как и в первой части, основной источник сведений – небольшой семейный архив: деловые бумаги и личная переписка Гориновых, хранящиеся в Боковском краеведческом музее. Метод исследования – контекстный текстологический анализ, с привлечением справочной историко-краеведческой информации.

3. Обсуждение и результаты

В событийной канве личной истории Николая Горинова начало Первой мировой войны совпадает с началом самостоятельной «взрослой жизни». Несмотря на вполне зрелые годы (29 лет для рубежа XIX–XX вв. – это обычно возраст состоявшейся судьбы), наш герой только теперь, простившись со студенческой скамьей, отправляется на поиск применения своим талантам, и намеревается впредь более рассчитывать на собственный заработок, чем на отцовский кошелек.

По дороге в столицу, происходит инцидент, который производит на Горинова пугающее, но одновременно и экзальтическое впечатление. 14 июля 1914 г.¹ он пишет отцу: «Дорогой папа, вчера 13го числа около 4х часов вечера не доезжая сажень 150 до станции “Гартмашевка”² нас[ш] поезд потерпел крушение, но все обошлось благополучно и никто даже не ранен. С рельс сошли 4 вагона. Катастрофа грозила большими несчастьями, так как это произошло около моста и здесь пролегал близко большой обрыв»³ (БKM. ОФ. КП. Л. 1730об.). Происшествие, судя по тому, что упоминаний о нем не удалось найти в железнодорожных отчетах и периодических изданиях, не было особенно серьезным. Однако молодой человек воспринял его как символическое предвестие более масштабных событий.

Подобная нервическая реакция вполне согласуется с тем образом, который возникает при чтении некоторых писем Николая, где он предстает натурой романтической и эмоциональной. Так, в мае 1909 г. юноша пишет из Петербурга довольно странное истерическое письмо родителям о том, что отсутствие известий из дома служит для него источником настоящих страданий. «За этот последний месяц я так издергал себе нервы, как нельзя расстроить их в десять лет. Нельзя же их тянуть без конца – в конце концов не выдержат и лопнут. Я не хочу больше жить в неведении, я совершенно болен» (БKM. ОФ. КП. Л. 1748). Любопытно, что после текста Николая на листке имеется приписка отцовским почерком – своеобразная отповедь: «Нужно быть мужчиной а не бабой» (БKM. ОФ. КП. Л. 1748 об.).

Врожденной ли тонкой душевной организацией, влиянием ли моды (Серебряный век!), – чем бы ни объяснялась экспрессия эпистолярного стиля младшего Горинова, со временем она начинает парадоксальным образом сочетаться с крайним прагматизмом, по всей видимости, заложенным семейным воспитанием. Но об этом позже. Пока же Николай Горинов едет в Петербург и 18 июля убеждается в правомерности своих предчувствий, когда в Российской империи начинается всеобщая мобилизация, а затем 19 июля, когда Германия объявляет войну России. В этот день он вновь пишет матери о происшествии на железной дороге: «Слава Богу, что все обошлось так благополучно, чьи-нибудь молитвы нас да спасли. Но крушение должно было быть ужасным... Начинаящаяся война, вероятно, не окончится так благополучно, как наше крушение» (БKM. ОФ. КП. Л. 1743). Будучи уже в гуще патриотических демонстраций, сопровождавших объявление Высочайшего Манифеста о вступлении Российской империи в Мировую войну, он испытывает необыкновенное возбуждение: «Несмотря на все несчастья и горести, которые война несет с собою, здесь все встречают ее с радостью и восторгом и ждут не дождутся, когда ее объявят. Подъем духа страшный, а ненависть к немцам еще больше» (БKM. ОФ. КП. Л. 1743). Это восторженное настроение, за которое уже через несколько месяцев многим из митингующих могло стать неловко, так мощно, что Николай не может с ним справиться и не удерживается от откровений еще и с отцом: «Дорогой папа, о новостях и о том душевном подъеме и энтузиазме, который здесь везде царит, писать не буду – увидишь сам. Я думаю,

¹ Все даты даны, как в эпистолярных источниках, по старому стилю.

² Гартмашевка – ныне поселок при станции в Кантемировском районе Воронежской области.

³ При цитировании сохраняются орфография и пунктуация первоисточника.

что этот восторг, пожалуй, в Москве еще сильнее, чем в Петербурге» (БKM. ОФ. КП. Л. 1749).

С небывалыми судьбоносными событиями чудесным образом связывается все, что в тот момент окружает Николая Горинова: замечательные люди, жизненные перспективы, да и сам державный город, оказавшийся внезапно частью исторической игры: «А уж уезжать из Петербурга (все забываешь писать и говорить “Петроград”!) и особенно в такое время, когда каждую минуту ждешь нового и все более интересного, очень не хочется» (БKM. ОФ. КП. Л. 1744).

К любопытным последствиям воздействия войны на индивидуальную «картину мира» Николая Горинова можно отнести его «прозрение» в отношении донских казаков, наступившее вдали от Дона под воздействием патриотической печати и общественных настроений: «Пиши мне о своих делах, а также о том, как война ощущается на Дону. <...> С войны сведения идут все одно лучше другого, так что теперь берешь газету и даже не волнуешься – знаешь что опять что-либо взяли и прогнали немцев или австрийцев. Очень уж мы привыкли за эти два месяца к победам – не дай Бог, если начнутся поражения, хотя надежды на это мало. Так должно быть, с победой и дойдем до Вены и Берлина. <...> Цылую вас и жалко, что сведения с войны доходят к Вам нескоро» (БKM. ОФ. КП. Л. 1750); «Папа, выпиши по моему адресу на три месяца с 1го сентября по 1 января “Донские Областные Ведомости”. Мне хочется знать о подвигах наших казаков, которые оказались такими героями, что вся Россия ими может гордиться, а в Петербургских газетах все-таки о них сведений мало. Да и вообще интересно знать как живет Дон в настоящее время... сообщи как отнеслись у нас казаки к отрезвлению и что говорят об этом» (БKM. ОФ. КП. Л. 1744). Последняя ремарка (об отрезвлении) имеет, с одной стороны, важную историческую «привязку», а с другой, выявляет истинное отношение Николая к казакам, жившим по соседству в Бокове. Для проучившегося большую часть жизни купеческого сына, ищущего свою судьбу вдалеке от дома, «наши казаки» – образец дикости и варварства. Обнаружив внезапно, что они «оказались такими героями», Горинов с энтузиазмом первооткрывателя хочет узнать о станичниках побольше, но очень симптоматично начинает с закона об алкоголе. Можно сказать, что для того, чтобы по достоинству оценить свою малую родину и ее жителей, Николаю понадобилось уехать и посмотреть на Дон со стороны.

Между тем, описание явлений, которые можно назвать приметам войны, нарастают от письма к письму. Поначалу они похожи на игры, призванные разнообразить жизнь обывателей: карты с флажками, марки на конвертах, благотворительные мероприятия.

Николай посылает отцу в качестве актуального подарка карту для слежения за театром военных действий: «Вчера послал тебе заказной бандеролью карту военных действий, “Оранжевую книгу” нашего министерства Иностранных дел, о которой ты, вероятно, читал в газетах, а также флажки воюющих держав для карты. Образцы как их склеивать приложены мною в виде уже двух готовых флажков. Флажки эти для большей наглядности накальваются на карту в тех местах, которые уже заняты нашими или другими войсками; благодаря этому при первом взгляде на карту, где находятся наши войска где французские, где немецкие и т.д.» (БKM. ОФ. КП. Л. 1744). Оформляет свои письма многозначительными атрибутами: «Марка прилепленная на конверте – это выпущенная Петроградским городским управлением в пользу раненых. Это в одну копейку, но есть в 5, 10, 50 и 1 рубль. Леплю эти марки на каждое письмо – выйдут куплю еще и так делают почти все» (БKM. ОФ. КП. Л. 1744об). Очень символично Николай Горинов выбирает из Почтово-благотворительного выпуска 1914–1915 гг. «В пользу воинов и их семейств» марку «Прощание донского казака».

Поначалу такой игрой выглядит и преувеличенная забота о раненых, но здесь уже сквозь ура-патриотические настроения проглядывает беспощадная реальность: «Дорогая мама..., мне хотелось знать, что делаешь ты в переживаемое теперь нами время и оказываешь ли хоть какую-либо посильную помощь нашим воинам, страдающим и проливающим свою кровь за нас. Здесь все работают на войска т.е. шьют и жертвуют сшитое для раненых. Известно ли вам там какая нужда на передовых позициях в госпиталях в белье, которое там на солдатах тлеет совершенно и превращается в труху, так что когда привозят раненых в Петроград, то снять белье совершенно невозможно – оно так и разваливается. У меня есть одна знакомая, которая пошла сестрой милосердия на войну, так вот она пишет оттуда ужасы и умоляет слать бельё... Пишет, что паразитов так много и у

солдат и у офицеров, что прямо можно брать чуть не горстями. Вот в каких условиях живут и умирают там наши герои, а мы читаем тут сидя в тепле и чистоте газеты и думаем, что победы, которые чуть не каждый день одерживают наши войска, даются им шутя» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1745–1745об).

К зиме 1914 г. над официальными сообщениями начинают превалировать слухи, патриотические настроения изрядно разбавляются напряженным и опасливым ожиданием. Сознавая провокационный характер людской молвы, Николай пишет: «Ходят такие слухи, что передавать их не стоит, так как сплошной вздор» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1752). Однако и он в своих энтузиастических прогнозах становится осторожнее: «Вобщем дела хорошие только долго пожалуй придется ждать результатов этих дел – войны кажется, конца еще не видно – повидимому она еще только началась» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1752).

Пожалуй, одним из последних восторженных пассажей в переписке Николая Александровича с родителями является замечание от 15 марта 1915 г.: «Пасху, вероятно, будем гулять на саях – такая редкостная и необыкновенная Пасха в первый раз в моей жизни, как необыкновенно все в теперешнее время, которое мы переживаем» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1753).

Еще шьются нарядные платья, заказываются парадные портреты, обыватели проводят досуг на дачах, совершаются визиты к родственникам. А новости, между тем, с каждым днем становятся все тревожнее и все труднее отличить правду от досужего вымысла.

18 марта 1915 г.: «Положение у нас на дороге с топливом таково, что вертимся с углем, как белка в колесе и ждем, что не сегодня, завтра закроем движение, потому что нечем топить паровозы, а подвоз угля самый незначительный» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1754).

6 апреля 1915 г.: «Новость... о шпионаже в нашей армии и о главном ее руководителе полковнике Мясоедове¹. Теперь это уже не новость, так как из газет это известно конечно и тебе» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1755).

17 апреля 1915 г.: «В Петрограде произошел случай о котором хочу сообщить тебе, но не знаю, получишь ли ты это письмо, если оно попадет в цензуру. Вчера 16-го апреля около 8 часов вечера на окраине Петрограда в Местности, называемой «Пороховыми», взорвался Меленитовый завод. Меленит это одно из взрывчатых веществ страшной силы, которое требуется в громадном количестве для снарядов и вообще для военных надобностей. Взрыв был ужасающей силы; завод, конечно, погиб весь и под его развалинами вся ночная смена рабочих. Подробностей и достаточно проверенных данных пока нет, но по слухам в окрестностях завода разрушено до 50 домов до полного основания и число жертв исчисляется по предварительным данным много выше 1000 человек. На раскопках работало всю ночь большое количество солдат. Взрыв был настолько силен, что его слышно было даже в Царском Селе, находящемся в верстах 30 от Петрограда. О причинах этого страшного несчастья ничего не слышно и можно только догадываться» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1746).

27 мая 1915 г.: «Я смертельно устал... В июне по достоверным сведениям будет объявлен призыв ратников второго разряда по некоторым данным за 5 последних лет, а по некоторым за 10 лет. Если призовут за 10 лет, то я тоже буду призван, но по роду своей железнодорожной Службы, конечно, от призыва буду освобожден. Ну, а если и призовут, то я только от этого приобрету, но никак ничего не потеряю» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1757).

30 июля 1915 г.: «...стали постоянно поговаривать о том, что надо ждать в Петрограде налета Цепелинов. Ну да это не так страшно, да ведь и, кроме того, страшен Царь да милостив Бог, как говорит русская пословица» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1747).

Сведения об одних и тех же событиях, поступающие из разных источников, отличались порой до неузнаваемости. Так, происшествие на Петроградском пороховом заводе, о котором Николай Горинов, руководствуясь слухами, пишет отцу как о масштабной катастрофе, в сообщениях Санкт-Петербургского телеграфного агентства выглядит как небольшая неприятность. Можно заметить, что опубликованный текст изобилует определениями и словосочетаниями, подчеркивающими незначительность причиненного ущерба: «16 апреля, в 8 часов 10 минут вечера, на Охтенском заводе взрывчатых веществ произошел взрыв. Взрывом попорчено несколько зданий и разрушена одна мастерская

¹ Н.А. Горинов пишет о так называемом «Деле Мясоедова» – знаковом событии в подготовке общественного мнения к Февральской революции (Катков, 2006: 238).

второстепенного значения. Восстановление повреждений, которые, главным образом, произошли на крышах, будет произведено в *кратчайший* срок. Наибольшие повреждения произошли, главным образом, во всех жилых помещениях. *Все склады взрывчатых веществ и заряженных снарядов в полной сохранности.* Работа на заводе будет прервана *только на несколько дней*, пока не очистят все помещения от обломков и стекол. Число пострадавших еще не выяснено, в настоящее время производится тщательная проверка всех рабочих. Среди окрестных жителей много *легко* раненых осколками стекол в их квартирах» (курсив наш. – Т.В.) (*Этот день 100 лет назад, 2018*). Эта разница служит поводом для тягостных размышлений. Николай пишет о цензуре, о том, что не надеется на то, что истинные масштабы беды и причины взрыва будут обнародованы, он даже сомневается в том, что его письмо дойдет до адресата и просит отца обязательно сообщить о получении, если такое случится.

Пока еще перед нами свидетельства успешного для русского оружия 1915 г., но сгущающаяся атмосфера войны постепенно охватывает Горинова. Несмотря на личностную установку на торжество родины: «Дай Бог чтобы это несчастье было последним в жизни России до заключения победоносного мира в Берлине», – он признается: «...нахожусь в ужасно угнетенном состоянии, благодаря этому несчастью, нет охоты ни работать и нет спокойствия и уверенности, что завтра не произойдет еще какой-либо беды» (БKM. ОФ. КП. Л. 1746).

Вторым планом личностных преобразований молодого Горинова становится прагматизм. Сын купца, как бы ни был увлечен патриотической волной, он не может не прислушиваться к низменным процессам, происходящим в жизни общества. При этом положение, которое Николай занимает в связи со своей службой, дает ему смелость давать советы отцу, перед которым он благоговеет: «Дорогой папа... Если у тебя есть золото, т.е. деньги золотые, то ты его береги, так как теперь на каждой тысяче золотом можно нажать рублей 260, 300, обменивая их на бумажки, а каким образом сейчас я объясню. Государственный банк, чтобы привлечь к себе золото продает заграничную валюту, например английские фунты. Английская денежная единица, как наш рубль, английский фунт в нормальное время стоил 9 р.[ублей] 50 к.[опеек] по курсу по цене, существующей до войны, т.е. по 96 р.[ублей] 50 к.[опеек] за 10 фунтов, но при условии уплаты золотом. Купите валюту в Государственном Банке ее можно сейчас продать другому какому-либо банку по существующей стоимости на бирже цен; теперь же 10 фунтов стоят около 130 рублей. Не думаю, что это какая-нибудь биржевая операция, на которой можно проиграть. Нет, это совершенно беспроектное дело, но при условии наличия золота. Так что, если есть золото, то береги его и пришли либо мне (ценной посылкой), либо продумай эту операцию в Москве сам. Купцы тебя научат; но свои векселя золотом не оплачивай» (БKM. ОФ. КП. Л. 1758). Это еще только июль 1915 г. В ноябре 1916 г. товарный голод становится обыденностью, и это всего лишь первая из бед, которые составят повседневность страны на долгие годы: «В городских магазинах товару мануфактурного мало, выбор плохой и дорого, а дальше и еще хуже, должно быть будет... некоторые в дальних станицах нарочно покупают при случае и говорят, что городские купцы посылают в станицы скупать у купцов оптом мануфактурный товар» (БKM. ОФ. КП. Л. 1733).

Последнее по времени отправления письмо, имеющееся в коллекции, написано дядей Николая Петром Васильевичем. В нем мы находим своеобразный реквием разрушающейся жизненной ткани: «Ниоткуда нет писем. Видал я Васю во сне больным (он давно не пишет мне, хоть и я тоже ему давно не писал)» (БKM. ОФ. КП. Л. 1733об.).

К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют проследить личностные трансформации Николая Горинова далее. А между тем, именно в следующие месяцы или годы происходят с ним самые важные вещи, самые сложные размышления, в результате которых младший Горинов совершает свой жизненный выбор. О дальнейших событиях в семье боковского купца мы узнаем из рукописи краеведа А.Д. Красноглазова. Если бы настоящая статья была романом, то следующий фрагмент можно было бы назвать эпилогом: «...после того как мигулинские и казанские [казаки] восстали, боковская контрреволюция подняла голову. Горин и псаломщик Мохов снабжали патронами восставших казаков»

(Красноглазов, 1971: 106¹); «Белоказаки на пасхальной неделе в начале мая 1918 года прогнали через Боковскую 220 человек пленных. Этим пленным 2 суток держали в Боковской, где сейчас дом Маяцкого П.И., был дом купца Горина, лавка. Пленных кормили люди, кто что принесет. А потом погнали их в Каргинскую и на бугре всех расстреляли» (Красноглазов, 1971: 106); «А после, красные (Боковский ревком, Никонов А.А.) расстреляли в песчаной-кленовой (так в тексте. – Т.В.) балке в хуторе Земцов купца Горина вместе с псаломщиком Моховым» (Красноглазов, 1971: 38); «А его сын Николай инженер путей сообщения воевал на стороне красных. А жена Горина жила во флигеле. А потом наверное ее забрал сын» (Красноглазов, 1971: 39).

Есть в этой истории эпилог, есть и постскриптум: в интернет-источниках удалось найти справку о Горинове Николае Александровиче, осужденном 23 августа 1931 г. по статье 58, п. 1а (вредительство) на 10 лет лагерей без права переписки. Из справки следует, что Н.А. Горинов родился в 1885 г. в Донецком округе Донской области, на момент ареста и предъявления обвинения проживал в г. Томске, работал на железной дороге начальником хозяйственно-материального отдела. Был полностью реабилитирован 4 октября 1989 г. (Горинов Николай Александрович, 2017).

4. Выводы

Зная о близких и уважительных, особенно со стороны Николая, отношениях между отцом и сыном, можно только догадываться, почему они оказались по разные стороны баррикад. Возможно, старший Горинов, как человек, «сделавший себя сам», держался за ту власть, которая позволила ему подняться, видел в ней надежное будущее для себя и своей семьи. Причем, не делая особой разницы между прежним самодержавием и вновь организованной самостийной казачьей республикой, он, видимо, ориентировался на лозунги против большевиков и за старинные вольности. Выбор Николая может быть понятен, если принять во внимание романтический склад его характера, жажду нового и стремление совершить в жизни что-то особенное. В конечном счете, оба они стали жертвами социальной бури.

На примере Гориновых можно широкими мазками очертить судьбы двух поколений российских провинциалов, изначально весьма далеких от политики, но сыгравших ведущую роль в событиях начала XX в. Мировая война произвела с ними, с их душами и характерами свои разрушительные и жестокие манипуляции, поставила перед ними страшные вопросы. Мало кто смог остаться сторонним наблюдателем: одни заняли активную позицию, другие же невольно оказались в роли человеческого топлива в революционном пожаре. Но и для тех, и для других дороги в прежний уютный и упорядоченный довоенный мир уже не было.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г. по проекту «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ госрегистрации проекта АААА-А16-116012610049-3).

Литература

- БКМ. ОФ. КП – Боковский краеведческий музей. Основной фонд. Книга поступлений
 Горинов Николай Александрович, 2017 – Горинов Николай Александрович (1885): формуляр базы данных «Жертвы политического террора в СССР». Книги памяти Томской области // Сайт «Открытый лист». URL: [https://ru.openlist.wiki/Горинов_Николай_Александрович\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/Горинов_Николай_Александрович(1885)) (дата обращения: 14.04.2017).
 Катков, 2006 – Катков Г.М. Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006. 488 с.
 Красноглазов, 1971 – Красноглазов А.Д. Краткая история Боковского района. [Рукопись] Х. Белавин, 1971. 458 с.
 Этот день 100 лет назад, 2018 – Этот день 100 лет назад. 02 мая (19 апреля) 1915 года. URL: <http://nik191->

¹ Место хранения оригинала не установлено. Здесь и далее ссылки даны по машинописной копии, хранящейся в Боковском районном краеведческом музее [б. н.].

1.ucoz.ru/publ/novosti_dnja/ehdot_den_100_let_nazad/ehdot_den_100_let_nazad_02_maja_19_aprelja_1915_goda/4-1-0-5874 (дата обращения: 15.04.2018).

Vlaskina, 2017 – Vlaskina T.Yu. Family Group against a Background of the End of the Empire: Gorinovs from Khutor Bokov. Part 1 // *Русская старина*. 2017. Т. 8. № 2. С. 143–153.

References

БКМ. ОФ. КР – Bokovskii kraevedcheskii muzei [Bokov regional museum of local lore]. Basic fund. Book revenues [in Russian].

Gorinov Nikolai Aleksandrovich, 2017 – Gorinov Nikolai Aleksandrovich (1885): formulyar bazy dannykh “Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR”. Knigi pamyati Tomskoi oblasti [Gorinov Nikolai Aleksandrovich (1885): the card from database “Victims of political terror in the USSR”/ Memorial book of the Tomsk region] // Sait “Otkrytyi list” [Website “Open list”]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Горинов_Николай_Александрович_\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/Горинов_Николай_Александрович_(1885)) (accessed on: April 14, 2017) [in Russian].

Katkov, 2006 – Katkov G.M. (2006). Fevral'skaya revolyutsiya [The February Revolution]. Moscow: Tsentrpoligraf. 488 p. [in Russian].

Krasnoglazov, 1971 – Krasnoglazov A.D. (1971) Kratkaya istoriya Bokovskogo raiona [A Brief History of the Bokovsky District] [Manuscript]. Kh. Belavin. 458 p. [in Russian].

Etot den'100 let nazad, 2018 – Etot den' 100 let nazad. 02 maya (19 aprelya) 1915 goda [This day 100 years ago. May 2 (April 19) 1915]. URL: http://nik191-1.ucoz.ru/publ/novosti_dnja/ehdot_den_100_let_nazad/ehdot_den_100_let_nazad_02_maja_19_aprelja_1915_goda/4-1-0-5874 (accessed on: April 15, 2018) [in Russian].

Vlaskina, 2017 – Vlaskina T.Yu. (2017). Family Group against a Background of the End of the Empire: Gorinovs from Khutor Bokov. Part 1 // *Russkaya starina*. Vol. 8. Is. 2. pp. 143–153. [in Russian].

Семейная группа на фоне конца империи: Гориновы из хутора Бокова. Часть 2.

Татьяна Юрьевна Власкина^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена антропологическим аспектам истории русских революций. В центре внимания – судьба инженера-железнодорожника Николая Александровича Горинова, выходца из провинциальной купеческой семьи. На примере Гориновых выявляются нереализованные перспективы мирной эволюции в социально-экономическом развитии Дона, которые существовали на рубеже XIX–XX вв., рассматриваются возможные мотивы личного политического выбора, перед которым оказались члены семьи в ходе событий революции и Гражданской войны.

В первой части был дан очерк жизни Гориновых до середины 1915 г., характеров и отношений между членами семьи. Главная тема второй части – восприятие молодым человеком событий Первой мировой войны и происходящие с ним перемены. Из восторженного мечтателя юноша постепенно становится опытным прагматиком. Основным материалом исследования служат письма Горинова к родителям, сохранившиеся в станице Боковской под обшивкой старого купеческого дома.

Ключевые слова: Первая мировая война, Петроград, Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога, Верхнедонское восстание, эпистолярный жанр, жизненный выбор, судьба.

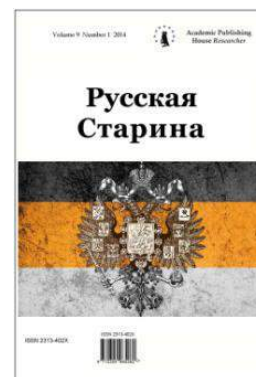
* Корреспондирующий автор
Электронный адрес: vlaskiny@mail.ru (Т.Ю. Власкина)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 88-99

DOI: 10.13187/rs.2018.1.88
www.ejournal15.com

The Role of the Print Media in the Formation of the Soviet Cossacks Image in the 1930s

Olga V. Rvacheva ^{a, *}

^a Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The Soviet authorities paid great attention to the media as means of formation of the image of the Soviet regime. The Soviet print media, primarily newspapers, had many facilities for propaganda and ideological influence hence they could form the public attitudes. The periodicals created certain images of the State political and economic campaigns, the specific characteristics of various social groups, as well as sent signs to readers as to who were “insiders” to the system and who were not. In the 1930s papers regularly published materials on the Cossacks that, on the one hand, showed how this social group interpreted the social and economic reorganization of the country and, on the other hand, formed a new image of the Cossacks themselves. The author of the article attempted a research on how the Soviet newspapers formed the image of the new Soviet Cossacks.

Keywords: the Cossacks, socialist modernization, mass media, public response, Cossacks images.

1. Введение

Традиционно средствам массовой информации (далее – СМИ) в общественно-политических процессах отводится большая роль. Возможности СМИ как части медиaprостранства, института коммуникации резко возрастают в XX в. в связи с появлением новых средств и технических возможностей. Появление в медиaprостранстве радио, кино и телевидения существенно повысили возможности СМИ воздействовать на общество, формировать общественное мнение. Однако печатные СМИ и в особенности газеты, по крайней мере, в первой половине XX в. продолжали оставаться важнейшим механизмом формирования настроений, взглядов и мнений общества.

В связи с коммуникативными возможностями СМИ в любой общественно-политической системе современности государственная власть стремится воздействовать и управлять ими. Такой «дисциплинирующий контроль над медиа» в совокупности с «управлением восприятием реципиентов через медиальные аппараты» позволяет власти делать коммуникацию с обществом однозначной и понятной (Гюнтер, Хэнсен, 2006: 6). Взаимодействие власти и СМИ остается важной частью управления общественной коммуникацией в любом обществе. Однако в различных государственно-политических

* Corresponding authors
 E-mail addresses: olgarvacheva@mail.ru (O.V. Rvacheva)

системах сами СМИ и их взаимодействие с властью приобретают специфические черты и задачи. Так, например, повышенное внимание в советской стране к новым медиа-средствам (радио и кино) связывается со стремлением повысить идеологическое воздействие на массы и создать унифицированное пространство коммуникации. В связи с этим новые технические масс-медиа приобретают центральное значение (радио – это «рупор революции»). Таким образом, в развитии медийной системы в Советской России ведущими являются политические и идеологические мотивы, в отличие от западных обществ в которых в развитии медийного пространства важную роль играют мотивы коммерции (Гюнтер, Хэнсен, 2006: 9).

На наш взгляд, можно выделить два наиболее общих подхода к интерпретации роли СМИ. Первый подход – СМИ являются средством манипуляции общественным сознанием, второй – СМИ конструируют видение обществом окружающего пространства. При определенной схожести эти два подхода по-разному характеризуют процесс воздействия на общество и результат этого воздействия. Само понятие «манипуляция» нередко имеет отрицательную коннотацию. Так В.П. Шейнов в исследовании манипулятивного потенциала масс-медиа приводит высказывание С. Кара-Мурзы о том, что СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации, и главное в их сообщениях – идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой (Шейнов, 2010: 550). В манипулятивный потенциал СМИ входят: искажение реальности путем замалчивания одних фактов и выпячивания других, публикация ложных сообщений, пробуждение у аудитории нужных эмоций при помощи визуальных средств и словесных образов: «Все эти приемы различаются по силе воздействия и содержанию, но их объединяет одно: все они направлены на создание определенного эмоционального настроения и психологических установок у аудитории» (Шейнов, 2010: 550).

В рамках другого подхода СМИ рассматриваются, прежде всего, как средства коммуникации, создающие новую среду обитания для человека. СМИ неизбежно вкладывают свои смыслы в передаваемую информацию. В. Зверева, исследуя репрезентативные образы СМИ и реальность, отмечает, что искаженные образы СМИ «подобны самой реальности» и в какой-то момент заслоняют ее (Зверева, 2003). Таким образом, ткань повседневности начинает подчиняться формату и власти СМИ. Для формирования образа реальности СМИ используют визуальный и вербальный языки: видеоряд, название, подбор слов в которые облекается ситуация (Зверева, 2003).

Все выше сказанное, на наш взгляд, удачно и адекватно характеризует возможности СМИ в период развития советского строя в 1920–1930-х гг. По замечанию специалистов, советская пресса никогда не была зеркалом, отображающим действительность. Газеты старались показать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть, согласно официально принятой схеме развития общества (Данилевский и др., 2004: 625). Д. Брукс отмечает, что советская печать и газеты в частности, являлись наиболее эффективными институтами, активно формировавшими советский опыт и определявшими те пути, которыми шло массовое восприятие этого опыта (Брукс, 2006: 228).

Советские газеты 1920–1930-х гг. формировали отношение общества к различным экономическим и политическим кампаниям. Способы подачи материала, употребляемые термины, освещаемые сюжеты раскрывали реальность советского общества. Частью этой реальности являлись и советские казаки. Вовлеченные в процессы строительства нового общества, они на себе испытывали позитивные и негативные результаты этого процесса, но и сами, являясь частью этого общества, способствовали созданию новой советской реальности. Материалы о казачестве на юге России и о донском казачестве в частности раскрывали жизнь этой социальной группы, а особенности изложения материала и подборка сюжетов о казаках способствовала формированию особого образа казачества и отвечала социально-политическим задачам власти.

2. Материалы и методы

Основными источниками для раскрытия проблематики статьи стали материалы о казаках, публиковавшиеся в период 1930-х гг. в центральных и краевых газетах, таких, как «Правда», «Известия», «Молот». Специфическое свойство периодической печати – ее многоплановость. Она включает самую разнообразную по жанру, происхождению и

содержанию информации (Данилевский и др., 2004: 621). Богатство и многоплановость периодической печати делает ее важным историческим источником. Материалы прессы делятся на информативные, аналитические, художественно-публицистические. Это позволяет исследователю выбирать и анализировать различные сюжеты в соответствии с его исследовательскими задачами. Однако, вместе с тем именно периодическая печать характеризуется как сильное манипулятивное орудие, важнейшее средство формирования общественного сознания. В этом плане у периодической печати как части СМИ не самая лучшая репутация с точки зрения достоверности сведений, в ней содержащихся. Однако информацию этого важного источника нельзя игнорировать. Газеты советского периода, будучи продуктом своего времени, как никакой другой источник позволяют почувствовать своеобразие публичной атмосферы, определить, что в тот или иной момент находилось в фокусе внимания власти и соответственно получало наибольшее внимание со стороны прессы. Центральные и региональные газеты 1920–1930-х гг., освещавшие политику власти в отношении казачества, содержат уникальный материал по политическим кампаниям поддержки казачества, позволяют определить период наивысшего расцвета и угасания таких кампаний, как, и с помощью каких мероприятий формировался образ казака, лояльного новой власти. Содержание газет позволяют определить и уровень достижения консенсуса казаков с властью на основе материалов, свидетельствовавших об участии казаков в политических и хозяйственных кампаниях, формируя, таким образом, свое представление об общественном сознании казачества и облике эпохи.

Методологической основой статьи являются принцип историзма, согласно которому историческое явление должно рассматриваться в контексте своей эпохи, принципы объективности и системности. В работе были использованы историко-системный метод, а также источниковедческий анализ, предполагающий выяснение информационных возможностей источника и его научно-познавательной ценности.

3. Обсуждение и результаты

В конце 1920-х – 1930-х гг. в стране разворачиваются масштабные процессы социалистической модернизации. Для успешного их развития требовалось вовлечение в данные процессы всех социальных групп населения. Несмотря на то, что уже в конце 1920-х гг. партийно-советское руководство на юге России постепенно сворачивало кампанию «лицом к казачеству» и выделение казаков как группы, требующей особого внимания и подхода, тем не менее, в ходе формирования в газетах информационных материалов сопровождения хлебозаготовок, коллективизации, проведения самообложения, государственных займов, обращается внимание на то, как эти мероприятия поддерживаются разными группами населения, в том числе казаками. В 1927 г. еще сохранялась инерция кампании «лицом к казачеству», одной из важнейших задач которой являлось вовлечение казаков в советское строительство. В связи с этим в материалах газеты «Молот» за 1927 г. регулярно встречаются статьи о работе казаков в партийно-советских органах. Один из материалов ноябрьского номера газеты так и назывался – «Казачья и крестьянская работа» (Казачья и крестьянская работа на советской работе, 1927). В статье освещались успехи казака станицы Мариинской Ф. Вакуленко, который за короткий срок стал заместителем заведующего кубанского окружного финотдела, кандидатом в члены ЦИКа СССР. В газете отмечалось, что казак Ф. Вакуленко выполнял все ответственные поручения окружного исполкома, руководил тиражом крестьянского займа в станице Славянской. Главной задачей такой информации была демонстрация продвижения рядовых казаков и крестьян на советской работе, а также формирование образа «своего» для казачье-крестьянского населения среди советских чиновников. Например, в той же статье подчеркивалось: «Хлеборобы-просители при посещении финотдела, обязательно заходят к своему станичнику “побалакать”» (Казачья и крестьянская работа на советской работе, 1927).

Другой формат опубликованных в периодических изданиях статей – приветствия представителями различных социальных групп партийно-советских мероприятий. Так, в ходе освещения на страницах газеты работы четвертой краевой партийной конференции, в одном из номеров была помещена статья под названием «Приветствие представителей рабочих и трудового казачества» и подзаголовок «Трудовое казачество – под ленинские знамена» (Приветствия представителей рабочих и трудового казачества, 1927). В статье

приводились выдержки из приветственного выступления на конференции казака Багаевского района Донского округа, который, говоря от имени «трудовых казаков», отмечал, что «пославшие нас сюда красноармейцы, крестьяне и трудовые казаки-хлеборобы поручили нам заявить их уверенность, что мы под знаменем и под руководством коммунистической партии как шли в дни Октября, так и пойдем в дальнейшем» ([Приветствия представителей рабочих и трудового казачества, 1927](#)).

В 1928 г. в газете «Молот» описывался ход хлебозаготовительной кампании в Северо-Кавказском крае. Многочисленные статьи на эту тему содержали информацию о достижениях данной кампании в округах, районах и населенных пунктах, выполнявших и перевыполнявших план хлебозаготовительной кампании, либо отстававших в его выполнении. Ряд материалов имели выраженную социально-групповую маркировку: сдают хлеб казаки, крестьяне, бедняцко-средняцкое население, кулаки и пр. В статьях под общим названием «Хлебозаготовительная кампания на Северном Кавказе» указывалось, какой округ, район или станица уже сдали хлеб: «Январское задание Края по Донскому округу выполнено полностью», «по количеству заготовленного хлеба на первом месте стоит Старо-Минский район» и т.п. ([Хлебозаготовительная кампания на Северном Кавказе, 1928](#)). Здесь можно выделить и группы статей, информация в которых имела ярко выраженный пропагандистский характер, демонстрировала реакцию населения на хлебозаготовительную кампанию и была более образной и эмоциональной по содержанию. В статье под названием «Флаги давай! Речь говори!» приводился пример, когда жители села Песчанокского партизаны-бедняки превратили хлебосдачу в демонстрацию: «5 февраля к сельсовету подъехало подвод пятнадцать с хлебом. Бедняцких подвод: "Флаги давай! Речь говори!". После речи демонстранты повезли хлеб на элеватор. Пример оказался заразительным. 6 февраля новая группа снова требовала: "Флаги давай!" <...> Бедняки обращаются в кооперацию: "Вот я принес последнюю пару пудов. Государству нужен хлеб, и я даю вам его вкладом". Приходилось даже сдерживать. Но бедняки заявляют: "Я продам, сдам вкладом последний, оставленный для еды хлеб. Продам все, и кулака заставлю продать. Я уверен, что государство меня обеспечит и семенами, и мукой"» ([Флаги давай, 1928](#);). На фотографии к другой статье запечатлен митинг селян, привезших хлеб на ссыпной пункт в Азов. Подводы с хлебом украшены красными знаменами и транспарантами «Крестьянский хлеб – государству», «Коллективно даем хлеб для поднятия хозяйства страны», среди собравшихся присутствовали гармонисты, что должно было символизировать торжественную и праздничную атмосферу ([Коллективно, со знаменами, 1928](#)).

В 1930 г. основное внимание в газетных статьях уделялось колхозному строительству и борьбе с кулаками. В этом плане весьма красноречиво выглядели заголовки газетных статей. Вот лишь некоторые из них: «Нанести смертельный удар по кулачеству», «Заставить кулака и зажиточного сдать хлеб государству», «Кулака в колхоз не пустим», «Уничтожить кулаков как класс», «Чтобы и духу кулацкого не было около колхозов» и т.п. Для демонстрации поддержки различными социальными группами населения колхозного движения ряд материалов газеты «Молот» вновь получали социальную маркировку. В частности, большая статья А.А. Андреева, являвшегося на тот момент руководителем Северо-Кавказской партийной организации, в одном из мартовских выпусков газеты имела весьма символичное название «От Вандей в прошлом – к крупному социалистическому земледелию» ([Андреев, 1930](#)). С учетом того, что «Русской Вандеей» большевистское руководство в период Гражданской войны именовало территории казачьих войск юга России, название статьи содержало явный намек на современную ситуацию в казачьих районах. В самой статье говорилось о победе колхозного и совхозного земледелия, прежде всего, в казачьих районах: «Богатейший край по своим сельско-хозяйственным возможностям, край, где крепче, чем где либо в другом районе СССР, был кулацкий слой, край, который справедливо называли в прошлом российской Вандеей, потому что там царизм десятилетиями находил свою опору <...>, там рождалась после 1917 г. контрреволюция <...>, где все время было заложено очень много политических опасностей для советского строя, теперь стал краем наиболее крупного в СССР совхозного и колхозного земледелия. Казачье-крестьянские округа – Кубань, Дон, Терек <...> коллективизированы на 85 проц[ентов]» ([Андреев, 1930](#)).

В одном из апрельских номеров газеты «Молот» было опубликовано постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О работе среди казачьего населения Северного

Кавказа» ([О работе среди казачьего населения, 1930](#)). Центральной мыслью документа являлось вовлечение казачества в социалистическое переустройство народного хозяйства. Статья демонстрировала заинтересованность власти в активном участии казачества в колхозном строительстве. Вновь поднимался вопрос о необходимости увеличения количества казаков в составе станичных и хуторских советов, выдвижения казаков-середняков и бедняков на руководящие должности в органах местного самоуправления. Отсутствие активной работы с казаками оценивалось крайне негативно: «Тот, кто по-настоящему не ведет работы с основными массами казачества, кто допускает в отношении его искажение линии партии, тот является прямым пособником кулаку, и с такими элементами, как с оппортунистическими, Северо-Кавказская организация должна вести непримиримую, решительную борьбу» ([О работе среди казачьего населения, 1930](#)). Появляются проказачьи лозунги и призывы со стороны партийно-советских органов: «Теснее сплотить бедняцко-середняцкие массы казачества вокруг партии и советов!», «Небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого, недоверчивого отношения к казаку только потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях» ([О работе среди казачьего населения Северного Кавказа, 1930](#)). Вслед за этим в газете были опубликованы статьи о вовлечении в колхозное строительство казачек, об освобождении их из-под влияния кулаков, рисовавшие деятельного казака-колхозника: «Заведует участком тов. Греков – казак, середняк, усилиями которого 2-й оптимальный участок заслуженно выделяется достигнутыми в работе результатами среди всех участков колхоза» ([Участок казака Грекова, 1930](#)).

Таким образом, в ходе проведения основных хозяйственных кампаний в конце 1920-х – начале 1930-х гг., власть стремилась показать казаков, как сторонников своей политики. Однако самая мощная по своим масштабам и формам кампания по демонстрации казаков как союзников и опоры власти, началась только в 1936 г.

В начале 1936 г. в стране была развернута кампания, получившая название «за советское казачество». Ее внешними атрибутами были: официальные распоряжения и действия партийно-советского руководства по презентации казачества, кампании в прессе по формированию положительного облика казачества (пресса была буквально переполнена материалом о жизни казаков, новых культурных веяниях в станицах и хуторах, праздниках с участием казаков и т.д.), организации различных мероприятий с участием казаков (от военных парадов, до выступлений казачьей самодеятельности) и т.д. Начало кампании исследователи отсчитывают с февральского совещания животноводов, проходившего в Кремле, на который была приглашена делегация донских и терских казаков. Всероссийское совещание передовиков животноводства закрылось 16 февраля 1936 г., а 18 февраля в газете «Правда» уже была напечатана статья «Советские казаки», провозглашавшая приятие казаками советского и колхозного строя. В статье содержались три основных идеологических установки, которые закрепляли необходимое власти восприятие социальной группой казаков советского строя, колхозного строя и фактически состоявшегося объединения разнородных социальных групп в единую общность – советский народ. В статье говорилось о том, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью», «казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству»; «...казачество на практике убедилось в преимуществе колхозов над старым, средневековым, станичным порядком» ([Советские казаки, 1936](#)). Манифестация единства казаков со всем советским народом являлась, на наш взгляд, одной из важнейших задач статьи. Так, в статьях постоянно подчеркивалось, что «казачество заняло свое место в рядах революционного народа, строящего социалистическую жизнь», «стало отрядом революционных сил, активным участником общего дела советского народа», «представители донского и терского казачества <...> поднялись на кремлевскую трибуну, приветствуемые восторженной овацией многотысячного собрания представителей народов всего Советского Союза. Весь съезд, во главе со Сталиным, с руководителями партии и правительства, приветствовал посланцев казачества, и с величайшим вниманием и громадным воодушевлением выслушал их речи» и т.д. ([Советские казаки, 1936](#)). Статья получила огромный резонанс в политической и общественной сферах. Азово-Черноморский

крайком ВКП(б) в специальном постановлении обязал райкомы ВКП(б) ознакомить местное население со статьей и провести беседы о роли казачества в строительстве социализма (Скорик, 2008: 200).

Краевые и окружные власти, словно по сигналу, организовали серию мероприятий проказачьей направленности, задача которых заключалась в демонстрации того, что казаки стали советскими. Освещение этих мероприятий проходило в центральных и краевых печатных СМИ. По тематике газетные статьи 1936 г. можно разделить на несколько групп, выполнявших различные задачи. Первая группы – это статьи политического характера, главной задачей которых можно назвать донесение до общественности идеи советизации казачества. К таким статьям относились «Советские казаки», «Колхозное казачество», «Казачество колхозной Кубани». Основными положениями их являлись, во-первых, победа советской власти и колхозного строя в казачьих районах: «<...> колхозное казачество не знает другой родины, кроме советской; советская власть – своя, близкая, родная власть, власть трудового народа, и колхозное казачество – часть этого великого народа» (Колхозное казачество, 1936). Во-вторых, противопоставление положения казаков в советской системе их положению военно-служилого сословия: «Никогда раньше не было однородного казачества. Атаманская и кулацкая верхушка измывалась над трудовыми казаками <...>, эксплуатировала, обучала только военной муштре, да пресмыканию перед царем, да наказными атаманами <...> А сейчас нет на советской земле казаков-эксплоататоров. Казаки Кубани так же, как и казаки Дона, как казаки Терека, глубоко преданы своему советскому государству» (Казачество колхозной Кубани, 1936). В-третьих, колхозное благополучие казачьих станиц: «Не та теперь казачья станица <...>. Изменился ее облик. Стала она колхозной станицей, и жизнь в ней стала иной – радостной, счастливой, зажиточной» (Казачество колхозной Кубани, 1936).

Таким образом, в начале 1936 г. в центральной и краевой прессе публиковались статьи, содержавшие политические установки для казачьего сообщества, и в целом для всего советского общества, относительно развертывания кампании «за советское казачество». Впоследствии основные идеи, касающиеся того, что казачество стало советским и колхозным, настойчиво манифестировались практически в каждой статье по казачьей тематике. Так, 5 мая 1936 г. в Пятигорске открылся «Праздник джигитов Северного Кавказа», в котором приняли участие представители всех национальных областей Северного Кавказа, казаки Дона, Кубани и Терека. Праздник должен был продемонстрировать единство и дружбу народов данного региона, и их тесную связь с партией и советским руководством (Праздник джигитов Северного Кавказа, 1936). Газета «Правда» посвятила этому событию несколько статей. Праздник открывался заседанием президиума краевого исполнительного комитета, которое происходило на стадионе. В «Правде» это описывалось следующим образом: «<...> на стадионе “Динамо”, где происходило заседание, присутствовало 4 тысячи гостей. Одеты в красочные национальные костюмы, они представляли единую дружную семью народов многонационального Северного Кавказа» (Праздник джигитов Северного Кавказа, 1936). 6 мая на пятигорском ипподроме состоялся парад. Все областные и краевые партийные и советские руководители, в числе которых был секретарь Северо-Кавказского краевого комитета партии Е.Г. Евдокимов, принимали парад верхом на конях, одеты в черкески, а участников парада газета именвала казачьими национальными сотнями джигитов: «Захватывающим было зрелище, когда начали проходить казачьи национальные сотни джигитов. Донцы, кубанцы, терцы, ставропольцы, кабардинцы, дагестанцы, карачаевцы, черкесы – все в национальных костюмах, все на быстрых конях» (Праздник джигитов Северного Кавказа, 1936).

Ко второй группе можно отнести статьи и фотоматериалы, в которых в той или иной форме пропагандировалась военная культура и военная служба казаков, их готовность защищать советскую родину. 21 апреля 1936 г. в газете «Правда» было опубликовано постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» (Постановление ЦИК СССР, 1936). После этого в центральной и краевой прессе в изобилии появились статьи, пропагандировавшие военную службу и военную культуру казачества. Так, уже 24 апреля 1936 г. «Правда» опубликовала статью «Соколами слетимся на защиту великой родины», в которой говорилось: «С радостным волнением, чувством глубокой благодарности партии, правительству, великому Сталину встретило постановление ЦИК

СССР колхозное казачество Новочеркасского района Азово-Черноморья» ([Соколами слетимся, 1936](#)). 27 апреля в «Правде» было опубликовано письмо донских казаков наркому обороны Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову «Оборона советской родины – наше кровное дело», подписанное 8600 казаками-колхозниками ([Оборона советской родины, 1936](#)). В письме, в частности, говорилось: «Мы заверяем Вас, товарищ Ворошилов, и просим передать вождю народов товарищу Сталину, что мы, все колхозники – донские казаки, готовы по первому Вашему зову пойти в конном строю на защиту нашей социалистической родины и разить любого врага на любой границе» ([Оборона советской родины, 1936](#)).

На наш взгляд, квинтэссенцией демонстрации военно-патриотических настроений казачества стало выступление делегатов-казачков на совещании животноводов, открывшемся в Москве 13 февраля 1936 г., опубликованное затем в большом материале в нескольких номерах газеты «Правда». Тон выступлений делегатов-казачков был очень воинственный, с упором на воинские традиции казаков, и желанием их возродить в современных условиях. Одним из наиболее характерных пассажей в выступлениях казаков является отрывок из речи Фрола Скылкова, заведующего животноводством колхоза «Знамя колхозника» Северо-Донского округа Азово-Черноморского края, в котором он, во-первых, заявлял о готовности казаков выступить на защиту Отечества: «Могу сказать, товарищи, что донские казаки, в случае какой-либо попытки врагов напасть на нашу советскую родину, под руководство тов. Ворошилова и тов. Буденного будут драться в передовых рядах против врагов нашей родины», а во-вторых, в достаточно агрессивном тоне обещал расправиться со всеми врагами советской власти: «И в случае, если какое-нибудь свиное рыло попытается лезть своим носом в наш советский огород, то все мы своей казачьей рукой, казачьей пашкой отсекем ему нос и заодно и голову прочь» ([Совещание передовиков животноводства, 1936](#)).

Мотив готовности казаков воевать звучал и в речах других делегатов из казачьих районов. Так, заведующий свиноводческой фермой колхоза имени XVII съезда ВКП(б) Глубокинского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края П.С. Коломейцев заявлял о том, что казацкая молодежь готовится к обороне страны: «<...> разрешите заверить тов. Сталина в том, что донские казаки всегда по первому зову будут готовы дать отпор всем врагам, которые попытаются напасть на нашу страну» ([Совещание передовиков животноводства, 1936](#)). Вообще же, из 78 речей с совещания, опубликованных в газете «Правда», освещавшей ход данного мероприятия, воинственные заявления с обещаниями расправиться с врагами советской родины, а также те, в которых так или иначе манифестировались традиции воинской культуры, звучали только у казаков.

Широкое освещение в прессе получило движение ворошиловских кавалеристов – военных клубов, аналогов клубов ворошиловских стрелков. С инициативой организации таких клубов выступили молодые казаки из колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края. Как отмечает А.П. Скорик, их инициатива отвечала мобилизационному характеру общественной жизни того времени ([Скорик, 2008: 263](#)). В январе 1936 г. было опубликовано несколько небольших заметок, содержащих информацию об инициативе казаков по созданию таких клубов, и о реакции на нее. Так, в статье «Ворошиловские всадники» отмечалось: «<...> мы хотим, чтобы каждый комсомолец, каждый молодой колхозник умел по-ворошиловски стрелять, и по-ворошиловски, по-буденовски конем управлять» ([Ворошиловские всадники, 1936](#)). В других заметках говорилось, что письмо молодежи колхоза «Донской скакун» с живейшим интересом было обсуждено и одобрено на совещании актива комсомола Вешенского района, а также о том, кто откликнулся на призыв и в каких станицах начал разворачиваться процесс создания клубов ([Призыв подхвачен, 1936](#)). Большая статья пропагандистского характера на эту тему была опубликована в февральском номере газеты «Молот». В ней отмечалось: «Советский казак глубоко любит свою родную колхозную станицу, свой родной, цветущий колхозный Дон, свою родную колхозную Кубань, свой край, свою прекрасную родину. За расцвет и счастье своей любимой родины колхозные казаки будут бороться, как львы... Мы – новая колхозная молодежь, и хотим овладеть военно-конным делом, чтобы по первому зову правительства вскочить на коней и смело ринуться на всякого, кто посмеет поднять оружие против нашей социалистической родины» ([Ворошиловские кавалеристы, 1936](#)).

Третья группа газетных материалов популяризировала культуру донского казачества через новые образы повседневности. В центральной прессе можно было встретить статьи следующего содержания: «Огромные успехи края (Азово-Черноморского – *О.Р.*) в развитии и укреплении колхозов и промышленности явились основой для небывалого расцвета народного творчества буквально во всех областях. В наших станицах и хуторах распевают десятки новых песен, сотни частушек, созданных народом, отображающих новую, радостную жизнь и воспевающих творца этой жизни великого Сталина» ([Таланты советского казачества, 1936](#)). Характерный образ такой новой радостной жизни казаков воспроизводился в известной песне «Собирались казаченьки», текст которой был опубликован в г. Правда в 1936 г.: «Собирались казаченьки, собирались на заре, / Думу думали большую на колхозном на дворе. / Если б нам теперь ребята в гости Сталина позвать, / Чтобы Сталину родному все богатства показать...» ([Песни советских казаков, 1936](#)).

Казачьи ансамбли художественной самодеятельности, казачьи хоры приглашались в Москву, выступали на столичных сценах, о чем широко рассказывалось в центральной и местной прессе. Культурная сторона кампании «за советское казачество», также, как военные и хозяйственные мероприятия данной кампании, имели большое пропагандистское значение. Так, секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) М. Малинов в статье «Таланты советского казачества» отмечал, что «показ казачьей художественной самодеятельности в столичном театре народного творчества – большое событие. Оно сыграет, несомненно, крупную роль для нашего края. Волна народного творчества поднимется еще выше» ([Малинов, 1936](#)).

В советской прессе 1936 г. встречается много писем казаков с благодарностью партии и правительству и заверениями казаков в их абсолютной преданности советской власти. Приведем два ярких, на наш взгляд, примера. Первый – это письмо, опубликованное в газете «Северо-Кавказский большевик», подписанное 365 «терскими казачками-матерями» ([Скорик, 2008: 218](#)). Письмо было адресовано лично Сталину и содержало следующие слова: «Все эти дни мы охвачены невыразимой радостью и счастливым волнением от тех забот и внимания, какие проявляют партия, правительство и ты сам к нам – советским казакам и казачкам. Признаемся тебе, что долгое время стыдились мы этого имени, ставшего при кровавом царизме проклятым и зорным <...>. Никто теперь нас не обманет, и никто нас не свернет с большевистского пути. Мы – казачки, вырастим родине и тебе, любимый Сталин, новое большевистское, казачье поколение...» ([Скорик, 2008: 218](#)). Второе письмо – письмо кубанских казаков товарищу Ворошилову, является ответной инициативой кубанцев на письмо донских казаков Литвинову от 11 февраля 1936 г. Начинается оно со слов: «Дорогой наш Климент Ефремович! Прочитали мы письмо донских казаков, написанное тов. Литвинову <...>. Признаться вам, задето очень наше самолюбие тем, что не мы первые высказали общие мысли донского и кубанского казачества. Но наше задетое самолюбие успокаивается тем, что еще не поздно заявить вам, наш дорогой маршал, о нашей готовности дать удар клинком по голове, пикой проколоть каждому пузо, кто попытается пробраться через советскую границу» ([Письмо кубанских казаков, 1936](#)). Характерный тон этих писем (бесчисленные восхваления мудрой политики партии и лично товарища Сталина), а также приемы их опубликования, когда донцы, кубанцы и терцы старались не уступить друг другу в выражении благодарности власти, позволяют говорить о спланированности подобных выражений радости и благодарности, а также о том, как и многие мероприятия, письменные реакции казаков на действия властей принимали форму кампаний, и должны были усиливать эффект воздействия на настроения общества.

Оценить реальные результаты кампании «за советское казачество» сложно, так как вся информация носит в основном официальный характер, и все, что относится к мероприятиям по советизации казачества, имеет однозначно положительную коннотацию. По справедливому замечанию А.П. Скорика, все задачи кампании могли быть реализованы только в том случае, если бы она встретила поддержку у казаков ([Скорик, 2008: 221](#)).

Таким образом, большинство газетных материалов скорее следует анализировать в контексте методов советской пропаганды, нежели рассматривать их как результат политики власти. Тем не менее, определенная часть казачества, и, скорее всего, весьма значительная, действительно приняла советскую власть, советизировалась в ходе трансформационных процессов 1920–1930-х гг.

4. Выводы

Итак, в печатных СМИ 1930-х гг. можно выявить значительное количество информации, свидетельствующей о процессе конструирования образа советского казака и его участия в строительстве советской системы и социалистических процессах реформирования народного хозяйства. На наш взгляд, сложившаяся ситуация имела характер кампании. Для реализации тех или иных своих мероприятий, в особенности имевших ключевое значение для строительства новой социально-экономической и политической системы, власть активно использовала социальные маркеры для создания впечатления вовлеченности всех групп общества в данные процессы. Казачество в этом плане также, как крестьянство и этнические группы, должно было демонстрировать включенность в эти процессы и положительную реакцию на них. Способы формирования материалов, его подача, позволяют выявить как манипулятивный компонент, так и процесс «конструирования реальности». СМИ 1930-х гг., разворачивая на страницах ситуацию активного участия казаков в хлебозаготовках, колхозном строительстве, создании клубов ворошиловских кавалеристов, выращивании донской лошади и т.п., намеренно замалчивали проблемы с реализацией этих кампаний, жалобы сельского населения, в том числе казачьего, на перегибы на местах при проведении хлебозаготовок, самообложения, навязывания казакам облигаций государственных займов и пр. В этот период в газеты поступало немало писем с жалобами от казаков на оскорбления и силовой нажим тех, кто на местах реализовывал политику власти, но эти письма в печать не выходили. Вместе с тем, в материалах налицо использование визуальных и вербальных приемов, при помощи которых создавался и популяризировался образ советского казака, пропагандировалась новая жизнь казачьих станиц. Многие материалы о казаках этого периода отражали реальные положительные изменения в казачьих регионах, становление новых условий жизни и вхождение казаков эти условия. Таким образом, печатные СМИ создавали новую советскую реальность, проецируя ее затем в сознание советского казачества.

5. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.».

Литература

- Андреев, 1930** – Андреев А.А. От Вандей в прошлом – к крупному социалистическому земледелию // *Молот*. 1930. № 2579. 6 марта.
- Брукс, 2006** – Брукс Д. «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Советская власть и медиа. Сб. статей. СПб.: Академический проект, 2006. С. 228–241.
- Ворошиловские всадники, 1936** – Ворошиловские всадники // *Молот*. 1936. 4 февраля. № 4403.
- Ворошиловские кавалеристы, 1936** – Ворошиловские кавалеристы // *Молот*. 1936. 4 января. № 4378.
- Гюнтер, Хэнсен, 2006** – Гюнтер Х., Хэнсен С. Введение // Советская власть и медиа. Сб. статей. СПб.: Академический проект, 2006. С. 5–13.
- Данилевский и др., 2004** – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. М.: РГГУ, 2004. 702 с.
- Зверева, 2003** – Зверева В. Репрезентативность и реальность // *Отечественные записки*. 2003. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_37.html (дата обращения: 10.12.2017).
- Казаки и крестьяне на советской работе, 1927** – Казаки и крестьяне на советской работе // *Молот*. 1927. 7 ноября. № 1880.
- Казачество колхозной Кубани, 1936** – Казачество колхозной Кубани // *Молот*. 1936. 4 марта. № 4428.
- Колхозное казачество** – Колхозное казачество // *Правда*. 1936. 24 апреля. № 114.

- Коллективно, со знаменами, 1928 – Коллективно со знаменами // *Молот*. 1928. 9 февраля. № 1958.
- Малинов, 1936 – Малинов М. Таланты советского казачества // *Известия*. 1936. 30 октября. № 253.
- О работе среди казачьего населения Северного Кавказа, 1930 – О работе среди казачьего населения Северного Кавказа. Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) // *Молот*. 1930. 27 апреля. № 2621.
- Оборона советской родины, 1936 – «Оборона советской родины – наше кровное дело». Письмо донских казаков наркомку обороны Маршалу Советского Союза товарищу К.Е. Ворошилову // *Правда*. 1936. 27 апреля. № 117.
- Песни советских казаков, 1936 – Песни советских казаков // *Правда*. 1936. 18 октября. № 288.
- Письмо кубанских казаков, 1936 – Письмо кубанских казаков товарищу Ворошилову // *Молот*. 1936. 5 марта. № 4429.
- Постановление ЦИК СССР, 1936 – Постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР о снятии с казачества ограничений по службе в РККА // *Правда*. 1936. 21 апреля. № 111.
- Праздник джигитов Северного Кавказа, 1936 – Праздник джигитов Северного Кавказа // *Правда*. 1936. 6–7 мая. № 123–124.
- Приветствия представителей рабочих и трудового казачества, 1927 – Приветствия представителей рабочих и трудового казачества // *Молот*. 1927. 25 ноября. № 1894.
- Призыв подхвачен, 1936 – Призыв подхвачен // *Молот*. 1936. 29 января. № 4398.
- Скорик, 2008 – Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 344 с.
- Советские казаки, 1936 – Советские казаки // *Правда*. 1936. 18 февраля. № 48.
- Совещание передовиков животноводства, 1936 – Совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства // *Правда*. 1936. 20 февраля. № 50.
- Соколами слетимся на защиту великой родины, 1936 – Соколами слетимся на защиту великой родины. Советское казачество горячо приветствует Постановление ЦИК СССР // *Правда*. 1936. 24 апреля. № 114.
- Таланты советского казачества, 1936 – Таланты советского казачества // *Известия*. 1936. 30 октября. № 253.
- Участок казака Грекова, 1930 – Участок казака Грекова // *Молот*. 1930. 27 апреля. № 2621.
- Флаги давай, 1928 – Флаги давай! Речь говори! // *Молот*. 1928. 14 февраля. № 1962.
- Хлебозаготовительная кампания на Северном Кавказе, 1928 – Хлебозаготовительная кампания на Северном Кавказе // *Молот*. 1928. 31 января. № 1950.
- Шейнов, 2010 – Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск: Харвест, 2010. 768 с.

References

- Andreev, 1930 – Andreev A.A. (1930). Ot Vandei v proshlom – k krupnomu socialisticheskomu zemledeliju [From Vendee in the past – to large socialist agriculture] // *Molot*. March 6. № 2579 [in Russian]
- Bruks, 2006 – Bruks D. (2006). “Ljudej, kotorye ne chitajut gazet, nado moral'no ubivat' na meste” [“People who don't read newspapers should be killed morally on the spot”] // *Sovetskaja vlast' i media* [Soviet power and media]. Collection of papers. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2006. pp. 228–241 [in Russian]
- Voroshilovskie vsadniki, 1936 – Voroshilovskie vsadniki [Voroshilovsky riders] // *Molot*. February 4, 1936. № 4403 [in Russian]
- Voroshilovskie kavaleristy, 1936 – Voroshilovskie kavaleristy [Voroshilovsky cavalrymen] // *Molot*. January 4, 1936. № 4378 [in Russian]
- Gjunter, Hjensgen, 2006 – Gjunter H., Hjensgen S. (2006). Vvedenie [Introduction] // *Sovetskaja vlast' i media* [Soviet power and media]. Collection of papers. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2006. pp. 5–13 [in Russian]

- [Danilevskij i dr., 2004](#) – *Danilevskij I.N., Kabanov V.V., Medushevskaja O.M., Rumjanceva M.F.* (2004) Istochnikovedenie [Source study]. Moscow: RGGU. 702 p. [in Russian]
- [Zvereva, 2003](#) – *Zvereva V.* (2003) Reprerentativnost' i real'nost' [Representativeness and reality]. *Otechestvennye zapiski*. 2003. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_37.html (accessed on: December 10, 2017) [in Russian]
- [Kazaki i krest'jane na sovetsoj rabote, 1927](#) – Kazaki i krest'jane na sovetsoj rabote [Cossacks and peasants at the Soviet work] // *Molot*. November 7, 1927. № 1880 [in Russian]
- [Kazachestvo kolhoznoj Kubani, 1936](#) – Kazachestvo kolhoznoj Kubani [Cossacks of collective-farm Kuban] // *Molot*. March 4, 1936. № 4428 [in Russian]
- [Kolhoznoe kazachestvo](#) – Kolhoznoe kazachestvo [Collective-farm Cossacks] // *Pravda*. April 24, 1936. № 114 [in Russian]
- [Kollektivno, so znamenami, 1928](#) – Kollektivno so znamenami [Collectively with banners] // *Molot*. February 9, 1928. № 1958 [in Russian]
- [Malinov, 1936](#) – *Malinov M.* (1936). Talanty sovetsojgo kazachestva [Talents of the Soviet Cossacks] // *Izvestija*. October 30. № 253 [in Russian]
- [O rabote sredi kazach'ego naselenija Severnogo Kavkaza, 1930](#) – O rabote sredi kazach'ego naselenija Severnogo Kavkaza [About work among the Cossack population of the North Caucasus]. Decree of the Bureau of the North Caucasian Regional Committee of the AUCP(b) // *Molot*. April 27, 1930. № 2621 [in Russian]
- [Oborona sovetsoj rodiny, 1936](#) – “Oborona sovetsoj rodiny – nashe krovnoe delo”. Pis'mo donskih kazakov narkomu oborony Marshalu Sovetsojgo Sojuza tovarishhu K.E. Voroshilovu [“Defense of the Soviet homeland – our blood business”. Letter of the Don Cossacks to the people's commissar of defense Marshal of the Soviet Union companion K.E. Voroshilov] // *Pravda*. April 27, 1936. № 117 [in Russian]
- [Pesni sovetsojkih kazakov, 1936](#) – Pesni sovetsojkih kazakov [Songs by the Soviet Cossacks] // *Pravda*. October 18, 1936. № 288 [in Russian]
- [Pis'mo Kubanskih kazakov, 1936](#) – Pis'mo Kubanskih kazakov tovarishhu Voroshilovu [Letter of the Kuban Cossacks to companion Voroshilov] // *Molot*. March 5, 1936. № 4429 [in Russian]
- [Prazdnik dzhigitov Severnogo Kavkaza, 1936](#) – Prazdnik dzhigitov Severnogo Kavkaza [Holiday of Dzhigits of the North Caucasus] // *Pravda*. May 6–7. 1936. № 123–124 [in Russian]
- [Privetstvija predstavitelej rabochih i trudovogo kazachestva, 1927](#) – Privetstvija predstavitelej rabochih i trudovogo kazachestva [Greetings of representatives of workers and labor Cossacks] // *Molot*. November 25, 1927. № 1894 [in Russian]
- [Skorik, 2008](#) – *Skorik A.P.* (2008). Mnogolikost' kazachestva Juga Rossii v 1930-e gody: Oчерki istorii [Diversity of the Cossacks of the South of Russia in the 1930th years: History sketches] Rostov-on-Don: Publishing house of the NCSC HS SFU. 344 p. [in Russian]
- [Sovetskie kazaki, 1936](#) – Sovetskie kazaki [Soviet Cossacks] // *Pravda*. February 18, 1936. [in Russian]
- [Soveshhanie peredovikov zhivotnovodstva, 1936](#) – Soveshhanie peredovikov zhivotnovodstva s rukovoditeljami partii i pravitel'stva [Meeting of leaders of livestock production with heads of party and government] // *Pravda*. February 20, 1936. № 50 (6656) [in Russian]
- [Sokolami sletimsja na zashhitu velikoj rodiny, 1936](#) – Sokolami sletimsja na zashhitu velikoj rodiny. Sovetskoe kazachestvo gorjacho privetstvuet Postanovlenie CIK SSSR [We will be flown by falcons to protection of the great homeland. The Soviet Cossacks hotly welcome the Resolution of the Central Executive Committee of the USSR] // *Pravda*. April 24, 1936. № 114 [in Russian]
- [Talanty sovetsojgo kazachestva, 1936](#) – Talanty sovetsojgo kazachestva [Talents of the Soviet Cossacks] // *Izvestija*. October 30, 1936. № 253 [in Russian]
- [Uchastok kazaka Grekova, 1930](#) – Uchastok kazaka Grekova [Site of Cossack Grekov] // *Molot*. April 27, 1930. № 2621 [in Russian]
- [Flagi davaj, 1928](#) – Flagi davaj! Rech' govori! [Give flags! Tell the speech!] // *Molot*. February 14, 1928. № 1962 [in Russian]
- [Hlebozagotovitel'naja kampanija na Severnom Kavkaze, 1928](#) – Hlebozagotovitel'naja kampanija na Severnom Kavkaze [Grain procurement campaign in the North Caucasus] // *Molot*. January 31, 1928. № 1950 [in Russian]
- [Shejnov, 2010](#) – *Shejnov V.P.* (2010). Manipulirovanie soznaniem [Manipulation of consciousness]. Minsk: Harvest. 768 p. [in Russian]

Роль печатных СМИ в формировании образа советского казачества в 1930-х гг.

Ольга Владимировна Рвачева ^{a, *}

^a Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В советской стране средства массовой информации отводилась важная роль формирования облика советского строя. Обладая большими возможностями в сфере пропаганды и идеологического влияния на массы советские печатные СМИ, прежде всего газеты, могли влиять на общественные настроения. На страницах газет создавались определенные образы проводимых политических и экономических кампаний, характерные черты социальных групп населения, формировался посыл обществу кто являлся для системы «своим», кто «чужим». В 1930-х гг. периодически появляющиеся материалы о казаках на страницах газет демонстрировали, с одной стороны, то как данная социальная группа воспринимает социально-экономическое переустройство страны, а с другой – создавали новое представление о самих казаках. В статье предпринята попытка исследования того, как в газетах формировался образ нового советского казачества.

Ключевые слова: казаки, социалистическая модернизация, средства массовой информации, реакция населения, образы казачества.

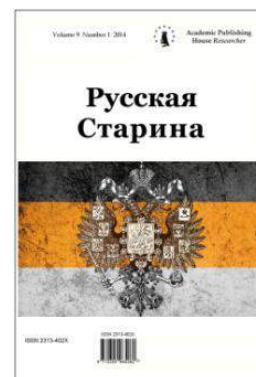
* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: olgarvacheva@mail.ru (О.В. Рвачева)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 100-129

DOI: 10.13187/rs.2018.1.100
www.ejournal15.com

Love in War. Women and Men in the Red Army (on Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 2

Leonid L. Smilovitsky ^{a, *}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article is devoted to the little studied theme of the role of female servicemen in the Red Army of the war and their position in the men's team. Of the 800,000 women in the Soviet Union who participated in the war, most of them not only replaced the male soldiers who went to the front line, but also took part in the fighting. The author tries to explain how women, who by nature should give birth, educate, teach, save, but not kill, were able to become soldiers as required in the war. Women shared all the hardships of the front-line situation and bore the burden of war on a par with men. They died from bullets, shells and bombs, burned in airplanes, were wounded and became crippled without arms and legs. Some of them, having withstood all the trials, lost the gift of motherhood and could not create families. The author comes to the conclusion that the greatest merit of women in the army during the war years was that by their presence they allowed men to feel their own strength, to be courageous, to do their duty, to fight and win. This study is based on WW2 correspondence, letters and diaries of Soviet Jews who served in the Red Army, which were recently collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University (2012–2017) and now, for the first time, are used for academic purposes.

Keywords: WW2 correspondence, military field post, Great Patriotic War, Jews in the Red Army, men and women in war, love and war, women's contribution to the defeat of Nazi Germany, patriotism, women's honor, romantic correspondence, jealousy, betrayal, adultery.

1. Введение

Настоящая статья является продолжением разговора о судьбе женщин и мужчин на войне, как военнослужащих Красной армии в 1941–1945 гг., начатой в предыдущем номере журнала (Smilovitsky 2017: 173–185).

В военное время взаимное притяжение полов, заложенное природой, не только не утратило свою силу, но и приобрело новое звучание. Экстремальные условия, в которые были поставлены тысячи мужчин и женщин, надевших военную форму и отправившихся на защиту своей родины, симпатии и антипатии, которые питали друг к другу представители противоположного пола, приобрели особую остроту.

С одной стороны, близость смерти обостряла жажду жизни, а с другой – мера ответственности, которая ложилась на плечи молодых людей, не свободных от сексуального влечения. Вместе с тем армейские рамки, требования воинской дисциплины, накладывали большие ограничения, а зависимое положение женщины-солдата от своих командиров-

* Corresponding author
 E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

мужчин составляло большой контраст с опытом гражданской жизни. Письма и дневники дают богатую пищу для размышления, сопоставлений, анализа и выводов по теме, которая продолжает волновать даже спустя семь десятилетий после Победы. Такие понятия, как женская честь, романтические отношения, супружеская верность, измена и ревность доказывают, что мужчины и женщины в любых условиях не меняли своей природы. Автор делает попытку выяснить соотношение сексуальных и профессиональных сторон во взаимоотношении полов военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

2. Материалы и методы

Статья написана, в основном, на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в рамках проекта «Невостребованная память» в Центре диаспоры им. Гольдштейн-Горена при Тель-Авивском университете в последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот (Smilovitsky, 2014). Работа по поиску и систематизации писем военного времени, как одного из наиболее достоверных видов источников, носит срочный характер. На наших глазах уходят последние поколения свидетелей и участников войны, которые способны прокомментировать сохранившиеся письма, фотографии и личные документы (наградные листы, грамоты, характеристики, похоронные сообщения и пр.). Их анализ и обобщение послужит более полному описанию картины событий сороковых годов. Речь идет о включении в научный оборот целого пласта народной памяти, как бесценного наследия для будущих поколений историков и всех, кто проявит интерес к событиям Второй мировой войны.

3. Обсуждение и результаты

Женская честь. Можно ли было в годы войны устроить «плотину» на пути чувств, переполнявших мужчин и женщин, и потребности молодых людей удовлетворить физическое влечение к противоположному полу? Смерть не выбирала между женатыми и холостыми, мужчинами или женщинами, не целованными юношами или девушками, пришедшими в армию со школьной скамьи. Вчерашние дети 17–18 лет впервые оторвались от семьи и должны были войти во взрослую жизнь. При этом в вопросах полового воспитания они оказались предоставлены самим себе. Гормоны, переполнявшие, как мужской, так и женский молодой организм, требовали выхода. А могло ли быть по-другому? Какие существовали сдерживающие факторы? Что могло регулировать поведение к противоположному полу? Воспитание в школе и семье, подчинение прописным истинам, книги, общественная мораль, не принимавшая гражданские браки, опыт, почерпнутый с «улицы»? Пуританские нормы нравственности советской страны, требование думать сначала о родине, потом о себе. Лозунги «отдавать всего себя до последней капли крови», «не жалеть самой жизни» делу победы над врагом не оставляли места для решения такого «незаконного» вопроса, как удовлетворение половой потребности в годы войны.

Не существует статистики, которая бы позволяла установить соотношение между временными связями и романтическими отношениями, возникавшими во время службы в армии. Преданность найденной подруге, жертвенность, искренность отношений, стремление сберечь родившееся чувство и донести его до конца войны – для рядового солдата, жизнь которого в армии ему самому не принадлежала, все это было чрезвычайно трудной задачей. Невозможность уединиться, видеть по желанию предмет своего воздыхания, частая перемена места дислокации воинского подразделения, близость смерти, неизвестность будущего, даже самого ближайшего, все это обрекало военного человека на неразделенную любовь. Поэтому, когда вопреки обстоятельствам возникала возможность проявить свои чувства, многих ничего не останавливало. Война ускоряла отношения мужчины и женщины, которые понимали, что каждый прожитый день может оказаться последним.

«Все зависит от самой девушки, от ее взглядов, от ее воли. Я знаю, что никто ко мне не подойдет так, как подходят к иным. Пишу с полной откровенностью – без настоящей любви не допущу даже пустяка»¹, – писала И.Л. Фруг Е.О. Маневич весной 1943 г. (Письмо Фруг,

¹ Фрагменты писем здесь и далее приводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

14.04.1943). Позже она сообщала: «Я знаю, что мужчины говорят о девушках-солдатах, и на гражданке – особенно. Будь за меня совершенно спокойна. Я – та же, что и была, полная противоположность другим. Я ни с кем не встречаюсь, т.к. никого пока не люблю, хотя это “не люблю” не мешает остальным девушкам выходить замуж и ехать беременными домой. Без любви мне ничего не надо. Друга встретить очень трудно. Мне нужен такой, чтобы я его любила вся, чтобы все мое было его. Это трудно. Любить могу сильно. В сердце этой любви много, большой, неизрасходованной» (Письмо Фруг, 21.08.1944). В самом конце войны: «Есть девушки, которые живут с офицерами, с шоферами, они имеют все. Ну, а я, сама знаешь, так пусть уж посылка будет бедной. Верно?» (Письмо Фруг, 15.03.1945).

Приведем еще несколько цитат из писем других девушек: «Отвратительный “ларчик” открывается любой отмычкой – подлости, гадости, а может быть, чем-нибудь хуже. Некоторые начальники думали, что когда я познакомлюсь ближе, я буду с ними в более коротких отношениях. И после их разочарования последовало снятие меня с работы. И еще одна причина – это что здесь не любят эвакуированных, да еще евреев» (Письмо Лукашевской, 8.03.1944). «В маленькой палатке – там лежат тяжелые раненые – на днях шел жестокий спор: замужем я или нет, а если нет – то как могли такую девушку проглядеть, и надо сообща найти ей жениха, обязательно особенно хорошего... Чудики мои!», – писала Л.С. Левитан (Письмо Л. Левитан Б. Левитан, 14.04.1944). «Если ты сможешь уберечь свою честь, то из тебя выйдет толк. Действительно, посмотришь на окружающих, и делается жутко, все опустились, считают, все равно война, а такие понятия как честь, верность, долг произносятся только с отрицательным оттенком. Но нет, не все. Знаю, что и при красоте, и при всех вольностях держат себя очень гордо и чисто. Наша же компания, наша четверка – вообще живет по-особому. Когда кругом в комнатах шум, пьянка, галдеж, у нас тихие философские разговоры и мечты о настоящем, большом счастье, а не о “эрзац-любви”» (Письмо Л. Левитан С. Левитану, 16.04.1945).

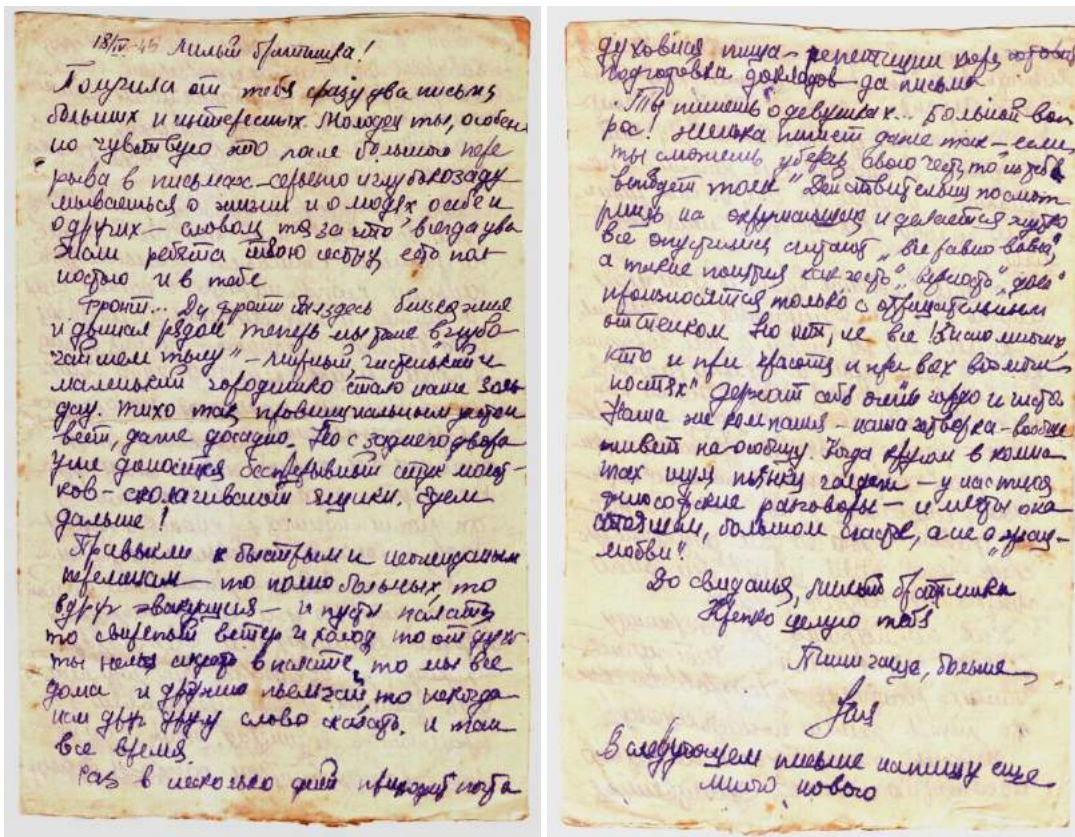

Рис. 1–2. Письмо Л.С. Левитан С.З. Левитану, 16 апреля 1945 г. (Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете)

А вот что об этом писали мужчины: «Девушки, работающие у нас, не стесняясь, открывают свои тайны и просят совета. Вчера, беседуя с одной девушкой по поводу ее поведения, я довел до слез, хотя ни разу не сказал грубого слова. Я говорил о том, как хороша жизнь, о том, что после войны жизнь будет еще прекрасней, о том, что ей 19 лет и т.п. Она заплакала, обещала исправиться, в ее глазах я прочел благодарность и... больше ничего. Она не видела, что я мужчина, и с интересом смотрю на ее красивое лицо потому, что ей 19, а мне 36» (Письмо Абрамовича, 3.09.1944).

Внешний вид. Внешний вид, обмундирование, обувь и нательное белье имели разный вес в глазах мужчины и женщины на войне. Мужчина смотрел на все это в целом, абстрактно, а женщина – конкретно. Женщина уделяла внешнему виду определяющую роль. Природа женщины требовала обращать на себя внимание, нравиться. В противном случае она не чувствовала себя востребованной, а значит не могла заставить с собой считаться, теряла влияние на окружающих.

Можно предположить, что, отправляясь в армию, девушки и молодые женщины меньше всего представляли, что столкнутся с такой стороной войны. Не только ходить в атаку и кричать «ура», переносить на себе и спасать раненых, но и постоянно оставаться в мужском окружении, сохранить свою честь. В письмах с войны женщины меньше писали о боевых операциях и рейдах, трудностях переходов и марш-бросках, физическом напряжении, потерях – всем том, чему мужчины в письмах уделяли так много внимания. Женщины-солдатки писали больше о том, как они решали «нерешаемые» вопросы сохранения и поддержания женской привлекательности. При этом женщины продолжали оставаться такими же смертными, как мужчины. Они одинаково мокли от дождя и мерзли от стужи, страдали от жары, испытывали такой же голод, страдали от неустроенного быта, приспособленных условий походной жизни. И все это под пристальным взором сотен голодных мужских глаз.

Природа женщины, ее внутренний мир были тесно связаны с внешним обликом. И в этом заключалась существенная разница по сравнению с мужчиной. Мужчина-солдат относился к обмундированию как к одежде, а женщина как к наряду. Мужчина воспринимал женщину целиком как образ. Фигура, прическа, волосы, одежда, лицо, глаза, ресницы в его представлении сливались воедино. Тогда как женщина через отдельные детали своего облика добивалась поставленной цели – обратить на себя внимание и утвердиться в мужском обществе, а если потребуется, увлечь кого-то.

Отношение к вещам у женщины в армии и, тем более, на войне делилось на две части. Вещи в ее глазах играли не только функциональную роль. Они помогали создать или дополнить внешний образ девушки-солдата (гимнастерка, юбка, брюки, шинель, ремень, головной убор, обувь). Все это должно было быть не только удобным, но и изящным. В письмах домой внешнему виду и «гардеробу» уделялось много внимания. Обновка для женщины в армии означала очень многое. Устав требовал от нее быть одетой одинаково казенно, по-мужски. Отклонению от формы одежды, не говоря уже о фантазии, места не оставляли.

В глазах мужчины в обмундировании, наоборот, решающую роль имела функциональная сторона. Одежда должна была быть удобной, предохранять от жары или холода, не мешать двигаться, быть прочной и долговечной. Внешняя привлекательность отодвигалась на второй план. Добротная шинель и теплые подшитые валенки у мужчины-солдата имели гораздо большее значение, чем приталенная юбка, подобранная в цвет ей гимнастерка. Украшения и косметика не предусматривались уставом. Однако женщины использовали разные ухищрения, чтобы привести себя в порядок, выделиться из окружающей среды. Парикмахерские, прически, завивки, маникюр остались как воспоминания из прошлой гражданской жизни. Этим могли воспользоваться женщины в тылу, но не на фронте.

Из писем мы узнаем, что вниманием к собственной внешности женщина старалась подчеркнуть верность избранному мужчине. Но только опытные мужчины откликнулись на это. Большинство мужской половины смотрело на все усилия женщин по сохранению внешней привлекательности на войне как на баловство, преувеличенные заботы к несущественной стороне дела, и даже как на шаги, которые могут привлечь внимание других мужчин в их отсутствие. По-своему это было закономерно, если принять во

внимание, что природа предназначила мужчине и женщине совершенно разные роли в жизни. Это неизбежно влияло на логику восприятия внешнего облика партнера. Физиология женщины требовала иметь юбку, а не брюки, легкую и удобную обувь, а не тяжелые и прочные солдатские ботинки с обмотками или сапоги с портянками. Дочки-солдатки могли обсуждать предметы нижнего белья и бюстгалтеры только с матерями, старшими сестрами или подругами. Эти важные детали дамского туалета, которые казались несущественными в глазах военнослужащих-мужчин, отравляли существование женщины в армии. Закономерно, что подобные подробности оставались вне мужского ведения, поскольку могло нарушить мир женщины. Сохранение привлекательности и обаятельности в условиях армии требовало постоянных немалых усилий. Женщины-военнослужащие, несмотря ни на что, с этим справлялись, не останавливаясь перед затратами времени и сил, доступных им скромных средств. Это был их «фронт», ежедневный «бой», который они вели за соблюдение собственного достоинства.

Посмотрим, как это нашло отражение в письмах: «Дорогая мамочка! Как можно скорее пришли мне белье и все остальное. Безразлично, глаженое или нет. Три дня назад была в бане и одела на себя грязное. Вторую неделю хожу без рубашки и без чулок. Вместо них – гетры и носки. Синее платье воняет от грязи. Немедленно вышли. Непременно и как можно скорее» (Письмо Фруг, 1941). «Живем неплохо. Главное, не думаем о куске хлеба, всегда сыты. Сейчас едим много помидор, а недавно в одном селе, где мы стояли, уничтожили массу арбузов. Я все такая же худющая, но кажусь полнее, чем была, потому что коротко остриглась. Мне надоело возиться с длинными волосами, а теперь я мою голову и в речке, и где попало. Получается неплохо» (Письмо Куфаевой, 3.09.1942).

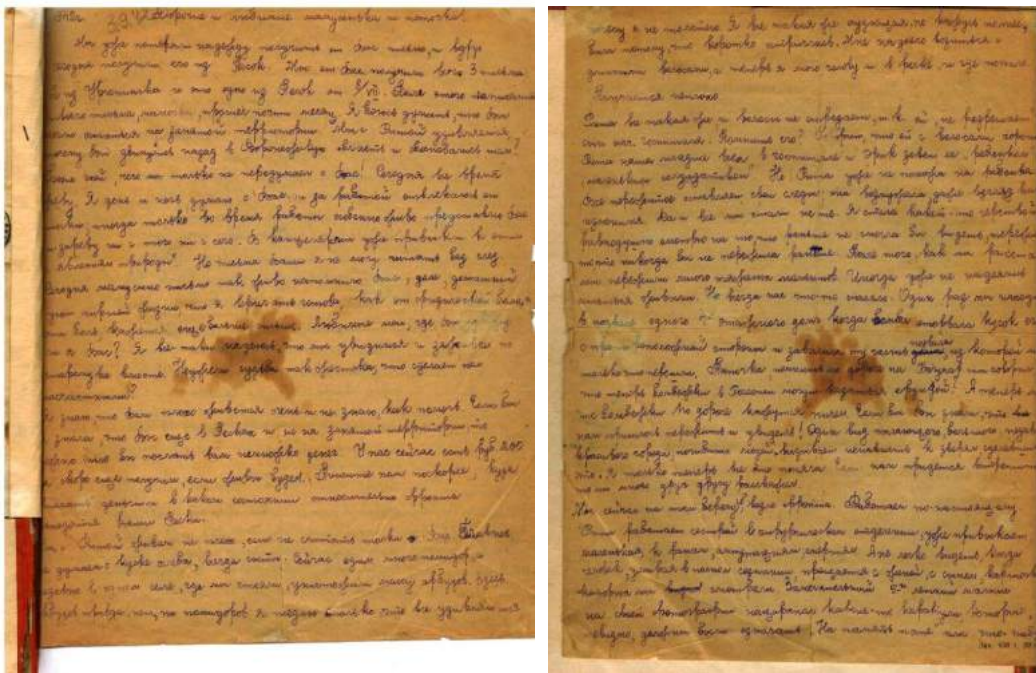

Рис. 3–4. Письмо В. Куфаевой родителям, 3 сентября 1942 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Вещи свои, наверное, пошлю обратно, постараюсь только что-нибудь сменять на шерстяные носки. Когда приеду, вышли мне посылку, и туда положишь носки, бумагу, ниток, лифчик. Это просто необходимо мне – я не знаю, что и делать с одним только. Варежки я обшила. Одна девочка дала мне чулки» (Письмо Фруг, 3.12.1942). «Если будет хотя бы немного одеколона, то пришли и зубной порошок. Я сейчас растолкла уголь и процедила его, буду чистить зубы» (Письмо Фруг, 1.01.1943).

«Да и одеты мы сейчас тепло. Рита теперь носит под шинелью вместо юбки ватные брюки, остриглась под мальчишку – получился хорошенький хлопчик. На днях я получила

теплые кальсоны, теплую рубашку, шерстяные носки, бюстгальтер, женскую рубашку, свои большие валенки обменяла на новые маленькие-игрушки, как раз по ноге. Рита получила маленькие женские сапожки, я тоже получу. В общем, столько вещей имеем, что тяжело возить. Одних бюстгальтеров у меня 4. Если бы все, что у нас есть, можно было бы отдать вам» (Письмо Куфаевой, 19.01.1943). «Начальник подарил нам с Ритой полпарашюта шелкового, из которого вышло бы три платья и еще кое-что. Это очень хороший шелк стального, зеленоватого цвета, но кое-где едва отличающиеся от основного фона пятна, как на всех маскировочных вещах. Мы с Ритой сами не сумеем выбрать так, чтоб получились одноцветные платья, да и сшить не сумеем, как следует, а портить такую вещь не хочется. Кроме того, есть немецкие шинели тонкого зеленого сукна на 1–2 юбки. На днях я получила новую шинель» (Письмо Куфаевой, 5.04.1943).

Выглядеть, как мужчина на войне для женщин не считалось зазорным. Это часто избавляло их от излишнего мужского внимания, которое, порой, становилось назойливым. Одновременно это позволяло девушкам-солдатам как будто наблюдать ситуацию со стороны, избавляло от ненужных разговоров и необходимости постоянно следить за тем, чтобы не подвергнуться необоснованным претензиям мужского пола (однополчан и начальников). С другой стороны, мужская одежда военного образца воспринималась, как признак мужества, стойкости, храбрости, выносливости, уживчивости и приспособляемости к военной обстановке и условностям быта на фронте. Выглядеть под мальчика означало, что на девушку-солдата переставали смотреть как на существо слабое, зависимое, нуждающееся в опеке. В то же время, пользуясь преимуществами, которые давала мужское платье, женщина сама решала, когда «выйти из тени» и включить чары, дарованные ей природой и просить о помощи, защите, опеке. Мужское обмундирование по-своему уравнивало в правах, позволяло женщинам-военнослужащим не выделяться из общей среды, что при известных обстоятельствах предоставляло дополнительный шанс выжить на войне.

«Меня здесь никто не считает девушкой. Кто видит первый раз, то уж непременно говорит: парень, тем более что зимой ходила в ватных брюках» (Письмо Фруг, 28.03.1943).

Рис. 5–6. Письмо И.Л. Фруг Е.О. Маневич, 28 марта 1943 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Ходила в ужасных больших сапогах или в ботинках. Теперь выдали новые женские сапожки. Уже почти сдали зимнее обмундирование, получили летнее. Выдали трико, чулки, пилотки и новые гимнастерки (со стоячим воротничком, с погонами, без карманов). Пилотка мне очень идет, но только совсем как парень. Самое главное вот что – я с ума сошла, когда отослала тебе в посылке черную юбку с карманами. Если бы ты знала, что я наделала! С отъезда в армию в этом смысле только об этом очень и жалею. Умоляю, если еще не поздно, то вышли две юбки, они нужнее всего, и белой материи на воротнички. Мамуля, главное – это юбки! <...> Я загорела. У нас разрешено девушкам отращивать волосы, и все за это с радостью взялись, только Клава и я стрижемся. Так привыкла к этой

прическе! Дома, наверное, так и буду ходить. Стала крепкой, здоровой. Просто удивляюсь, как раньше у меня болела голова на каждом шагу. Здесь этого вообще ни разу не было, физически чувствую себя превосходно» (Письмо Фруг, 23.04.1943).

«Скоро осень, а там и зима. Опять ватные брюки и фуфайки стеганые, опять мы будем, как медвежата: все одинаковые, маленькие, круглые, а я опять совсем как парень» (Письмо Фруг, 11.08.1943). «Все же хочется прилично одеться. Достала серый каракуль, и мне сшили замечательную кубаночку. Научилась кроить и шить бюстгальтера. Необычно красивый бюст в них, т[ак] ч[то] всем девчатам крою» (Письмо Фруг, 26.06.1944).

Внешний вид женщины, сохранение привлекательности ее образа были одинаково важны не только для фронтовичек, но жен и подруг солдат и командиров Красной армии, писавших своим близким и любимым из районов эвакуации и советского тыла. Быт эвакуации, серость будней, однообразие жизни, физическое и душевное напряжение, состояние неизвестности о судьбе близких на фронте не могли отвлечь женщин от заботы о своем внешнем виде. Для этого они отказывали себе в самом необходимом, включая питание. Упоминания в письмах на фронт о предметах женского туалета, нательном белье, ставших такой редкостью в годы войны, были не случайными. При этом все упоминавшиеся наряды и обновки должны были подчеркнуть верность оставленных дома подруг, подчеркивалось, что все это не станет предметом внимания посторонних мужчин. Женщины верили, что упоминание в письмах об их внешности придаст силы любимым на фронте, напомнит о дорогих минутах близости, позволит дождаться желанной встречи.

«Я продала все до мелочей. Сохранила только туфли. Да, могу тебя обрадовать, Рут имеет уже пальто, и очень симпатичное: черное, широкое, английское, с горностаевым белым воротничком и белой кубанкой. Ей очень идет. Если будут деньги, она в нем сфотографируется специально для тебя. Есть надежда, что и я скоро получу пальто. А вообще – тоска, и больше всего по тебе, мой милый, любимый. Ты такой мой неотъемлемый. Все мои воспоминания связаны с тобой» (Письмо Н. Эпштейн, 14.12.1943).

«В шкафу есть у меня несколько красивых вещей. Лялька подарила очень красивую теплую кофточку, лежат туфельки и шелковые трусики, которые я никогда без тебя не надела. Так что приедешь, и я наряжусь, красиво буду выглядеть, чтоб тебе приятно было ходить со мной по улице. Я помню, ты когда-то говорил, что хотел иметь такую жену, которой ты бы гордился, чтобы я занималась физкультурой, следила за собой, была к твоему приезду крепкой и красивой. Что ж, надо стараться быть такой женой» (Письмо Э. Канцедикас, 6.05.1945).

Косметика. Упоминание о косметике в письмах и дневниках, написанных в годы войны, может показаться неуместным. Однако на самом деле это было вполне естественно. Забота о своей внешности подчеркивала, что женщина при любых обстоятельствах оставалась сама собой, а человеческие чувства не могут замереть даже в самых неудобных обстоятельствах. Стремление нравиться, любить и быть любимой является неотъемлемой частью женской природы. Отношение к косметике было разным. Одни ее приветствовали, а другие сохраняли равнодушие. Скромность и аскетизм советского образа жизни осуждали косметику. Советская мораль, основанная на ограничении индивидуальных потребностей, требовала скромности и послушания, подчинения личных интересов общественным. Считалось, что содержание важнее формы, поэтому внутренний мир человека важнее внешности, отсюда косметика – это излишество.

«Теперь о “некоторых переменах” в твоей внешности. Я знаю причины, почему ты начала красить губы. Я люблю Гиту, как бы она ни выглядела, красивой или нет. Я люблю в ней не ее лицо, прическу или фигурку, я люблю не ее внешность, а люблю я Гиту, как таковую, как человека, как лучшего друга, как дорогую жену. Когда мы встретимся, то я сниму краску с твоих губок своими поцелуями, и это будет моим тебе наказанием за твое обывательское поведение. Трепещи!» (Письмо Бейлина, 16.01.1942).

«С чего же это начать? Ну, хотя бы с накрашенных губ Галины. Не видел я и не предполагал, чтобы она красилась, да еще и особой жидкой помадой. Может быть это поэтому, чтобы на Пасху не дать возможности христосоваться, я ведь ее заранее

предупредил, что это не будет преградой, какой-нибудь линией Маннергейма¹, которую не преодолеешь. В общем, скоро и у меня губы стали крашенными» (*Дневник Лютых, 5.04.1942*).

Отцы, воевавшие в Красной армии, годами не видевшие своих дочерей, которые выросли и превращались из детей в подростков, а потом и девушек, были озабочены тем, что не могли повлиять на их духовное становление. Поэтому разговор о косметике они воспринимали, как опасное излишество, способное увлечь в ненужную сторону. «Ты пишешь, что Рут [дочь – Л.С.] делает себе маникюр в парикмахерской, и не знаешь, хорошо это или плохо? Сказать тебе по правде – в 15 лет прибегать к методам омолаживания смешно. Чего доброго, начнет брови подбрасывать или губы подмазывать. Я думаю, что и в более старшем возрасте это ни к чему. Можно быть живым, привлекательным и без этого. Вся красота и привлекательность девушки все же не в этом, а направленность мыслей в эту сторону чаще всего от бездеятельности» (*Письмо Я. Эпштейна, 31.05.1943*).

Игра в любовь. Флирт на войне нельзя было запретить. Временная связь на войне чаще всего понималась партнерами как отношения по обоюдному согласию, без продолжения. Отношения между мужчинами и женщинами возникали часто помимо их желания. Окружающим это могло не нравиться, вызывать осуждение, ревность, будить зависть. На фронте всегда было мало одиноких женщин, но зато много мужчин. Любая девушка или женщина под пристальным мужским вниманием чувствовала себя настоящей красавицей. При этом были не только ухаживания, но и романы, вспыхивали большие и настоящие чувства.

«В силу условий войны многие “развлекаются” как умеют, используя любой подвернувшийся случай» (*Письмо Ваила, 26.04.1942*). «В жизни часто можно наблюдать не любовь, а игру в любовь, где причиной любви является красивая внешность, веселый нрав, хороший товарищеский характер, или просто ради материального благополучия, или просто ради удовлетворения плоти» (*Письмо Бейлина, 24.06.1943*). Некоторые офицеры умудряются в каждой деревне жениться, но у меня таких способностей нет, да и невест подходящих не нахожу» (*Письмо Поляка, 7.11.1943*).

Большинство солдат были молодыми людьми, призванными в Красную армию со школьной скамьи. Они не были искушенными в вопросах взаимоотношений полов, а популярная литература в предвоенном СССР о сексуальном воспитании отсутствовала. Действовать приходилось по наитию. Первое чувство могло оказаться очень сильным, а отношения воспринимались как чистые и незамутненные. В то же время открытое ухаживание, проявление симпатии к противоположному полу было сопряжено с большими трудностями. Нельзя было обнять, взять за руку, немислимо было прилюдно целоваться. Если воинская часть стояла близко к железнодорожной станции или вокзалу, то влюбленные приходили к любому поезду – все прощаются и целуются, значит, можно. При этом фронтовая обстановка не оставляла времени для размышлений. Тем сильнее оказывалось разочарование, когда сослуживцы из старших товарищей форсировали события и добивались успеха. Вместо осуждения они встречали понимание и интерес в глазах женщин.

В записной книжке М.З. Гуревича приведено стихотворение «Корыстные намерения» (*Записная книжка Гуревича, 1942*) на эту тему:

Полфунта правды, пуд лукавства,
Полграмма совести, два пуда зла,
Притворства десять килограммов,
А страсти два ведра.

¹ Линия Маннергейма – комплекс оборонительных сооружений между Финским заливом и Ладогой, созданный в 1920–1930 гг. на финской части Карельского перешейка для сдерживания возможного наступательного удара со стороны СССР 135 км длиной. Эта линия стала местом наиболее значительных боев в Советско-финскую войну 1939–1940 гг. Между Выборгом и границей с СССР были спланированы три линии обороны.

Одна восьмая фунта чести
И постоянства один грамм,
К мужчинам двадцать фунтов лести,
Три пуда жадности к деньгам.

Любви не больше полстакана,
Упрямства пуд, лукавства – два.
И фунтов двадцать пять обмана,
Признанья – фунта полтора.

Два грамма чести, три пуда мести
Пять фунтов мудрости, три пуда глупости,
Прибавь пуд зависти и подведи итог.
И если, все смешав, поджарить,
В холодном месте все поставить –
И выйдет женская душа.

Рис. 7. М.З. Гуревич // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

Рис. 8–9. Листы записной книжки М.З. Гуревича // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«На войне всем было трудно на войне, но девушкам и молодым женщинам намного труднее. Кругом мужской коллектив. Жили мы по лесам, по землянкам. Забирались в такие места, чтобы не достали ни немецкая пуля, ни снаряд. И как в таких условиях, без бани, без белья можно было находиться женщине? Среди нас были разные люди, житья им не давали: приставали без конца. Причем, чем больше власти, тем больше принуждали: к сожительству, к чему хочешь. Но были мужественные девушки, которые вели себя очень достойно. Невзирая ни на что, соблюдали и женскую честь, и очень помогали всем нам, поддерживая морально. Санинструктор Наташа прибилась к нам, когда мы освобождали Смоленскую область. Сидели однажды в землянке пятеро солдат и Наташа. Вульгарность солдатскую она уже усвоила, но был среди нас такой трепач, он ей говорит: “Наташа, что ты все с офицерами, да с офицерами время проводишь. Ты бы хоть разок с простым солдатом, со мной, например”. Он даже немного более определенно выразился. Наташа тоже что-то такое ответила в шутку. Но потом он уж очень ее донял, а солдаты ржут вокруг, как жеребцы – солдатня. И тогда она ему говорит: “Ах ты, такой-сякой, пошли. Если ты со мной сможешь пять раз подряд, тогда пошли!” Он сразу смеяться перестал: “Ты что с ума сошла?” И пулей выскочил наверх. Это было не со зла, такой юмор солдатский. В одном из боев Наташу тяжело ранило: оторвало обе ноги, она умерла от потери крови» (Смиловицкий, 2016: 79).

По-другому складывались отношения между мужчинами и женщинами в госпиталях. Свободного времени там было много, а силы, возвращавшиеся к раненым после выздоровления, будили действие гормонов. Ощущение того, что скоро выписка из госпиталя и отправка на фронт, где шансы жизни и смерти оставались равными, заставляли живых вспоминать о живом. Поэтому не всегда возникавшие отношения были разборчивыми и долговременными. Удачливыми оказывались более настойчивые мужчины, особенно если они имели привлекательную внешность и не скупались на обещания, за которыми ничего не стояло. В таких случаях говорили, что война все спитет.

«Здесь (в госпитале – Л.С.) трудно найти другое занятие, кроме волокитства за здешними разнузданными, распалившимися от “мужской” голодухи бабенками, похотливость коих перешла все границы возможных норм нравственности и приличия. На это я не способен, да и едва ли бы соблазнился, даже будучи здоров. Очень уж все мерзостно, хотя калеки войны довольно приметно орудуют и на этом “фронте”, творя “памятники нерукотворные” своим доблестным и отважным делам» (Письмо Лобана, 8.07.1942).

«Я встретила человека, который мне стал дороже Саши. Но я ничего не решила. Мой последний мальчик хорош собою, молод, ровесник мне, характером веселый, любит развлечения, общество, танцы, имеет большой успех. Правда, он умен, образован больше всяких других, которых ты видела, вообще он очень интересен. Но ты уже понимаешь, чего можно опасаться с таким человеком? Он будет нуждаться и в таких развлечениях, в которых я не смогу принять участия. Я очень боюсь этого. И поэтому, несмотря на то, что время, проведенное с ним, было для меня прямо волшебной сказкой, я крепко думаю – и сомневаюсь. Он еще в госпитале на Украине. Мечтает о встрече. Война кончилась. Надо думать о жизни серьезно, и я не хочу делать ни глупостей, ни ложных шагов. Я обязательно увижу обоих, прежде чем решу что-нибудь. Вот почему, мамочка, я не прошу материнского благословения заочно» (Письмо Л. Левитан Б. Левитан, 15.05.1945).

Венерические заболевания. Начиная с лета 1944 г. в письмах и дневниках бойцов и командиров Красной армии появилась тема, которая прежде отсутствовала. Речь шла об отношении к противоположному полу на территории противника, его союзников или стран, оккупированных Германией. В ходе наступательных действий советские военнослужащие встретили местное население. В обстановке временного безвластия они действовали по своему усмотрению, практически без контроля. От доброй воли солдата зависело, проявить милосердие или излить свой гнев на мирных жителей, отомстить за родных, оставшихся в оккупации, погибших от рук карателей, болезней и голода, умерших в эвакуации или пощадить. Многие считали, что имели моральное право возместить свои страдания и лишения на войне, смерть товарищей. В этой связи, женщины воспринимались как трофей с соответствующим к ним отношением. Нередкими стали случаи, когда молодые люди, одетые в военную форму, не считали нужным себя сдерживать. При других обстоятельствах они даже встречали взаимность со стороны женщин, которые страдали от отсутствия мужского общества.

Большинство советских военнослужащих, оказавшихся за пределами СССР, не подозревали об опасности, которая им грозила в результате случайных связей. Понятно, что предохраняться никто не собирался, а противозачаточных средств негде было взять. Война продолжалась, люди шли воевать и умирать, поэтому временная передышка и потребность в женском внимании у мужчин, отвыкших в течение долгого времени от женской ласки, испытывавших в этом большую потребность, сыграла свою роль.

«Девушек много. Это окончательно разбалтывает наш народ. Мы теперь поменялись ролями. Атаки ведут девушки. “Ох! Вы слишком скромные”, – сказала одна девушка Езерскому. “Напрасно стараешься. Ничего не получится”, – ответил наученный горьким опытом бедный Ваня. Всего в дивизионе переболело гонореей человек пять (это если не считать Серегу Л.» (*Дневник Лейзерова, 2.07.1945*).

Рис. 10–11. А.Т. Лейзеров и его дневник // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Сегодня было совещание офицеров, зачитали приказ Толбухина¹ о поведении личного состава во всех формированиях IV Украинского фронта и о венерических заболеваниях. Введен двухнедельный осмотр всего личного состава, осмотр перед отправлением в командировку и после возвращения» (*Дневник Лейзерова, 10.08.1945*). «Вечером ходил в город. Здесь немало санаториев. Улицы, аллеи переполнены отдыхающими румынами. Чувствуют они себя здесь как дома, женщины ходят в коротких трусах и лифчиках, мужчины в трусах. Ей-богу, сюда опасно пускать наших солдат – велик соблазн. И доктор наш тогда не оберется работы. На днях доктор получил солидную брошюру санитарного управления фронта “Указания по профилактике венерических заболеваний”. В ней уже гораздо меньше места, чем в предыдущих, уделено тому, что воздержание безвредно, и т.д. Эти нравоучения уступили место очень конкретным и практическим указаниям по самой профилактике» (*Дневник Лейзерова, 12.08.1945*). «Вчера Баринову одна из сестер санатория говорит: “Мы поражены вашими офицерами. Они такие скромные. Посмотрят кино, посидят на танцах и уходят домой одни. Мы их скоро начнем блокировать”. Чудная, она не знает, что все наши ребята скованы больше страхом, иначе бы она не говорила таких вещей» (*Дневник Лейзерова, 24.09.1945*).

В первые два года Великой Отечественной войны, когда военные действия протекали на территории СССР, заболеваемость венерическими болезнями в Красной армии была незначительна. Это объяснялось, прежде всего, социальными преобразованиями в стране и профилактическими мерами органов здравоохранения. Однако, когда советские войска

¹ Толбухин Федор Иванович (1894–1949) – советский военачальник, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. С марта 1943 г. командовал войсками Южного (преобразованного 20 октября 1943 г. в 4-й Украинский), а с мая 1944 г. – 3-го Украинского фронтов, участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии.

вступили на территорию, освобожденную от оккупации, особенно с переходом государственной границы, количество венерических заболеваний в войсках выросло – появились сифилис, гонорея, донованоз, трихомониаз, генитальный герпес, мягкий шанкр и даже паховый лимфогранулематоз (*Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 1951: 130–131*). На всех фронтах были введены должности фронтовых, армейских и дивизионных венерологов, ежемесячно проводились медицинские осмотры, тщательно проверялось прибывающее пополнение. Усиливались политико-воспитательная работа и санитарное просвещение. Большое значение приобрела санитарно-венерологическая разведка, направляемая в освобожденные районы. При этом никаких репрессивных мер в армии и среди гражданского населения не принималось, хотя венерические заболевания в условиях войны рассматривались как недостойное и позорное явление, снижавшее боеспособность войск и граничившее с членовредительством. Созданная в СССР государственная дерматовенерологическая служба в сочетании с бесплатной специализированной помощью сыграла важнейшую роль в предотвращении широкого распространения сифилиса в послевоенные годы.

ППЖ. Однако, порой любовная интрига могла принять нежелательный оборот и последствия оказывались непредсказуемыми. Чувства приобретали такую силу, что выходили из-под контроля и становились предметом всеобщего обсуждения, особенно если один из участников связи уже состоял в браке. В воинском коллективе, состоявшем в подавляющем большинстве из молодых мужчин, это было неприемлемо. Нежелание считаться с принятыми условностями рассматривалось командованием как аморальное поведение с вынесением взыскания по служебной или общественной (партийной, комсомольской) линии.

«Ты мне пишешь про блокадных, тыловых и, как еще там у вас называются, жен. У нас они называются ППЖ (походно-полевые жены). На это смотрят здесь совсем просто, и никем не скрывается. Как ты правильно угадала, у меня за эти три года с лишним лет не было таковой» (*Письмо Я. Эпштейна, 13.09.1944*).

«Тебе казалось, что к фронтовой девушке больше уважения, чем к работнице тылового госпиталя? Оказывается, наоборот. Не удивляйся, заслужили этого наши фронтовички. Недаром их стали называть сокращенно ППЖ. Грубые шутки не рождаются сами собой. И эту распущенность ты считаешь в порядке вещей? Ну, об этом еще, вероятно, много будут говорить после войны» (*Письмо Клохтина, 4.05.1945*).

Несмотря на все препятствия, природа брала свое. Любовные истории оказывались скоротечными, поскольку солдат в армии себе не принадлежал. На смену всплеску чувств приходило расставание и воспоминание о прерванной любви. Однако это было очень важно для внутреннего роста молодого человека, как мужчины, для формирования характера и познания себя. Одних это закаляло, а других приводило к утрате прежних иллюзий и несостоявшихся идеалов.

«Вчера поздно вечером я застал Гречко, который читал письма из России. Одно письмо из Минска, от девушки, за которой Гречко ухаживал и добился близости. “Почему ты мне не пишешь?”, – плачет его любовь. Ей вторит ленинградка, которой Гречко оставил на память ребенка: “Я обещала дочке, что она все же увидит своего папу”. “Я тебя знала совсем другим”, – пишет законная жена, мать двоих детей. А наш Гречко стоит посреди комнаты и громко смеется, читая послания из России. Мне кажется, он очень далек от того, чтобы почувствовать угрызения совести» (*Дневник Лейзерова, 12.09.1945*).

Иногда в результате фронтовых романов возникали новые семьи. По окончании войны, когда прежние семьи, считавшиеся погибшими (на оккупированной территории или во время эвакуации), находились, фронтовая любовь оставалась позади. Или наоборот, обретя отца семейства живым после победы, вскоре его теряли, потому что фронтовая любовь оказывалась сильнее и ярче.

Признание в любви. Среди романтической переписки военных лет к наиболее трогательным относятся письма с признаниями в любви. По своему содержанию и тональности они выделялись неискученностью и доверчивостью. Это была попытка выразить свои чувства молодых людей, которые только вступали во взрослую жизнь. Юноши и девушки не успели еще накопить жизненный опыт, в том числе и в любовной сфере. Знания о романтических отношениях были почерпнуты ими главным образом

из книг и рассказов друзей и знакомых, развиты собственным воображением. Молодые люди стояли на пороге жизни, когда вмешалась война, которая спутала все планы, и вместо того, чтобы познавать и строить жизнь, они должны были стать ее защитниками. Однако это не отменяло потребность любить. Неведение своего будущего и грозные события, которые надвигались, незнание подлинной картины происходившего на фронте – ничего не могло заслонить первое чувство, которое они переживали.

На призывные пункты многие пришли в сопровождении своих подруг и возлюбленных. Одни юноши уже успели объясниться, другие еще только собирались это сделать. Никто не собирался прощаться навсегда, хотя тревога уже поселилась в душах. Они не должны были жалеть свою жизнь для разгрома врага, и сделали все, что от них требовалось. Горько сознавать, что большинство авторов писем не дожили до победы.

Все, что нам осталось от этих юношей и девушек – это письма с горячим желанием жить, любить и быть любимыми. Знакомство с романтической перепиской самых молодых солдат войны, многие из которых встретили смерть уже в первом бою, показывает, какая горячая жизнь была сражена на взлете.

«При одной мысли, что я тебя не увижу, сжимается сердце. Мне кажется, что ни к кому в жизни я не был так привязан, как к тебе. Если это письмо будет последнее, то оно пусть скажет тебе о моих чувствах. Моя откровенность и преданность к тебе пусть будет клятвой моей жизни. Если я буду жив, то твою дружбу я никогда не забуду. Уста хотят сказать: прощай – а рука все же пишет: “До свидания”.

<...> Ты ужалила, как пчела. Так ошарашила, что я теряю мысли, чтобы выразить свою радость и восхищение. Мое желание видеть тебя с невыразимой болью разгорается, точно трескучий факел. Сердце точно у орла в железной клетке. Я вновь воскрес. Расцелую тебя я за пробужденный в сердце май! Нет слов, сказать о чистоте моих помыслов. Твою дружбу я принимаю как высокую награду, выше которой для меня ничего нет. Ты прелестная девушка! В тебе непочатый край жизни, и я благодарен за каждое слово. Я так богат, как никогда, у меня есть замечательный друг. Возьми же жизнь мою, все, что есть во мне хорошего. Я отдам ее тебе со всей тревогой и радостью без остатка» ([Дневник Лютых, 27.06.1941](#)).

«Ты один из тех, кому я первая смело заявила о своей любви, ты один, кому я откровенно созналась в своих желаниях, и один, кому я много обещала в будущем. Ты спросишь, почему так? Не знаю. Я инстинктивно чувствовала, что я не ошиблась, а теперь я просто в этом уверена. Другим, до тебя, я никогда не произносила слова – люблю; никогда никому не доверяла, и ничего не обещала. И как бы ни были хороши лейтенанты, капитаны, майоры и полковники, ты мне дороже и роднее всех, и никто из них не посмел посягнуть на то, что я тебе подарила. Твои письма хорошие, ласковые и заботливые, поднимают дух, и тогда забываешь все неприятности, и вновь хочется жить» ([Письмо Латышевой, 17.03.1942](#)).

«Единственно, что удерживает меня в равновесии – твои письма. Золотко мое, как тепло ты заботаешься обо мне, как ты меня хорошо любишь, я дорого ценю твои чувства, ты достоин того, чтобы назвать тебя моим родным мужем!!! Ты так этого хотел. Теперь ты доволен? Да? Твоя Ольга помнит, не забывает, любит и больше того – страдает и сильно скучает...» ([Письмо Латышевой, 5.08.1942](#)).

«Мы много лет не виделись, у каждого создался образ, который могла приукрасить собственная фантазия, а встретившись, увидел, что ошибся, но понял это только после того, как решение было принято. Да это больше, чем нечестно, это трагично для ошибки – и неужели ты в этой роли? Может, ты не знаешь, что делать, и дашь тогда разрешение тебе помочь, и мне посоветовать. Немедленно напиши всю правду без отговорок. Не жалею меня (это еще больней), не бойся ничего, никаких упреков или чего-то позабытого ты не услышишь, они излишни и никому ничего не дают, кроме ужасной горечи жизни, особенно, при таких разбитых коробках. Ничего не сделаешь и насильно» ([Письмо Лукашевской, 22.11.1945](#)). «Я хочу, чтобы наши корабли вышли в большое и светлое плавание. Я уверена, что никакие рифы и никакие мели нас не удержат. Ведь штурманы наших кораблей – мы сами» ([Письмо Лукашевской, 28.12.1945](#)).

Романтическая переписка между женой и мужем. Письма, условно обозначенные, как “признание в любви” отличаются от подборки писем “любовь к мужу” и

“любовь к жене”. Жизнь на войне – это всегда противостояние. Близость смерти требовала в общении с самыми дорогими людьми предельной искренности, переоценить то, что пережито. На войне нельзя было загадывать, что будет завтра и кто доживет до победы. Это понимали все, кто писал письма, и кто их получал. В такие моменты себе не лгут, поэтому нам особенно дороги эти свидетельства.

Супружеские письма не подлежали широкой огласке, их писали наиболее близкому человеку, способному понять и оценить. Письма лета 1941 г. – это, как правило, письма прощания, когда муж уходил на войну. Важно было подобрать наиболее выразительные слова, дать оценку прожитым годам, мирному времени, упущенным возможностям. Обстановка была угрожающей, а события, которые разворачивались на фронтах, оказались намного более серьезными, чем ожидалось. Письма передают трепетное волнение при расставании, когда самый близкий человек уходил в неизвестность. Супружеские письма 1942 и 1943 гг. отличаются тем, что солдат-отец, солдат-муж оставались живы. И надежда на встречу уже не казалась настолько призрачной, хотя обязательно подчеркивается, что непременным условием для нее будет победа.

В письмах жен, адресованных мужьям, надевшим солдатские шинели, подчеркивалось, что любовь, надежда и желание встречи сохраняют им жизнь. Это было именно то, что хотели слышать мужья-солдаты, и проходит рефреном через многие письма. Возникает ощущение, что мысли и чувства любящих супругов передавались друг другу на расстоянии. В письмах часто упоминаются дети. Жена писала на фронт, уложив ребенка в кроватку и, глядя на него, вспоминала знакомые черты и характер любимого человека.

На отпуск никто не надеялся, домой на побывку отпускали только после тяжелого ранения и выписки из госпиталя. Оставалось отложить чувства, «зажать их в кулак, терпеть и ждать». Мужья признавались, что в момент тяжелого испытания их жизненные силы поддерживало страстное желание увидеть любимую женщину. Но для этого нужно дожить, разделаться с врагом.

Мужья, обращаясь к своим женам, старались подобрать самые нежные слова, донести свои переживания, передать сокровенные чувства – «ты мой ангел, ты всегда со мной, я всегда вижу и чувствую тебя с собой рядом». И далее, как вывод – «наша любовь облагораживает меня, возвышает, властно требует лучших чувств к своему дорогому человеку» (Письмо Гузикова, 28.06.1943). В некоторых письмах прямо указывалось, что весточка от жены гораздо дороже «любых писем от девушек».

Понятно, что далеко не все мужья-солдаты были способны точно передать свои чувства на бумаге, правильно выразить мысли, подобрать нужное слово или сравнение. Однако, когда мы находим подобные примеры в переписке, они оказываются еще более действенными. Невозможно, например, без волнения читать такие строки: «...очень хотелось тебя обнять и поцеловать, но пока это только мечты. Все свои чувства к тебе я переключаяю на заботу о бойцах...» И тут же после слов высокого пафоса мы читаем обыденные, но настолько понятные земные строки: «...волосы к лету не стриги, завивку не делай, они от этого портятся, лучше поухаживай за ними» (Письмо С. Канцедикаса, 16.05.1942).

Письма жен к мужьям на фронт преследовали главную цель – не только напомнить о своей «негасимой любви»¹, но и передать поддержку, необходимую их любимым в решающий момент. Достаточно было прочитать в письме из дома только несколько фраз о том, что «без твоих писем нет жизни, мне нужен только ты, я верю, что моя любовь сохранит тебя, и ты вернешься ко мне», чтобы у мужа-солдата открылось второе дыхание. Жены, писавшие в действующую армию, понимали, что их мужья подвергаются смертельной опасности. В этих письмах мы находим такие строки – «возможно, завтра придется снова сражаться в жестоком бою. Помни, я с тобой!».

Наряду с этим от жен приходили письма размышления, иногда полные сожаления, или даже разочарования вынужденным одиночеством – «с завистью смотрю на тех, кто пришел с мужьями, а ты как будто никому не нужна». И тут же, спохватываясь, следовало добавление – «все-таки я не теряю надежды, что ты вернешься живым, и мы всюду будем ходить вместе» (Письмо Ваил-Новак, 7.01.1945). Общая мысль, объединявшая письма

¹ Слова из песни «Землянка» (ноябрь 1941 г.). Музыка К. Листова, стихи В. Суркова.

супругов в годы войны, была посвящена тому, что жизнь начнет только тогда, когда муж вернется с войны, а «пока это не жизнь, а пародия» (Письмо Ваил-Новак, 16.01.1945). Люди, связанные брачными узами, постоянно повторяли в письмах, что они думают друг о друге. На работе и дома, по дороге на учебу и в очереди за хлебом.

Женские письма содержали прозрачные намеки на то, как они ждут своих супругов: «...туфельки своих я со времени твоего отъезда еще не надевала, чулок хороших тоже нет, не употребляю тех духов» (Письмо Э. Канцедикас, 5–6.06.1944). Отдельные письма супругов с выражением чувств были настолько сокровенны, что порой они начинали беспокоиться, чтобы их старшие дети не добрались до этой переписки. В отдельных письмах о любви между супругами можно встретить приписку – «с этого места читай одна». Или – «это письмо спрячь получше, чтобы дочь его не нашла» (Письмо Н. Эпштейн, 1943)

Любовь к жене. Письма мужчин были не только чувственны, но и содержали рациональное начало. Мужья не только признавались в любви своим женам, но и пытались объяснить логику своего чувства. Они перечисляли достоинства своих жен, как нежных и страстных подруг, заботливых жен и матерей. Некоторые признавались, что мысли о женах и мирной жизни мешают заснуть, что жена для них – олицетворение домашнего уюта и покоя. Другие ругали себя за недостаток внимания, терпения и заботу о своих супругах. Часто мужчины повторяли в письмах своим женам известную истину о том, что только в трудные моменты жизни они познают истинных друзей и понимают совершенные ошибки во всей их неприглядной наготе. Трудности фронтовой жизни только оттеняли супружескую любовь, делали ее более зримой, желанной и неповторимой.

«Как хочу я видеть тебя, поцеловать в уста... сейчас не время чувствам слово давать. Когда встретимся, тогда пусть чувства говорят. Поэтому будь крепка, как я. Но я верю твоей силе, ты у меня молодец. Люблю тебя, дорогая» (Письмо Тельжинского, 12.11.1941).

Рис. 12. Н. Тельжинский // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

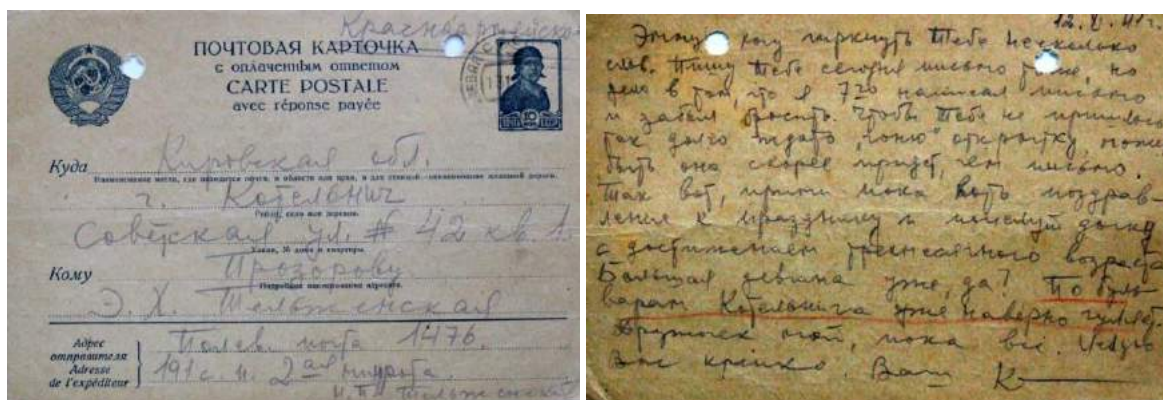

Рис. 13–14. Письмо Н. Тельжинского жене, 12 ноября 1941 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Теперь я понимаю всю огромную прелесть близости с тобой. Поэтому мысленно я часто целую твои черные ресницы и твои синие глаза» (Письмо Абрамовича, 15.06.1944). Многие не скрывали, что закрывая глаза, они видят своих подруг перед собой, как будто наяву, и это поддерживает их в тяжелые минуты, что чувства их можно сравнить по силе с напряжением в бою. При этом делался вывод о том, что для этого необходимо скорей покончить с врагом и выжить. Порой, мужья просили не обижаться на возможную сухость писем, подчеркивая, что три года тяжелой борьбы с врагом не ожесточили сердце, что они продолжают любить до бешенства, до иступления. И только смерть позволит забыть возвышенные чувства и ощущение счастье, которое они испытали.

«Я по-прежнему такой же нежный и мечтаю только об одном»¹, чтоб скорей с победой закончить войну и вернуться к тебе и моим милым деткам. Я голоден, как волк на родное ласковое слово, на твою женину заботу и ухаживания, на родное чистое слово привета. Но я не чувствую себя способным сейчас найти подходящие выражения и этим чувствам, какие мной владеют в минуты «отдыха»» (Письмо Скульского, 4.10.1944).

«Забыть тебя – это значит просто не жить, и забуду я тебя только тогда, когда глаза закроются, сердце перестанет биться, и мозг уже не состоянии будет удержать ни одной мысли. Письмо от жены во много раз дороже любых писем от девушек, которые они получают» (Письмо Ваила, 26.12.1944).

«Сиж у костра в темном лесу, кругом полная тишина, ты перед глазами, и мысли о тебе. Может быть, и ты не спишь? Проснулась и вспомнила меня, ведь наши сердца бьют[ся] в один такт» (Письмо С. Канцедикаса, 18.02.1945).

Квинтэссенцией большинства мужских писем о любви к своим женам заключалась в том, что они давно привыкли к боевой обстановке, ко всем ее трудностям и опасностям, но они не могут одного – жить в разлуке, жить без своих подруг, что их жизнь и все будущее – это любимая женщина.

Любовь к мужу. В женских письмах преобладали, прежде всего, чувства, говорилось о неповторимости своего избранника, верности и преданности ему при любых обстоятельствах. Подчеркивалось, что только муж способен дать счастье, позаботиться о ней и детях, что он составляет смысл жизни женщины. Утверждалось, что любовь женщины настолько сильна, что защитит любимого человека и позволит вернуться к ней живым и невредимым. Слова о том, что «моя любовь тебя сохранит» – типичное утверждение большинства женских писем. Вера в это хранила не только мужчин на фронте, но и позволяла сохранить равновесие их женам и подругам в тылу и в эвакуации, вынести разлуку, воспитывать детей и работать на производстве, в оборонной промышленности, сельском хозяйстве, делать все необходимое для победы над врагом.

«Думаю о тебе, когда иду в институт, из института, когда ложусь спать и встаю – каждую минуту, когда мысль свободна. Хорошо, что играет молодая кровь (это и со мной часто случается) – нельзя дать заглохнуть чувствам в себе, надо их беречь. Это очень ценно»

¹ Строки известного стихотворения С. Есенина «Письмо матери» (1924 г.)

(Письмо Э. Канцедикас, 1.02.1942). «Я бываю эгоисткой, собственницей, ненасытной... говорю открыто все, что думаю. Говорят, что женщины должны быть политиками, но ведь ты мой, без всякой политики, и могу говорить, что думаю? ...Я так по тебе тоскую, просто изнываю по вечерам. Пою песенку и думаю о тебе перед сном – о тебе, всегда, всегда» (Письмо Э. Канцедикас, 28.03.1944). «Может, у тебя тяжелые, напряженные минуты, так пусть тебя поддерживает одно: я совсем, совсем твоя, и физически, и мысленно – вся твоя больше, чем когда-либо» (Письмо Э. Канцедикас, 24.06.1944).

«Без твоих писем нет для меня жизни. Мне нужен только ты, и я верю, что моя любовь тебя сохранит, и ты вернешься ко мне» (Письмо Ваил-Новак, 28.12.1944). Особую силу в женских письмах содержало утверждение о том, что мужчин любят, ждут и примут в любом состоянии – здоровым и больным, раненым и изувеченным или инвалидом. Главное только, чтобы они вернулись домой живыми. Это было как раз те слова, которые надеялись услышать и прочитать солдаты и командиры на фронте. Подобное утверждение не было красивым преувеличением, носило не условный, а прикладной характер, поскольку смерть подстерегала человека на войне на каждом шагу. Умереть или стать калеккой можно было в одно мгновение. Когда подобная трагедия происходила с молодым человеком, которого вся жизнь ждала впереди, то обещание любви, поддержки и заботы в устах любимой женщины звучало с необыкновенной силой.

Одновременно подобные слова должны были подчеркнуть всеобъемлющее чувство любви, ее неподдельность и искренность. Они служили подтверждением верности и преданности любимому человеку, который рисковал ради любимой женщины и своих детей, страдал, терпел, мучился на войне.

«Я тебя люблю, безумно люблю и хорошо знаю, что это чувство настоящее, на всю жизнь. Меня радует твоя улыбка, твоя походка, твой почерк – все это я знаю так хорошо. Живу надеждой видеть тебя. Наряжаясь, думаю о тебе. Мечтаю о том, чтобы нравиться тебе. Хочу тебя видеть теперь еще, если предстоят бои. Нам необходимо быть вместе хоть один день, хоть один час. Сейчас лягу спать, приласкаю сыночка, буду думать о тебе, что тебя ласкаю» (Письмо Э. Канцедикас, 9.03.1945).

«Я тебе уже написала сегодня. Не знаю, что со мной случилось, но я как-то по-особому сейчас тоскую по тебе. Кажется, только бы тебя увидеть, прижаться к тебе – и больше мне ничего не нужно бы было. Неужели это несбыточная мечта? Не поверю. Как ты мне замечательно снился. Я увидела, что ты без руки, и это не произвело на меня никакого впечатления. Я только целовала тебя всего-всего» (Письмо Н. Эпштейн, 1944).

«Если бы только была возможность, то я полетела, чтоб только посмотреть на тебя и успокоиться хоть немного. Теперь победа уже совсем близка, и близка наша встреча, но надо запастись большим терпением и ждать счастливого дня нашей встречи, когда я тебя увижу и услышу твой голос. Но пока что хочу твоего письма, хочу знать, что ты жив» (Письма Ваил-Новак, 8.05.1945).

Интимные отношения. Интимная лирика по праву считается наиболее редкой в военной переписке. Прежде всего, потому, что в пуританском Советском Союзе тема интимной близости всегда представляла собой фигуру умолчания. Она никогда не являлась предметом общественного обсуждения и с большой предосторожностью освещалась в художественной литературе, изобразительном искусстве, театре и кино, почти полностью отсутствовала в публицистике. Однако игнорировать или обойти тему интимных отношений было нельзя, точно также как невозможно было ее отменить или запретить.

Понятно, что все, что происходило наедине между мужчинами и женщинами, любящими друг друга, не должно касаться постороннего взгляда. Однако в годы войны эта тема неожиданно себя обнаружила и вышла на «поверхность». Главным образом, это произошло потому, что вопрос о жизни и смерти стал очень остро. Человек, который был способен дарить радость интимной близости сегодня, обладать другим и позволять обладать собой, завтра шел в бой и мог завершить свой земной путь. Именно это позволило снять многие внутренние запреты.

Однако мало было набраться смелости для начала этого разговора. Необходим был определенный культурный уровень, чтобы выразить свои мысли, найти правильные слова и интонации. Сделать так, чтобы произнесенные слова не были превратно истолкованы, не обидеть женщину. Люди, наиболее подготовленные и развитые, позволяли себя

использовать такие слова, как «интимная близость» или «половая связь», что само по себе в почтовой переписке встречалось не часто. Известно, что интимная близость – это предельная степень доверия, пик отношений между мужчиной и женщиной, не только физической, но и духовной близости.

Нужно было проявить недюжинную изобретательность, чтобы вести разговор на эту тему с помощью почтовой переписки, когда военная цензура досматривала в обязательном порядке все письма без исключения. Письма интимного содержания, в отличие от большинства других писем, которые приходили или уходили на фронт, не являлись предметом публичного внимания. Известно, что письмо с фронта всегда вызывало повышенный интерес, и часто зачитывалось вслух не только родственникам, но и соседям, сослуживцам, друзьям, знакомым. Точно также с письмами из дома многие солдаты и командиры позволяли знакомиться товарищам по оружию, которых они считали своей семьей.

У нас нет данных, которые позволили бы выяснить соотношение писем интимного содержания, прошедших почту или доставленных с оказией. Тему интимной лирики дополняли соответствующие записи, сделанные в военных дневниках. Так или иначе, но спустя десятилетия после окончания Второй мировой войны, письма интимного содержания уравнили себя в правах. В настоящее время они являются историческим документом, необходимым для изучения психологии поведения человека на войне. Письма могут быть подвергнуты научному анализу, показывают уровень откровенности, который позволяли себе любящие люди, чтобы выразить свои чувства или объясниться.

«Аромат твоей молодости так приторно сладок! Чем больше узнаю я тебя, тем больше влечешь ты меня к своим берегам, которые были так далеки и оказались недостижимыми. Я зашел, когда она спала. Ни дверь, ни замок уже не может служить для меня преградой, слегка повернув черную курчавую голову, я разбудил ее. Карие зверьки вдруг выплыли из-под черных ресниц. Зачем их красить, они и так черны, как смоль. Красота и без красок воспаляет. День уже зашел за середину, а в комнате так темно. Это замаскированы окна, но это как раз и хорошо. Иначе бы ее скромность никакими судьбами не заставишь говорить о дружбе, поцелуях и священности. Хотел я пробормотать: мудрец сказал, что все, что принадлежит тебе, мое столько же, сколько и твое, да побоялся спугнуть ее откровенность. Сквозь занавески окон уже светило солнце – признак окончания дня. Она повторяла, что можно сделать сегодня, не откладывая на завтра. С ней я забыл, что живу на свете» (Дневник Лютых, 3.04.1942).

«Ты тяжело переживаешь отсутствие мужа и в половом отношении. Эх, и горячая же оказывается ты, ведь прошло всего полгода» (Письмо С. Канцедикаса, 7.10.1942). «Пишу иногда и очень интимные письма, которые потом не высылаю. Вообще, когда я получаю от тебя письмо или пишу тебе, мне кажется, что ты где-то рядом, что я тебя сейчас увижу» (Письмо С. Канцедикаса, 7.01.1943).

«Старушка моя, а хочешь ли еще девочку? Если бы знать, что будет такая же, как Рут, я бы не прочь, а ведь скоро 20 лет, как мы с тобой женаты. Подумать только!» (Письмо Я. Эпштейна, 26.02.1943). «Ты пишешь, что совсем помолодела. Увы, мне едва ли скоро придется порадоваться твоею молодостью. Я же, по-видимому, здорово изменился. Виски седые, на голове волос значительно убавилось. Тоскую по тебе до помешательства. Прямо бывает, места себе не нахожу, ведь уже два года монашеской жизни. Увидимся, ты меня сразу и не узнаешь. Но и я очень окреп, и тоже, несмотря на седину и плешь, еще молодец. Могу доказать» (Письмо Я. Эпштейна, 31.05.1943).

«Вчера перелистывал книжку и нашел там слова Энгельса, которые мне очень понравились. Они превосходно выражают наше с тобой состояние теперь. Вот они: “Наша половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обеим сторонам большим, если не величайшим несчастьем”. Так он говорил о любви будущего» (Письмо С. Канцедикаса, 13.12.1943). «Так страшно захотелось закинуть руки вокруг твоей шеи и прижаться к тебе, как маленькая. Как-то я прошла мимо стекла, увидела свое лицо и волосы, и так страшно захотелось, чтобы ты хоть один раз провел рукой по ним. Не могу, Сергей!» (Письмо Э. Канцедикас, 16.05.1944). «Дорогой мой, сегодня я шла вечером из столовки одна по улице и вспомнила всю свою жизнь, всю жизнь с тобой. Вспомнилось много моментов нашей

интимной жизни, этот замечательный контраст, который между мной и тобой – то, из-за чего нам с тобой бывало так хорошо. Ведь ты такой крепкий, такой настоящий мужчина, а я нежная, хрупкая женщина. У меня ты один был и будешь, я очень глубоко привязана к тебе и в половом смысле, и другого не хочу ни за что в жизни. Но смотри, не оскорби меня» (Письмо Э. Канцедикаса, 30.10.1944). «Я грубый, может быть, даже черствый человек, без единой слезы я похоронил десятки своих лучших товарищей за эту войну, я могу все перенести, но не могу без тебя. Без тебя нет жизни» (Письмо С. Канцедикаса, 7.05.1945).

Ревность. Письма о любви, которые солдаты так ждали на фронте, не были лишены ревности. Кого могли ревновать женщины, писавшие из эвакуации? Считается, что любви без ревности не бывает – не ревнуешь, значит, не любишь. Так ли это? Тема ревности перекликается с понятиями супружеской верности, любви и преданности, граничащей с самопожертвованием. Отсутствие ревности многие понимали, как безразличие, равнодушие. Другие считали, что если доверяешь, то не должно быть места ревности. Однако в действительности это было не так. В письмах ряд авторов (мужчин или женщин) прямо признаются в ревности. Женщины переживали, насколько мужа им верны на войне. Но и мужчины не были лишены этих подозрений, думая, как жена выдержит разлуку, которая длилась годами. Так или иначе, но тема ревности периодически возникала в каждой переписке. Девушки и юноши, мужчины и женщины, мужа и жены, состоявшие в переписке, выясняли отношения, ссорились, мирились, просили друг у друга прощения, а потом все начиналось заново.

Иногда ревность приходила во сне, и тогда жена признавалась мужу (или муж – жене), что она ревновала (ревновал) и как была рада (рад), что это только сон... Мужья часто успокаивали жен, неженатые – возлюбленных, заверяя о своей любви, повторяя, как они им дороги, что они воюют именно за них. Некоторые ссылались на свой возраст и усталость от войны и жизни. Но это успокаивало женщин не всегда.

Ревность в письмах на войне подчеркивала неподдельность чувства, искренность переживания за жизнь любимого мужчины. Одновременно подруги сохранили опасения, что война может отнять любимого, что чужая женщина способна увлечь его и разлучить с семьей. И такие страхи имели под собой почву. Иногда ревность принимала крайнюю форму претензии на любимого человека – пусть его ранят в бою, пусть он лишится конечности, утратит зрение, станет инвалидом, калекой, но тогда другие женщины не захотят на него смотреть (претендовать).

Ревность не украшала военную переписку, она рождала негативные эмоции и вызывала большие огорчения с обеих сторон. Мужчины чувствовали себя уязвленными в том, что они должны оправдываться в любом случае, пусть без вины виноватые. На них распространялась мнимая коллективная ответственность за грехи сослуживцев, которые позволяли слабость и не хранили верность своим подругам (женам). Жены и возлюбленные ждали своих мужчин домой не только с победой, живыми и невредимыми, но и с незапятнанной репутацией. Посмотрим, как это было отражено в письмах:

«Я вижу уже твое улыбающееся лицо. Ну, смотри, не изменяйся. Не смей больше быть на вечерах. Нет, я не такая жестокая, ходи, только ни за кем не ухаживай. Я знаю женщин. Бывают такие, что ни на что не посмотрят, а увлекут, мужчина становится бессильным, и тогда... бывают всякого рода неприятности. Я вполне тебе доверяю, но все-таки прошу быть осторожным. У меня тоже есть знакомые, но никто меня не удовлетворяет. Одни слишком глупые, другие – скучные, третьи – пошлые. Третью группу я презираю и не желаю быть с ними знакомой, но таких мало. Но мое поведение не располагает к этому. Обыкновенно меня уважают и считают некоторые за счастье поговорить со мною» (Письмо Лобана, 5.08.1942).

«Какой дурак на войне женится? Что же будет за армия, если все поженятся, а нас не мало, верно ведь? Меня интересует вопрос, какой сукин сын додумался кляузничать о моем поведении в госпитале. Ни с кем я откровенен не был, да это и не требовалось. Писем я от вас не получал, никто из посторонних их не читали, хранить их совершенно не требовалось. Да и в госпитале я был не в нормальном состоянии, а с ранением, где меня лечили. Так что все это клевета, не выдерживающая критики. Вот и все. Давай начнем переписку нормальную, хватит куролесить. Пиши письма чаще. Жду» (Письмо Олешева, 19.11.1942).

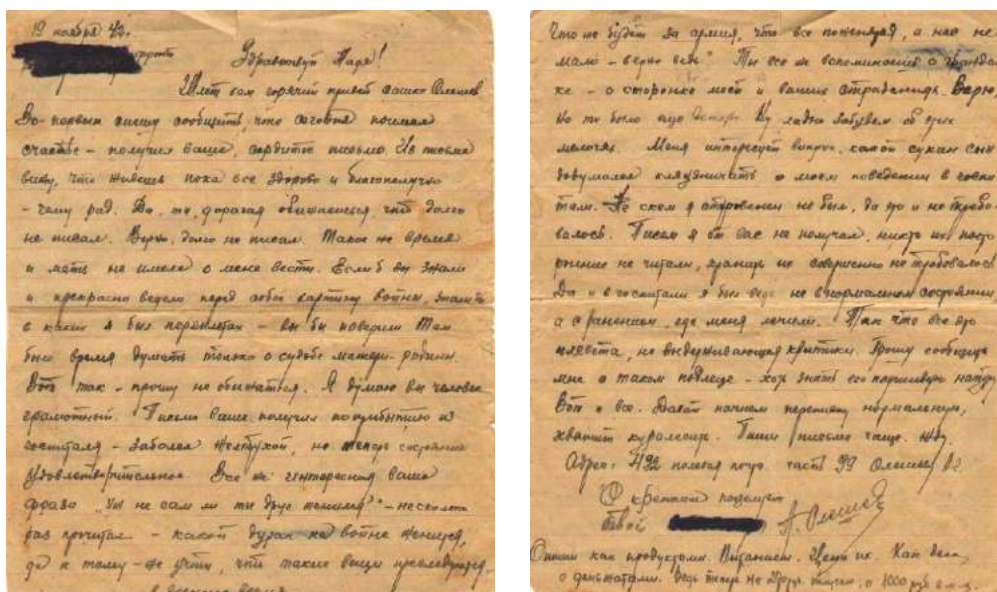

Рис. 15–16. Письмо А.Г. Олешева Надежде Алексеевне (фамилия не установлена), 19 ноября 1942 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Сегодня ты мне всю ночь снился немножко бесстыдно, но хорошо. Помнишь, когда-то у меня бывали печальные сны с тобой – это из-за ревности. Стыдно признаться, но, когда долго не было писем, и я подозревала всякое, бывали даже плохие думы: что если тебя ранят, ты будешь совсем моим, тебя тогда никто не заберет» ([Письмо Э. Канцедикас, 26.03.1944](#)).

«Ты, милая, забываешь, что у меня морщины вокруг глаз, почти белая голова, неприятная складка вокруг рта, в общем, я становлюсь, если не стар, то, во всяком случае, о таких говорят “пожилой”. Однажды мы остановились в деревне, в <...> нас прекрасно приняли, хорошо угостили, уложили в прекрасную постель. Утром я узнаю, что мой ординарец всю ночь гулял с хозяйской дочкой. Ему 23, а мне 36. Твои волнения не стоят гроша ломаного. Вовсе не значит, что как мужчина я погиб, нет, когда приеду, ты убедишься, что я еще кое-что стою. Но, во-первых, я муж, отец, во-вторых, я всегда страшно занят. В общем, мамка, не дури!» ([Письмо Абрамовича, 3.09.1944](#)).

«На твои упреки в остывших чувствах не буду отвечать. Это слишком тяжело объяснить, да и вряд ли ты из письма поймешь. В такой войне пробыть более трех лет в армии, на фронтах, надо было иметь не одно военное “счастье”. Вот только что, совсем рядом, разорвались два снаряда. Я минут на пять прервал течение письма. Проклятый фриц отгрызается. Понимаешь ли, какое сейчас настроение?» ([Письмо Скульского, 30.09.1944](#)).

«Хаиму обязательно напишу. Я его ревновал к тебе, так и устроен человек. И в коммунистическом обществе останется еще “частный феодализм”. Коммунизм в любви – это не любовь, а проституция. Как тогда не мог я быть без тебя, так теперь без твоих писем» ([Письмо Клохтина, 9.01.1945](#)).

«Я видела женщин, которые, может, и были верны своим мужьям, но допускали некоторую ласку и со стороны других. Но у меня все эти годы было достаточное основание не поступать подобным образом. Я думаю, за последнее время у тебя “добавочно” ничего не случилось, хотя я сознаю, как тяжело тебе должно быть и именно теперь – просто необходима женщина» ([Письмо Э. Канцедикас, 29.05.1945](#)).

Супружеская верность. Письма о супружеской верности позволяют составить собирательный портрет солдата как семейного человека. В письмах дается объяснение того, как муж или жена видят понятие супружеской верности, и почему необходимо хранить взаимное доверие. Каждый из супругов дает свой ответ на поднятую тему и приводит собственные доводы. При этом часто вспоминаются отношения в семье в мирное довоенное

время, говорится, что сохранение семьи возможно только при взаимном соблюдении верности друг другу. Что для любящих супругов это отнюдь не формальный акт, что их не удерживает правило, которое служило оправданием для отдельной категории военнослужащих о том, что война все спишет, или «никто не узнает» или «никто не скажет».

Отношения мужчины и женщины на войне давали повод усомниться в прочности семейных уз. Мужчины не отрицали, что рядом были женщины, которые при известных обстоятельствах могли ответить взаимностью. При этом некоторые мужья приводили описания «боевых подруг» в привлекательном или, наоборот, в отрицательном свете (старые или молодые, серьезные или легкомысленные, недотроги или доступные). Некоторые мужья специально сгущали краски – «женщины тут пьют», «девушки со спитыми лицами». Порой, авторы писем с фронта приводили примеры, которые могли свидетельствовать не в пользу мужа – «старая знакомая пригласила ночевать к себе в комнату», но тут же, идет пояснение, что в комнате спали ее родители (Письмо Тельжинского, 20.10.1941).

Мужья и жены, разделенные тысячами километров, испытывали потребность лишней раз услышать, как они дороги и необходимы друг другу. Супружеская верность подается в письмах, как общий фундамент отношений на будущее, ведь война «когда-нибудь» кончится, и как тогда строить взаимные отношения?

Отдельной темой в переписке проходили юбилеи супружеской жизни, которые выступали как своеобразные семейные вехи. Это был повод вспомнить годы, прожитые вместе до войны, семью, детей. Время тогда казалось благополучным и даже безмятежным. Если принять во внимание призывной возраст, который колебался с 1914 до 1924 гг., то семейный стаж большинства бойцов и командиров был небольшим. Однако, чем он был короче, тем становился дороже. Даты вступления в брак упоминались в письмах наравне с днями рождения мужа и жены.

Супружеская верность подается в большинстве писем как величина постоянная в огромном меняющемся мире на фоне мировой войны как великой человеческой трагедии, уносящей ежедневно тысячи человеческих жизней в расцвете сил. Супруги просили друг друга не только соблюдать верность, но и сберечь себя и детей как главное богатство, как бесценное достояние их любви. Они собирались сохранить семейный союз и возродить то, что разрушила война, родить детей, вырастить и подняться в жизни.

«Сегодня я шел и думал, что шестой день нашего юбилея [вступления в брак – Л.С.] придется отметить в необыкновенных обстоятельствах, но все равно, где я не буду в тот день – в бою или нет – не забуду о нем» (Письмо Тельжинского, 29.10.1941).

«Я живу прежней одинокой жизнью с бесконечной тоской за тобой. Все дни, все ночи – только о тебе. У меня одна просьба, если ты действительно сильно любишь меня, береги себя и здоровье свое во всем, в великом и малом. Помни, дорогая, что, сберегая себя, ты оберегаешь меня, который до последнего дыхания своего предан тебе и только тебе» (Письмо Бейлина, 30.10.1941).

«И вовсе я не старушка – это докажу тебе в первый же день нашего свидания. Негодный ты! За мной даже пробовал ухаживать один академик (военный инженер), причем он меня уверял, что нет ни одной верной женщины. А уезжая, ему пришлось сознаться, что таковая нашлась (в лице твоей “старушки”). Ну, это все глупости, и не ко времени» (Письмо Н. Эпштейн, 10.02.1942).

«Очень многие расстались со своими женами, но почему-то меньше всего об этом думают, и при всяком удобном случае стараются развлечься, где можно и с кем можно. Здесь, как когда-то на заводе, смеются надо мной, что я “женоненавистник” по отношению к другим женщинам и “однолюб” по отношению к своей жене. И действительно, так получается, что для меня не существует женщин на земле, кроме тебя. Как видно, ни время, ни расстояния, ни возраст не могут меня излечить от любви к тебе и от моего постоянства» (Письма Ваила, 22.03.1942).

«Ты пишешь, что “много девушек хороших” и, может, поэтому не хочется мне писать. Да, есть одна на самом деле хорошая девушка. У нее недавно погиб муж (тоже мой друг). Сама она изрешечена осколками, и живется ей очень тяжело. Я плачу тебе той же

наивностью и верой в тебя. Уверен, что наша наивность ничто иное, как форма адекватного, как говорят философы, восприятия действительности» (Письмо Лазюка, 1942).

«11 лет, как мы связали нашу совместную жизнь. Наша молодость прошла, мы с тобой прожили главное прекрасное время. А сейчас, дорогая мамка, мы старики. У нас уже детки взрослые, школьники. Время трудное нам попало. Вся наша жизнь очень тяжелая, и на нашу долю выпала война, да еще такая, которую мир не знал. Но это все пустяки. Нужно не падать духом, и как-то их переносить» (Письмо Горелика, 20.10.1943).

«Вся наша жизнь прошла во взаимном доверии, которое теперь уже не может стать меньшим. Много я за свою жизнь слышал разных мнений о женщинах, а в особенности – теперь. Причем, в большинстве случаев, я был свидетелем их подлых поступков, но все это обходит меня и тебя, и наша жизнь так и пройдет незапятнанной по отношению друг к другу» (Письмо Ваила, 6.11.1943).

«Милая дочурка, у меня к тебе просьба: 30 марта 20 лет как мы с мамой поженились. Ты по секрету от мамы сделай от меня и от себя ей какой-нибудь пустячный подарок. Важно, не что ты подаришь, но важно, чтобы подарить. Ладно? Ты уж что-нибудь придумай, чтобы отметить этот день. Я так тоскую по тебе и по маме. Мне хочется скорее к вам. Но, увы! Пока еще нельзя. Живы будем и отпразднуем на славу» (Письмо Н. Эпштейн, 4.03.1943).

«За все время разлуки никакой мужчина ко мне не прикоснулся, я ни о ком не думала, никому не старалась нравиться. Когда я смотрела в зеркало, я думала о тебе – я сама даже не замечала, как всякий раз приходила мысль: понравлюсь так Сергею? А когда я напеваю песенки, мне всегда кажется, что ты меня слушаешь» (Письмо Э. Канцедикас, 24.06.1944).

«У нас есть несколько девушек, все они, в основном, очень недалекие. Как-то была вечеринка, я сидел и наблюдал, и жутко, как было тоскливо видеть их испитые лица, усталые фигуры, натянутые улыбки, их было очень жалко, но не больше. Анализируя все это, ты можешь быть за меня и в этой части спокойна, приеду, расскажу подробно свои мысли на этот счет, а пока пора спать» (Письмо Абрамовича, 10.06.1944). «Для тебя главное не величина письма и не его философская суть. Главное для тебя в том, что я жив, что я люблю тебя, что жду встречи с тобой, что берегу себя для тебя. Это главное, и это удовлетворит тебя вполне» (Письмо Абрамовича, 20.08.1944).

«Сегодня весь день идет дождь, на душе тоскливо... Как хочется хорошей ласки, от всего сердца, тепла всего тела, а кто мне даст это, кроме тебя? Никто! Я никогда не захочу женщины только из-за юбки. Ты у меня не только ЖЕНА. Ты – мать моих детей, ты моя любовница, ты давала мне такие минуты, часы, ночи, которые забудутся только вместе с жизнью. Ничего другого я не хочу и не ищу. Я берегу себя для тебя, для будущего. Береги и ты себя. Береги детей. Целуй их за меня, целуй маму. А тебя я целую всю, всю, целую тебя, 20-летнюю, целую, как первую любовь» (Письмо Абрамовича, 3.09.1944).

«Поверь мне, что я за три года с девчатами не встречался, меня никто не интересуется, я имею только одну, и больше мне никто и никогда не нужен. Мои товарищи просто удивляются моим поведением, почему я ни с кем не знакомлюсь. Я тебе пишу точно, как в самом деле. Отвечаю я им без затруднения, что я навсегда-навсегда занят, и ни с кем не буду знакомиться. Силы воли у меня, дорогая, достаточно не только три года ждать, а, если потребуются, и 10 лет, но, а все-таки своего добьемся. Прошу обо мне не беспокоиться, будь уверена во мне – не подведу тебя никогда. Со мной не может ничего случиться, потому что твоя любовь всегда со мной!» (Письмо Кунина, 7.08.1944).

«В одном из госпиталей, где я был не в качестве больного или раненого, я встретил одну свою бывшую студентку из медико-аналитического института. Ту самую, которая была в меня влюблена. Помнишь, она звонила ко мне домой и проявляла другие тенденции ухаживания? Несмотря на мою седину, она, видимо, не прочь продолжить “роман”. Ей богу, не пойму, почему я до сих пор девушкам нравлюсь. Я “позорно” сбежал от моей медички и, не приведи бог, встретиться с ней еще раз. Но как всегда в таких случаях, я чувствую прилив гордости, что вернусь к тебе кристально честным человеком» (Письмо Перлова, 1944).

«Пять месяцев, как я от тебя ничего не получал, я очень беспокоился, переживал. Мои товарищи поговаривали, мол, бросила тебя твоя Геня. Как раз это письмо разбило спор, я не ошибся, это много о чем говорит, это является доказательством того, что я уверен в тебе, моя дорогая, верю нашей любви, дружбе в нашей счастливой будущей жизни, которая очень близка» (Письмо Кунина, 2.08.1945).

Жена – товарищ по работе. Жены, матери и подруги, проводив своих мужчин на фронт, заменили их на рабочих местах в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, не только оставшись хранительницами семейного очага, заботливыми матерями и воспитателями детей, но и единомышленниками. Слова «жена-коммунист», «жена-большевик», «товарищ по работе» произносились в годы войны без тени иронии. Чаще всего они встречаются в письмах политработников, политруков, корреспондентов армейских газет, бывших учителей, преподавателей высших и средних специальных учреждений. Свою профессиональную лексику они, порой, использовали в переписке с домашними.

Многие жены и подруги, сознавая, что не увидят своих любимых еще долгие месяцы, а не исключено, что и годы, не будучи уверенными, что застанут их в живых до окончания войны, стремились попасть на фронт, презирая все опасности, включая риск смерти. Сохранились письма, в которых об этом говорится прямо – «поеду к тебе, несмотря ни на что и смерть не страшна» (Письмо Н. Эпштейн, 1942). С одной стороны, это говорило о большом чувстве. С другой стороны, что женщины в тылу не представляли себе военной обстановки и действительности фронтовой жизни, поскольку правдивые сведения в советских средствах массовой информации отсутствовали. В газетах и по радио сообщали главным образом о героизме защитников Родины и трудовых успехах тружеников тыла, которые подавались в пропагандистском духе. Кроме того, при полуголодном существовании в тылу, когда «все для фронта – все для победы», попасть в армию означало начать жить в относительно сносных материальных условиях. Однако главное, конечно, было оказаться рядом с любимым человеком, делить вместе горе и радости, идти вместе к победе. Вот иллюзии, которых не были лишены жены и подруги солдат и командиров. Большинству казалось, что одного желания достаточно, чтобы отправиться служить вместе с дорогим человеком. Но в условиях войны все выглядело иначе. Женщины, которые изъявляли желание добровольно вступить в Красную армию, после прохождения ускоренного курса обучения и получения воинской специальности, направлялись туда, где в них была нужда, а не туда, куда им хотелось, хотя были исключения из правила.

Принципиально другая ситуация возникла летом и осенью 1945 г., когда мужья-офицеры начали приглашать жен посетить их места дислокации в оккупационной зоне Германии и ее бывших сателлитов – странах Восточной и Центральной Европы (Письмо Кунина, 27.10.1945). «Дорогая! Мы с тобой не только семья, мы нечто большее. В тебе я находил духовную силу, родившую во мне творческие возможности. Вынужденная трагическая разлука еще больше сблизила нас. Условия жизни, борьбы, работы вызвали естественно еще большую необходимость ощущать тебя всегда рядом» (Письмо Пинхасика, 22.03.1942).

«Ты, дорогая, и не думай ко мне ехать. Нет! – еще что выдумала! Во-первых, можешь меня здесь не разыскать в связи с меняющимися часто адресами. Во-вторых, что ты будешь здесь делать? А в-третьих, если бы нашла себе здесь работу (допустим, что тебе ее дали), то тебе непосильны будут и походы, и все прочее. Нет, дорогая, и не думай сюда приезжать. Ты живи в Омске, жди меня, дорогая, лучше я к тебе приеду. Вот-вот, и скоро вернусь домой. Время быстро пройдет, не заметим его и снова будем вместе. Мне нетрудно пройти 30 км, ты это знаешь, а ведь тебе тоже пришлось бы идти вместе со всеми, остаться нельзя. Разве тебе под силу несколько дней идти? А в походах ведь так» (Письмо Гузикова, 23.06.1942).

«Дорогой мой! Устала. Кроме того, я много занимаюсь на курсах медсестер. Собираюсь через три месяца к тебе на фронт. Ты рад? Я не шучу», – писала Н.Я. Эпштейн (Должанская) мужу (Письмо Н. Эпштейн, 1942). А он отвечал ей: «Я очень огорчен. Неужели ты можешь решиться на то, чтобы подкинуть Рут чужим людям и оставить на произвол судьбы? Ведь не забывай – ей только 14 лет. Прямо жутко делается. Я тебя умоляю, сохрани нашу семью в целостности. Не поддавайся настроениям и, несмотря на все трудности, крепись. Знаю, что тебе очень тяжело. Тебя мобилизуют неизвестно куда, Рут у чужих людей, Зорик тоже далеко. Какие тебе мысли и мыслишки приходят в голову. Не дури, и “жди меня”¹, ведь твоя мама умела ждать. Образумься!» (Письмо Я. Эпштейна, 9.08.1942).

¹ Имеется в виду стихотворение К.М. Симонова «Жди меня», написанное в июле–августе 1941 г. и получившее широкую известность на фронте и в тылу.

«Я теперь знаю, что когда вернусь, то найду сильного товарища, которого можно крепко любить и уважать, с кем интересно и поспорить. Я, конечно, имею в виду споры, которые приносят пользу и радость. Посещай институт. Старайся читать, что очень полезно, расширяет кругозор и дает опыт. Переписываешься ли ты с комсомольцами, которые находятся в области [Куйбышевской – Л.С.]. Передавай им привет от меня» (Письмо С. Канцедикаса, 24.09.1942). «Ты мне глубоко нравишься как человек, как коммунист. О том, что как мужчина и как муж я уже не говорю. Каждый раз, когда хочется тебя похвалить в письме, я чувствую себя неловко, неохотно это делаю» (Письмо Э. Канцедикаса, 4.03.1945).

«Как бы я хотел, чтоб ты хоть на день очутилась возле меня, увидела, как я живу, работаю. Вызвать тебя невозможно по многим причинам, и поэтому ты приехать не сможешь. Я надеюсь, что все исполнится, пусть еще не так скоро. Береги себя, детей, а остальное устроится» (Письмо Абрамовича, 30.09.1944).

«Насчет вызова все будет хорошо, я уже подал требование. Климат очень хороший, тепло, ходим в одних гимнастерках, как у вас в июле. В общем, приедешь, будем жить хорошо. Брать с собой ничего не надо кроме платья и меховой жакетки. Езжай так: Смоленск – Брянск – Киев – Яссы – Бухарест – Крайова – Турну-Северин. В Брянске пересадка, нужно будет компостировать на киевский поезд, идет он одни сутки. В Киеве компостировать на Яссы, есть специальный поезд Киев – Яссы, если компостировать не удастся, компенсируй прямо проводнице 50 руб. В Яссах уже компостировать не надо, езжай на Бухарест. На станции есть наш комендант, скажешь, что ты жена майора. Я тебе ручаюсь, за 5–6 суток будешь у меня, но, конечно, осторожно все. Квартира моя прямо в городе, на хорошем месте, в магазинах все есть, в общем, ты тут походишь» (Письмо Кунина, 27.10.1945).

4. Выводы и результаты

Генштабисты и военные кадровики, готовившие мобилизацию женщин в армию, меньше всего задумывались над тем, какая судьба ожидает их в мужском коллективе. Десятки тысяч девушек и молодых женщин, влившихся в воинские подразделения, рассматривались в глазах военной канцелярии через призму колонки цифр, диаграмм и таблиц. Никто не принимал во внимание природу женщины и ее специфические потребности. Насколько она усвоит военный быт, будет чувствовать себя в армии комфортно, начиная с одежды (обмундирования) и кончая личной гигиеной. Образно говоря, для военной бухгалтерии женщины, мобилизованные в Красную армию, представляли собой формальную единицу без «вкуса, цвета и запаха». Женщины должны были сами приспособливаться к постоянно меняющимся обстоятельствам в тяжелейших условиях фронтовой и походной жизни, и делать это на ходу. Однако в действительности все обстояло гораздо сложнее. Женщины, как и мужчины, не были бесполовыми существами. Это были живые люди со своими симпатиями и антипатиями, привычками и вкусами, наклонностями и способностями.

Понятно, что женщина всегда ищет себе пару (сознательно или интуитивно), в том числе в таких экстремальных обстоятельствах, как война. Мужчина, в силу своей природы, был открыт для воздействия женских чар, иногда даже против собственной воли. Отношения между полами требовали выхода, и время от времени как бурный поток это прорывало плотину формальных условностей (Устав строевой службы, армейские порядки и воинская дисциплина).

В армии все было относительно стабильно и устойчиво, пока в нее не впустили женщину. Мобилизация женщин в годы Великой Отечественной войны была первым массовым призывом в истории русской армии. Женщины и раньше служили в армии, в том числе в годы Первой мировой и Гражданской войн. Однако никогда их призыв не принимал таких масштабов. И поскольку это оказалось делом новым и срочным, то понятно, что при отсутствии опыта здесь оказалось много накладок, ошибок, просчетов и злоупотреблений (негласная сексуальная эксплуатация женщин). Сводить всю эту многосложную проблему только к нравственным отношениям не верно. Нельзя считать, что одни мужчины и женщины, одетые в военные мундиры, могли совладать со своими чувствами и инстинктами, а другие плыли по течению, отдавшись на волю обстоятельств.

На войне не все сводилось к флирту, игре в любовь, были и серьезные увлечения, «романы», разыгрывались любовные драмы. Да, существовала определенная категория женщин, которая стремилась извлечь максимум выгоды из своего положения. Принцип «на всех не хватит» повергал в уныние одних мужчин, и приводил в бешенство других, которые должны были контролировать себя, скрывать свои чувства и эмоции.

Понятно, что женским вниманием, расположением, симпатией и телом пользовались, прежде всего, командиры и начальники, летчики и шоферы. Они могли предложить женщинам подарки, внимание, опеку или защиту от остального мужского общества, которое проявляло свое внимание излишне навязчиво. Речь не шла о падении нравов, массовом сожителстве, скрытой проституции, торговле человеческим телом. Однако игнорировать проблему женщины, за которой оставался выбор, хотела что-то получить от мужчин за свое внимание, тоже нельзя. Это будет также не верно, как огульно осуждать всех женщин.

После окончания войны началась массовая демобилизация Красной армии, и тысячи женщин возвратились на родину, сменили гимнастерки и шинели на гражданское платье. Они неожиданно для себя столкнулись с репутацией, которую им создала молва, объявившая всех женщин, побывавших в армии, падшими. Молва мазала всех одной краской, ставила на одну доску, объявляя ППЖ, «трофейными» или «фронтowymi девушками».

Эта была скрытая месть тех, кто остался в тылу, не захотел, не смог или побоялся пойти в Красную армию. Им нечего было противопоставить подругам, которые, презрев опасность, пошли на фронт, выдержали все испытания, уцелели и вернулись домой с грудью, украшенной орденами и медалями. Их вклад в победу был реальным.

Другую категорию хулителей женщин-фронтовичек представляли обманутые жены и не дождавшиеся своих ухажеров незамужние девушки. Испытывая муки ревности, они искали объяснение (себе и другим), почему их мужья и женихи предпочли их женщинам-военнослужащим. Почему их мужчины, пусть на время службы в армии (от нескольких месяцев до нескольких лет), связали свою жизнь с фронтовичками.

Третий фактор, который создал негативную репутацию женщинам, сражавшимся в рядах Красной армии, были солдаты и офицеры, которые не добились взаимности у женщин-фронтовичек. Женщины предпочли их другим, и этим глубоко уязвили, нанеся непоправимую обиду. Именно эти люди превратились в главных распространителей слухов о том, что ВСЕ женщины, надевшие военную форму, стали падшими, жадными и продажными.

Еще одна категория женщин-военнослужащих, имевших на фронте гражданский брак со своими избранниками, остались вдовами, неофициальные мужья которых не дожили до победы. Их надежды на семейное счастье не сбылись, они были разочарованы, и не знали, как сложится после этого послевоенная судьба.

Так или иначе, но сложный клубок взаимоотношений мужчины и женщины на войне вовсе не исчерпывался отдельными любовными историями и приключениями. Вклад женщин-фронтовичек в победу над врагом неизмеримо выше этих рассказов и интрижек, которые случались на войне. Они гибли от пуль, снарядов и бомб, горели в самолетах, как мужчины. Точно также как мужчины были ранены и становились калеками без рук и ног. Некоторые из них, пройдя фронт, выдержав все испытания, потеряли дар материнства, не смогли создать семьи. Проблема взаимоотношений полов официально в Советском Союзе так и не была предана огласке все послевоенные годы, не получила достойного отображения в научной, исторической, художественной, публицистической литературе. Письма и военные дневники 1941–1945 гг. позволяют прийти именно к такому выводу, чтобы потом не рассказывали, не придумывали и не дополняли участники войны после победы. Женщинам было намного тяжелее, поскольку ни психика, ни их организм не были приспособлены к тому, чтобы участвовать в сражениях. Женщина по своей природе должна рожать, воспитывать, учить, спасать, но не убивать, как это требуется на войне. Большинство женщин разделили все тяготы фронтовой обстановки, вынесли бремя войны наравне с мужчинами. Самая большая заслуга женщин в армии за годы войны состояла в том, что своим присутствием они позволяли мужчинам чувствовать собственную силу, быть мужественными, выполнять свой долг, воевать и побеждать.

Литература

Дневник Лейзерова – Дневник Аркадия Тевелича Лейзерова // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Дневник Лютых – Дневник Петра Денисовича Лютых // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Записная книжка Гуревича – Записная книжка Мули Захарьевича (Залмановича) Гуревича // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 27: Кожные и венерические болезни (предупреждение и лечение). М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1951. 217 с.

Письмо Абрамовича – Письма Михаила Соломоновича Абрамовича жене Евгении Яковлевне Абрамович // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Б. Левитан – Письмо Баси Эммануиловны Левитан Семену (Симе) Залмановичу Левитану // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Бейлина – Письма Наума Бейлина жене Гите Чарной // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Ваила – Письма Менаше Берковича Ваила жене Бэле Шлемовне Ваил-Новак // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Ваил-Новак – Письма Бэлы Шлемовны Ваил-Новак мужу Менаше Берковичу Ваилу // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Горелика – Письмо Мордехая Абрамовича Горелика жене Фаине Анисимовне Горелик // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Гузикова – Письма Наума Иосифовича Гузикова жене Асе Исаевне Гузиковой // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Клохтина – Письма Евгения Клохтина Лие Соломоновне Левитан // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Кунина – Письма Наума Кунина Гене Кобриной // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Куфаевой – Письма Веры Куфаевой родителям // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Л. Левитан С. Левитану – Письмо Лии Соломоновны Левитан Семену (Симе) Залмановичу Левитану // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Л. Левитан Б. Левитан – Письмо Лии Соломоновны Левитан Басе Эммануиловне Левитан // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Лазюка – Письма Николая Демьяновича Лазюка жене Фаине Владимировне Лазюк // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Латышевой – Письмо Ольги Федоровны Латышевой Николаю Павловичу Лобану // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Лобана – Письма Николая Павловича Лобана Ольге Федоровне Латышевой // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Лукашевой – Письма Полины Иосифовны Лукашевой Александру Шойловичу Черному // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Н. Эпштейн – Письма Нины Яковлевны Эпштейн (Должанской) мужу Якову Абрамовичу Эпштейну // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Олешева – Письмо Александра Григорьевича Олешева Надежде Алексеевне (фамилия не установлена) // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Перлова – Письмо Израиля Самуиловича Перлова жене Суламифи Лазаревне Вулих // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Пинхасика – Письмо Давида Шлемовича Пинхасика жене Марии Михайловне Вагановой // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Поляка – Письмо Дмитрия Поляка родителям // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо С. Канцедикаса – Письма Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Скульского – Письма Якова Моисеевича Скульского жене Гене (Гитл) Копелевне Брехман // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Тельжинского – Письма Николая (Ноаха) Тельжинского жене Эмме Хаимовне // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Фруг – Письма Инны Львовны Фруг матери Екатерине Осиповне Маневич // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Э. Канцедикас – Письма Элишевы Яковлевны Канцедикас мужу Соломону Мейлоховичу Канцедикасу // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Я. Эпштейна – Письма Якова Абрамовича Эпштейна жене Нине Яковлевне Эпштейн (Должанской) // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Смиловицкий, 2016 – *Смиловицкий Л.* Из опыта пережитого. Воспоминания. Иерусалим: [Б.и.], 2016. 191 с.

Smilovitsky, 2014 – *Smilovitsky L.L.* Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Русский архив.* 2014. Т. 6. № 4. С. 236–252.

Smilovitsky, 2017 – *Smilovitsky L.L.* Love in war. Women and Men in the Red Army (On Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 1 // *Русская старина.* 2017. № 2. С. 173–185.

References

Dnevnik Lejzerova – Diary of Arkadiy Tevelich Leyzerov // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Dnevnik Lyutykh – Diary of Petr Denisovich Lyutykh // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Zapisnaya knizhka Gurevicha – Notebook of Mulya Zakhar'evich Gurevich // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Opyt sovetskoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg., 1951 – Opyt sovetskoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. [The Experience of Soviet

medicine in the Great Patriotic War 1941–1945]. Vol. 27: Kozhnyye i venericheskiye bolezni (preduprezhdeniye i lecheniye) [Skin and venereal diseases (prevention and treatment)]. Moscow: State Publishers of Medical Literature, 1951. 217 p.

Pis'mo Abramovicha – Letters from Mikhail Solomonovich Abramovich to his wife Evgenia Yakovlevna Abramovich // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo B. Levitan – Letter from Basya Emmanuilovna Levitan to Semen (Sima) Zalmanovich Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Beylina – Letters from Naum Beylin to his wife Gita Chernaya // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Vaila – Letters from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Shlemovna Vail-Novak // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Vail-Novak – Letters from Bela Shlemovna Vail-Novak to her husband Menashe Berkovich Vail // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Gorelika – Letter from Mordekhay Abramovich Gorelik to his wife Faina Anisimovna Gorelik // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Guzikova – Letter from Naum Iosifovich Guzikov to his wife Asya Isaevna Guzikova // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Klokhtina – Letters from Evgeniy Klokhtin to Liya Solomonovna Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Kunina – Letters from Naum Kunin to Genya Kobrina // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Kufaevoy – Letters from Vera Kufaeva to her parents // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo L. Levitan S. Levitanu – Letter from Liya Solomonovna Levitan to Semen (Sima) Zalmanovich Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo L. Levitan B. Levitan – Letter from Liya Solomonovna Levitan to Basya Emmanuilovna Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Lazyuka – Letters from Nikolay Dem'yanovich Lazyuk to his wife Faina Vladimirovna Lazyuk // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Latyshevoy – Letter from Ol'ga Fedorovna Latysheva to Nikolay Pavlovich Loban // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Lobana – Letters from Nikolay Pavlovich Loban to Ol'ga Fedorovna Latysheva // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Lukashevskoy – Letters from Polina Iosifovna Lukashevskaya to Aleksandr Shoylovich Chernyy // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo N. Epshteyn – Letters from Nina Yakovlevna Epshteyn (Dolzhanskaya) to her husband Yakov Abramovich Epshteyn // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Olesheva – Letter from Aleksandr Grigor'evich Oleshev to Nadezhda Alekseevna (surname not established) // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Perlova – Letter from Izrail' Samuilovich Perlov to his wife Sulamif' Lazarevna Vulikh // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Pinkhasika – Letter from David Shlemovich Pinkhasik to his wife Mariya Mikhaylovna Vaganova // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Polyaka – Letter from Dmitriy Polyak to his parents // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo S. Kantsedikasa – Letter from Solomon Meylokhovich Kantsedikas to his wife Elisheva Yakovlevna Kantsedikas // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Skul'skogo – Letters from Yakov Moiseevich Skul'skiy to his wife Genya (Gitl) Kopelevna Brokhman // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Tel'zhinskogo – Letters from Nikolay (Noakh) Tel'zhinskiy to his wife Emma Khaimovna // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Frug – Letters from Inna L'vovna Frug to her mother Ekaterina Osipovna Manevich // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo E. Kantsedikas – Letters from Elisheva Yakovlevna Kantsedikas to her husband Solomon Meylokhovich Kantsedikas // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Y. Epshteyna – Letters from Yakov Abramovich Epshteyn to his wife Nina Yakovlevna Epshteyn (Dolzhanskaya) // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Smilovitskiy, 2016 – *Smilovitskiy L.* (2016) *Iz opyta perezhitogo. Vospominaniya* [From the experience of the bygone. Memories]. Ierusalim: [s.n.]. 191 p. [in Russian]

Smilovitskiy, 2014 – *Smilovitskiy L.* (2014). *Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // Russkiy arkhiv.* Vol. 6. № 4. pp. 236–252 [in Russian]

Smilovitsky, 2017 – *Smilovitsky L.* (2017) Love in war. Women and Men in the Red Army (On Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 1 // *Russkaya starina*. № 2. pp. 173–185 [in Russian]

Любовь на войне. Женщины и мужчины в Красной армии (по страницам писем и дневников советских евреев 1941–1945 гг.). Часть 2

Леонид Львович Смиловицкий^{а, *}

^а Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме роли женщин-военнослужащих в Красной армии войны и их положению в мужском коллективе. Из 800 тыс. женщин в Советском Союзе, участвовавших в войне, большинство не только заменили солдат-мужчин, который уходили на передовую, но и сами участвовали в боях. Автор ищет ответ на вопрос о месте женщины-солдата на войне, которая по своей природе должна рожать, воспитывать, учить, спасать, но не убивать, как это требуется на войне. Тем не менее, большинство женщин разделили все тяготы фронтовой обстановки, вынесли бремя войны наравне с мужчинами. Они гибли от пуль, снарядов и бомб, горели в самолетах, были ранены и становились калеками без рук и ног. Некоторые из них, выдержав все испытания, потеряли дар материнства, не смогли создать семьи. Автор приходит к выводу о том, что самая большая заслуга женщин в армии за годы войны состояла в том, что своим присутствием они позволяли мужчинам чувствовать собственную силу, быть мужественными, выполнять свой долг, воевать и побеждать. Материалом для написания статьи послужили письма и дневники советских евреев, солдат и командиров Красной армии, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: военно-полевая почта, Великая Отечественная война, евреи в Красной армии, мужчины и женщины на войне, любовь и война, вклад женщин в разгром нацистской Германии, патриотизм, женская честь, романтическая переписка, ревность, измена, супружеская верность.

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)